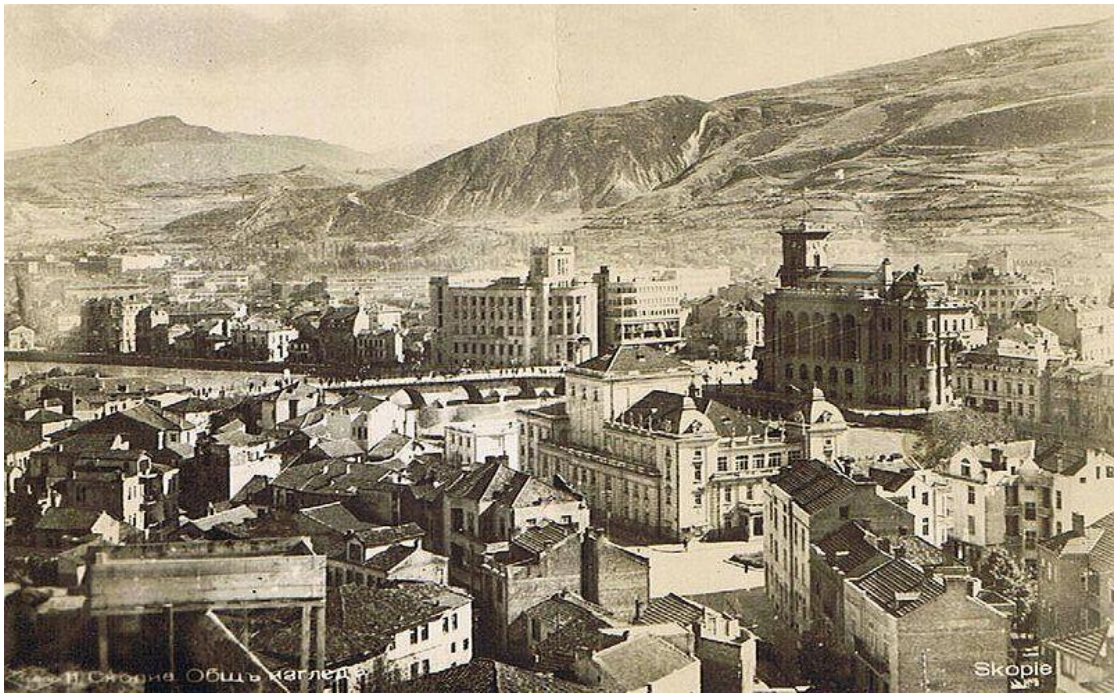
Максим Кирчанов

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРИФЕРИЙ



ВГУ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Воронеж
2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Максим Кирчанов

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРИФЕРИЙ

Воронеж
2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

УДК 327 / 94 (4-13)
ББК 63.3-36 (4)
К 436

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор, директор Института Национальной Истории НАНИ Македонии *Тодор Чепреганов* (Македония, Скопье);
доктор политических наук, старший научный сотрудник Института европейских исследований *Милан Суботич* (Белград, Сербия);
д.и.н., профессор Московского Государственного Педагогического Университета *Э.В. Ковалева* (Москва, Россия).

К 436 Кирчанов М.В. Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2009. – 219 с.

В монографии анализируются проблемы, связанные с модернизацией европейских периферий на примере Македонии и Грузии.
Процессы модернизации, социальных перемен и культурных изменений показаны в контексте развития националистической политической традиции, национального и националистического воображения, интеллектуальной истории Македонии и Грузии. Автор рассматривает различные дискурсы македонского и грузинского национальных проектов в условиях авторитарных режимов. Анализируются проблемы, связанные с национализмом и исторической памятью, национальным воображением и языковым конструированием.
Особое внимание уделено альтернативным политическим и этническим идентичностям, связанным с идеями политической болгарской нации в Македонии и политической лояльностью в Грузинской ССР периода «высокого сталинизма».

УДК 327 / 94 (4-13)
ББК 63.3-36 (4)
К 436

ISBN 5-000010-46-9

© М.В. Кирчанов, 2009
© Воронежский государственный университет, 2009
© Факультет международных отношений, 2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
(модернизация, национализм, периферия) 5

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРОЕКЦИИ

1. Македония в контексте болгарской националистической традиции начала 1940-х годов 25
2. Македония в контексте болгарской националистической традиции и исторической памяти в XX веке 35
3. Македония в контексте болгарского националистического дискурса (на примере деятельности МНИ) 45
4. Грузины и грузинская история в британском интеллектуальном дискурсе середины 1960-х годов 57

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК СФЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

1. Особенности нациестроительства и национального воображения в СР Македонии 64
2. Националистическое воображение и македонская культура во второй половине 1940-х – 1970-е годы 78
3. Лингвистическое воображение в Социалистической Республике Македония как фактор развития национализма 88
4. Политический и национальный язык в Грузинской ССР как место социальной памяти 95
5. Македонский националистический дискурс конца 1960-х – середины 1980-хх годов: проблемы и направления развития 102
6. Проблемы идентичности и национальной памяти в Грузинской ССР 1920-х годов 109
7. Грузия – память: проблемы исторической памяти в контексте развития грузинского национализма 116
8. Проблемы развития грузинской идентичности во второй половине 1940-х годов 124
9. Проблемы развития грузинской идентичности конца 1940-х – начала 1960-х годов 131

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. Исторические исследования как сфера доминирования националистического дискурса и примордиалистского историонаписания 139
2. Болгарские нарративы в интеллектуальном националистическом дискурсе СР Македонии 147
3. «Греческие» нарративы в македонском интеллектуальном дискурсе второй половины 1960-х годов 153
4. Окцидентализм как форма политического национализма и интеллектуального протеста в Грузинской ССР 160
5. «Русские» нарративы в грузинской национальной идентичности начала 1950-х годов 168
6. Исторические исследования и национализм в Грузинской ССР в начале 1960-х годов 175
7. Баскология и национализм в Грузинской ССР 1970-х годов 186
8. Византийские исследования и грузинский национализм во второй половине 1980-х годов 193

Заключение
(периферия, модернизация, национализм) 199

Библиография 202

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ВВЕДЕНИЕ
(МОДЕРНИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ, ПЕРИФЕРИЯ)*

«Модернизация», «модернизационные процессы», «модернизм», «модернити», «модерная (современная) нация», «модерновая идентичность», «национальное (националистическое) воображение» принадлежат к числу понятий, которые часто используются в современной политологической традиции, в первую очередь – в американской, связанной с изучением феномена национализма[1]. Несколько столетий в истории европейской и американской цивилизации могут быть интерпретированы как история модернизации, значительных социальных изменений и культурных перемен. Эти изменения и перемены в Европе развивались под знаменами национализма – как политического, так и этнического. Национализм стал не только стержнем, но и своеобразным бэк-граундом модернизации.

В рамках западной интеллектуальной традиции неоднократно имели место попытки осмысления национализма и модернизации. Если до XX столетия эти проблемы анализировались вне связи друг с другом, то в XX веке в рамках британской и американской политологии и социологии наметились значительные тенденции к утверждению междисциплинарного подхода в исследовании проблем, связанных с национализмом и модернизацией. Нация, вооруженная идеологией национализма и ведомая своими национальными лидерами, националистами-интеллектуалами, стала восприниматься как основной актор процессов модернизации.

Появлению на Западе теорий модернизации предшествовало появление марксизма. Карл Маркс заложил одну из центральных идей, которая позднее доминировала в различных модернизационных теориях. Как известно, Маркс полагал, что все страны проходят в процессе своей истории одинаковые стадии экономического, социального и политического развития. В такой ситуации менее развитые страны исторически обречены на развитие, то есть не модернизацию. В 1966 году американский социолог С. Блэк опубликовал одно из первых теоретических исследований, посвященных модернизации. В своей книге «Динамика модернизации» С. Блэк констатировал сложности, с которыми сталкивается исследователь модернизации: «современная литература, посвященная вопросам модернизации продолжает пребывать в процессе определения своего предмета у поиска основополагающих фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных

* *Автор хотел бы выразить свою благодарность всем, кто на различных этапах читал рукопись этой монографии; рецензентам, взявшим на себя труд и ответственность прочитать эту работу и высказать свои ценные замечания и комментарии. Автор благодарен профессору, доктору исторических наук, директору Института Национальной Истории НАН Македонии Тодору Чепреганову, доктору Милану Суботичу (Институт европейских исследований, Белград, Сербия), профессору МГПУ Э.В. Ковалевой (Москва, РФ) за их замечания и интересные идеи, которые в значительной степени помогли улучшить эту книгу. Автор благодарен Тамиле Багатурии за помощь в проверке и корректировке грузинского правописания. Автор благодарен сотрудникам Отдела иностранной литературы, Отдела художественной литературы, Отдела обслуживания исторического факультета и факультета международных отношений Зональной Научной Библиотеки ВГУ за помощь в поиске и подборе литературы.*

[1] О теориях модернизации см. подробнее: Кирчанов М.В. Политическая модернизация. Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

обществ и структур»[2]. Блэк полагал, что изучение модернизации невозможно в рамках одной гуманитарной науки – истории, политологии, социологии, культурологи. По мнению С. Блэка, изучение модернизации – междисциплинарная задача. В этой ситуации изучение модернизации – «междисциплинарное изучение человечества путем описания и объяснения во всей сложности процессов изменения, которым приписывается мировое значение»[3]. Вероятно, именно появление исследования С. Блэка мы можем принять за отправную точку в начале модернизационных исследований. Постепенно в политологической и социологической традициях возникают различные теоретические подходы к проблеме модернизации, известные как теории модернизации или theories of modernization.

Что такое модернизация? В политологической, социологической и культурологической литературе относительно определения этого понятия нет единства мнений. Вероятно, модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного аграрного и донационального общества, основанного на патриархальной культуре и жестко закрепленной социальной структуре и иерархии, доминировании традиционных идентичностей, к индустриальному обществу, которое, в свою очередь, имеет фундамент в крупном машинном производстве и рациональном управлении общественными процессами в рамках, как правило, демократических политических режимов, связанных с националистическим опытом общества, в первую очередь – с приходом на смену этническому национализму политического и гражданского национализма.

Какие процессы в этой ситуации характеризуют модернизацию? Суммируя изменения, протекающие в рамках модернизационных процессов, мы можем определить их следующим образом: совершенствование системы общественных отношений и изменение уклада жизни; рост сознательности и самостоятельности отдельных членов общества; максимальное распространение товарно-денежных отношений; появление новых технологий; достижение высокого уровня профессиональной специализации менеджеров, служащих и рабочих; изменение социальных отношений через повышение социальной мобильности, но самое важное содержание процессов модернизации связано с триумфом национализма и его наиболее важного политического проекта – национального государства.

Модернизация, таким образом, является гибелью традиционного общества и его фундамента – традиционной (домодерной) идентичности. Под традиционным обществом следует понимать общество, важнейшими атрибутивными характеристиками которого являются: существование т.н. невыделенной индивидуальности, что проявляется в существовании личной зависимости индивида от семьи, касты, сословия; доминирование групповой коллективной идентичности; социальный статус имеет предписанный характер и является наследственным; социальная мобильность крайне ограничена; доминирование традиционных институтов, среди которых различные формы патернализма.

Таким образом, модернизация представляет собой общественный и исторический процесс, по мере протекания которого традиционные общества становятся современными и индустриально развитыми, а на смену сообществам кре-

---

[2] Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975. – P. 186.
[3] Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

стьян и горожан приходят общества граждан, идея гражданства которых связана с политической и этнической идентичностью. Такая трансформация была бы невозможна без возникновения национализма. В связи с этим, а западной политической науке относительно процесса модернизации утвердились два подхода. Автором первого мы можем считать Эмиля Дюркгейма, второго – Макса Вебера. Согласно первому концепту, модернизация является преимущественно социальным процессом, связанным с развитием трудовых отношений. Согласно второй концепции, модернизация – это процесс постепенной рационализации, как общественно-политических, так и экономических отношений. Обе теории пытаются объяснить различные аспекты разрушения традиционных идентичностей и их поражение в борьбе против национализма.

Существует ряд определений процесса «модернизации»[4]. С. Блэк определял модернизацию как процесс, при помощи которого различные общества стремятся адоптироваться и адоптируются к окружающим изменениям[5]. Израильский ученый Ш. Эйзенштадт оценивает модернизацию как процесс изменения различных обществ в направлении политических моделей Запада[6]. Роберт Уорд полагал, что модернизация является целенаправленным изменением социальных отношений и окружающей среды[7]. Р. Бендикс указывает на то, что под модернизацией следует понимать комплекс политических и социальных перемен, связанных с процессами индустриализации[8]. С. Ваго полагает, что модернизация является трансформацией аграрных обществ в индустриальные[9]. По мнению В. Цапфа, модернизация – сложный процесс, включающий в себя индустриальную революцию, стремление отсталых стран повысить уровень своего развития, реакция развитых обществ на новые вызовы[10].

Модернизация, как сложный и комплексный процесс, обладает целым рядом характеристик. Важнейшие из характеристик модернизации следующие: комплексность (модернизация является универсальным процессом, который охватывает все сферы жизни общества); системность (в рамках модернизации изменение любого элемента системы влечет изменения других элементов); глобальность (и хотя процесс модернизации исторически начался на Западе – перед модернизационным натиском не устояли ни Север, ни Юг, ни Восток); темпоральная пролонгированность (модернизация является длительным процессом с хронологической точки зрения); разнообразие (процесс модернизации несмотря на то, что он имеет универсальный характер, отличается значительными локальными особенностями).

С понятием «модернизация», как правило, ассоциируется целый комплекс различных теоретических и методологических концептов, теорий модерниза-

---

[4] Обзор и критику основных теорий модернизации см.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.
[5] Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.
[6] Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.
[7] Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.
[8] Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.
[9] Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.
[10] Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ции[11]. Под теориями модернизации следует понимать теории, рассматривающие модернизацию как сложный глобальный процесс, который, с одной стороны, характерен для всех ключевых сфер функционирования общества; а, с другой, отличающийся структурной и функциональной дифференциацией и образованием новых форм интеграции. Среди теорий модернизации выделяется теория структурно-функциональной дифференциации, теории индустриального общества, теория равного партнерства.

Структурно-функциональная дифференциация – теоретический концепт, в рамках которого модернизация осознается и позиционируется как процесс разделения социальных систем и / или подсистем на структурные элементы в зависимости от предписываемых им функций. В рамках теории индустриального общества доминирует комплекс нарративов, согласно которым технический прогресс и рост крупного машинного производства являются основой создания, формирования и развития индустриального общества. Индустриальное общество, в свою очередь, позиционируется как универсальная модель для развития всех стран.

Теория равного партнерства – теория модернизации, в рамках которой основное внимание уделяется таким проблемам, как ускоренное развитие и модернизация экономики развивающихся стран. Сторонники этой концепции полагают, что развивающиеся страны в результате модернизации должны отказаться от роли поставщиков сырья и продовольствия и перейти к непосредственному участию в производстве, активно взаимодействуя и сотрудничая с развитыми и развивающимися странами.

Успех любой модернизации зависит от степени и глубины политической модернизации. Именно политические изменения является залогом дальнейшего успешного развития – политического, социального, экономического… Американские политологи С. Верба и Л. Пай предложили концепцию политической предопределенности и обусловленности модернизации[12]. Согласно их концепции, следует выделять ряд характеристик политической модернизации, а именно: структурная дифференциация институтов политической системы (постоянное появление новых политических институтов, которые выполняют свои строго очерченные и определенные функции – с другой стороны, эти институты является тесно между собой связанными); повышение мобилизационного потенциала политической системы (такое общество в состоянии мобилизовать и эффективно использовать разнообразные ресурсы); повышение способностей политической системы реагировать на кризисные ситуации; тенденция к политическому равноправию (постепенное снятие всех ограничений на участие граждан в политической жизни).

Процессы модернизации в различных регионах протекали неравномерно. Поэтому, выделяются эшелоны модернизации. К странам первого эшелона относятся государства Западной Европы, США и Канада. В этих странах модерниза-

---

[11] В задачу автора в настоящем исследовании не входит анализ этих теорий. См. подробнее: Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М., 2006. – С. 101 – 114.

[12] См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ция протекала как результат рационального использования внутренних ресурсов в условиях триумфа демократических ценностей и политического национализма. К странам второго эшелона относятся государства Центральной, Восточной, Юго-Восточной (балканские государства) и Южной (Испания и Португалия) Европы, а так же государства Латинской Америки и некоторые восточные страны, среди которых Турция, Япония и Россия. Модернизация в этих регионах началась позднее, протекала в условиях бурных политических процессов и не всегда в рамках демократических режимов: политический национализм нередко проигрывал национализму этническому. К третьему эшелону относятся постколониальные государства Азии и Африки, где внутренние предпосылки для модернизации почти отсутствовали, а сами модернизационные процессы стали результатом попытки правящих элит использовать различные варианты модернизации, опробованные в Европе, в рамках демократической или авторитарной модели и стратегии. В этих странах западные политические теории и сам национализм нередко воспринимаются как попытка перенесения европейских традиций на чуждую почву.

Национализм тесно связан с модернизацией. В исследованиях, посвященных национализму, выделяется особое течение – модернизм, сторонники которого интерпретируют национализм как результат кризиса традиционализма в результате распада «высокой» культуры и политизации масс[13]. Под национализмом Э. Геллнер, один из крупнейших модернистских теоретиков национализма, понимал «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать»[14]. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Геллнер писал, что «национализм является следствием новой формы социальной организации, которая опирается на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»[15]. Принимая национализм как продукт современной истории, Геллнер отрицал и изначальность наций, полагая, что «мы не должны руководствоваться мифом… нации не даны нам от природы… они не являются политической версией теории биологических видов»[16].

В теоретических исследованиях Э. Геллнера присутствует дихотомия «национализм / нации» и эти два явления анализируются им в неразрывной связи. В такой ситуации возникает вопрос о том, какой из феноменов первичен – нация

---

[13] О теоретических аспектах изучения национализма см.: Katunarić V. Sporna zajednica: Novije teorije o naciji i nacionalizmu / V. Katunarić. – Zagreb, 2003. Hobsbaum E. Nacije i nacionalizam od 1780 / E. Hobsbaum. – Zagreb, 1993; Gellner E. Uvijeti slobode. Civilno društvo i njogovi suparnici / E. Gellner. – Zagreb, 2001.

[14] Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23. О теории национализма Э. Геллнера и состоянии дискуссий после Э. Геллнера см.: Bossche G. van der, Is there Nationalism after Ernest Gellner? An exploration of methodological choices / G. van der Bossche // Nations and Nationalism. – 2003. – Vol. 9. – No 4. – P. 491 – 509. Nairn T. The curse of rurality: limits of modernisation theory / T. Nairn // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / ed. J. Hall. – Cambridge, 1998. – P. 107 – 134. O'Leary B. Ernest Gellner's diagnoses of nationalism: a critical overview, or, what is living and what is dead in Ernest Gellner's philosophy of nationalism? / B. O'Leary // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / ed. J. Hall. – Cambridge, 1998. – P. 40 – 88.

[15] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

[16] Там же. – С. 114.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

или национализм. Анализируя динамику развития, как наций, так и национализма, Э. Геллнер полагал, что первичен национализм, который усилиями своих носителей, националистов, создает нации. Комментируя эту ситуацию, Э. Геллнер писал, что «именно национализм порождает нации, а не наоборот, национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное разнообразие, хотя он использует его очень выборочно, и чаще всего трансформируя»[17]. В этом контексте становится очевидным еще одно измерение национализма. Национализм может выступать и выступает в качестве мощного канала политической и культурной модернизации и трансформации ценностей и институтов, которые сложились в эпоху, предшествующую его существованию. Комментируя это креативную функцию национализма, Э. Геллнер писал, что «мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена»[18].

Но такой мощный потенциал национализма, направленный в ряде случаев на восстановление того, что, как казалось предыдущим поколениям, было безвозвратно утрачен, согласно Э. Геллнеру, вовсе не означает того, что «национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ»[19]. Геллнер признавал, что определение национализма, предложенное им в первой половине 1980-х годов, базировалось на двух принципах – на неизбежном наличии, как модерной нации, так и современного государства, а появление этих двух феноменов было невозможно без модернизации, которая была и утверждением политического национализма.

Для Э. Геллнера нации и национализм были постоянно изменяющимися феноменами. Поэтому, он полагал, что современный мир обречен на то, чтобы быть заложником процессов развития и активизации национализма, национальных возрождений и попыток одних наций заявить о своих правах на самоопределение при желании других подавить подобные попытки национального освобождения. Примечательно, что обе гипотетические нации, потенциально вовлеченные в конфликт, будут руководствоваться одним и тем же принципом – национализмом.

В концепции, предложенной Э. Геллнером, современное государство было той единственной и монопольной сферой, где разворачивался и развивался национализм. Геллнер полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает»[20]. В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма. Гелл-

[17] Там же. – С. 127.
[18] Там же. – С. 127.
[19] Там же. – С. 127.
[20] Там же. – С. 30.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

нер попытался доказать, что национализм неизбежно возникнет в том случае, если государство становилось «слишком ощутимым»[21].

В такой ситуации националистический принцип возникал постепенно: доаграрные сообщества не знали ни национализма, ни государства; аграрные общества знали государство, но не знали национализм; индустриальные – знали и то, и другое. Такая трехэтапная хронология имела универсальный характер, но, с другой стороны, он полагал, что не все общества, прошедшие через два первых этапа в своей истории, в третьем неизбежно обречены на то, чтобы испытать на себе силу воздействия национализма, если не своего, то хотя бы чужого. Государство сможет узнать, что такое национализм только в том случае, если возникнет нация. Хотя Геллнер допускал и отклонения от этого общего правила: «государство возникло без помощи нации, некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего государства»[22].

Анализ феномена национализма будет неполным, точнее – просто невозможным, без анализа нации как системообразующей категории. Под нацией Э. Геллнер понимал сообщество, представители которого не только имели общую культуру, но и признавали сам факт своей принадлежности к той или иной нации. Для Э. Геллнера нации возникали в результате развития отдельных человеческих сообществ: «нации делает человек, нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей»[23]. Примечательно, что Геллнер не сводил процесс формирования наций исключительно к внешней, социально-экономической, стороне, что было характерно, например, для советского обществоведения. По его мнению, в формировании современных наций очень значительную роль сыграл фактор культуры.

Культура стала той категорией, которая сыграла ведущую роль в постепенной трансформации традиционных аграрных сообществ. Важнейшим достижением культуры на уровне аграрного общества, по мнению Э. Геллнера, было изобретение письменности, что позволило создать, с одной стороны, класс грамотных людей, а, с другой, дало возможность записывать, сохранять, транслировать и видоизменять информацию. Именно появление письменности дало возможность начать постепенную модернизацию общества, что на раннем этапе выразилось именно в распространении грамотности: «поначалу никто не умел читать, затем читать научились немногие и, в конце концов, читать стали все»[24].

Но само появление письменности не означало мощного культурного рывка вперед. Для аграрных обществ (под которым Э. Геллнер понимал «общество, основанное на сельском хозяйстве… для которого характерно довольно стабильная технология»[25]) была характерна строго иерархическая культура, которая сдерживала прогрессивные изменения, способствуя тому, что элементы статики преобладали над элементами динамики. Геллнер полагал, что аграрные общества, терзаемые, в первую очередь, социальными противоречиями не смогли сформировать свою идентичность по причине внутренней расколотости. Поэтому, различ-

[21] Там же. – С. 30.
[22] Там же. – С. 34.
[23] Там же. – С. 35.
[24] Там же. – С. 37.
[25] Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ные социальные группы, которые уже сформировались и существовали на этапе аграрного общества, были заняты, в первую очередь, выяснением отношений между собой, а не выработкой общей культуры и тем более ее более сложной формы – идентичности.

Комментируя подобную ситуацию, Э. Геллнер писал, что «как для правящего класса, так и различных слоев аграрного общества гораздо существеннее подчеркивание культурной дифференциации, нежели общности»[26]. Геллнер показывал, что и сама специфика существования и функционирования традиционных аграрных обществ влияла на то, что на данном этапе не могла возникнуть ни единая культура, ни идентичность. Это было вызвано тем, что в аграрном обществе отдельные производящие сообщества жили, как правило, в сельской местности в условиях изолированности друг от друга. Замкнутость одних сообществ и их отдаленность от других создавали условия для постепенной фрагментации такого традиционного аграрного общества.

В связи с этим Э. Геллнер писал, что «маленькие крестьянские общины живут очень изолированно… даже если население данной области имеет общий языковой корень, а это не всегда так, нечто вроде культурного сдвига очень быстро приводит к диалектным и другим различиям… никто или почти никто не заинтересован в сохранении культурного единства на этом социальном уровне»[27]. Такие общины обладали своей особой идентичностью, комментируя особенности которой, Геллнер писал, что «мировоззрение, на котором зиждется это общество не предполагает интенсивного познания и освоения природы… оно предполагает устойчивое сотрудничество между природой и обществом, в ходе которого природа не только доставляет обществу скромное, хотя и постоянное продовольствие, но одновременно санкционирует, оправдывает общественное устройство, служит его отражением»[28].

Изучая подобные традиционные сообщества, которые уже стали достоянием истории, исследователь национализма сталкивается с рядом серьезных проблем. Рано или поздно он придет все-таки к выводу, что, с одной стороны, «локальная культура почти неощутима»[29]. В то же время эта локальность значительно усложняет изучение тех условий, в которых мог формироваться или не формироваться национализма: «замкнутая община обычно пользуется языком, имеющим смысл лишь в определенном контексте…но деревенский говор не претендует ни на нормативность, ни на политическую значимость»[30].

Именно благодаря этому появление национализма в аграрном традиционном обществе неизбежно будет откладываться на неопределенно долгий срок. С другой стороны, национализм не возникает на этом этапе в силу объективной специфики развития культуры, которая не является единой для высшего общества и для непосредственных производителей. Резкое расхождение различных уровней культуры проявляется, в частности, в развитии языка. Это, по словам Э. Геллнера, проявляется в том, что «очень сильна тенденция церковных языков к

---

[26] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41.
[27] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41 – 42.
[28] Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.
[29] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 44.
[30] Там же. – С. 44.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

расхождению с разговорными, как будто уже сама грамотность не создала достаточного барьера между духовенством и мирянами, и эту пропасть следует еще углубить, не только переведя язык в мудреные письмена, но и сделав его непонятным для слуха»[31].

Основное препятствие для возникновения национализма на этапе аграрного общества состоит не в специфике развития культуры, а в том, что в аграрном государстве нет возможности для проведения политических границ в соответствии с культурными. И если бы на данном этапе, по словам Э. Геллнера, национализм был бы изобретен, вероятность его бы распространения была бы минимальной. Национализм был обречен на то, чтобы оказаться на периферии – стать уделом небольшого числа грамотных людей. На данном этапе «высокая культура» пребывала в зачаточном состоянии или была очень слабо развитой и выраженной. Иными словами, до того момента, когда, по выражению Э. Геллнера, «каждая высокая культура хочет иметь государство и предпочтительнее свое собственное»[32], оставалось еще очень долго. Эта необычайная хронологическая растянутость процессов модернизации в виде кризиса традиционализма через утверждение национализма и модерных идентичностей с особой силой проявилась в европейских периферийных регионах.

Территории Македонии и Грузии имели мощные культурные и исторические традиции, но политическая динамика Средневековья свела былые достижения этих регионов к минимуму. Включенные в состав Империй Македония и Грузии быстро утратили свое значение, превратившись в политические и культурные периферии, имперские окраины. Именно поэтому в Македонии и Грузии процессы Национального Возрождения начались со значительным опозданием, чем в других регионах Центральной и Восточной Европы или Балкан.

В этой ситуации местные идентичности формировались в условиях значительной деформации: прошлая слава будоражила умы местных интеллектуалов, но их возможности для политического и культурного маневра были крайне ограничены. В Грузии и Македонии формировалась локализованная идентичность, связанная с периферийным статусом этих территорий в составе доминировавших империй. Периферийный статус Македонии и Грузии был негласно подвергнут институционализации, что выразилось в почти безраздельном доминировании архаичной культуры, а так же в преобладании традиционалистских типов идентичности, отличавшихся значительной статичностью и почти не подвергаемых внешнему влиянию.

Это привело к тому, что некогда политически важные и культурно значимые Грузия и Македония постепенно утратили свое прежнее значение, а их территории окончательно были сведены до уровня периферии[33] господствующими политическими центрами. Ситуация осложняется тем, что в период Средних Веков Грузия и Македония быстро подверглись принудительной периферизации, «меняя» после этого внешних гегемонов. В качестве таких внешних центров для

---

[31] Там же. – С. 43.
[32] Там же. – С. 118.
[33] См. подробнее: Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии / Х.-Ю. Нитц // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001. - С. 32.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Грузии выступали Персия, Османская и Российская Империя, а так же СССР. Для Македонии подобными центрами были Болгария, Османская Империя, Королевство СХС, Югославия и СФРЮ. Примечательно, что СССР и СФРЮ относительно периферий проводили весьма специфическую политику, которая выражалась в институционализации периферийного статуса в виде создания автономий и культивирования особых идентичностей – политических и этнических.

Территории Македонии и Грузии от соседних регионов на протяжении длительного времени в политическом смысле были, по терминологии Х.-Х. Нольте[34], отделены своеобразным политическим «провалом» или, по словам немецкого исследователя Г. Бехера, «обрывом»[35]. Это в частности выражалось и в том, что местное общественное развитие, по Сидни Полларду[36] и Герту Цангу[37], в значительной степени было подвержено «провинциализации». С другой стороны, «отсталость периферийных регионов может быть исторически временным явлением»[38]. Именно поэтому в начале XX века общественная и национальная жизнь в Грузии и Македонии постепенно начинает набирать те же темпы, что и в других регионах Восточной и Балканской Европы[39], несмотря на то, что интеллектуалы более успешных наций, чьи активно национализирующиеся государства, претендовали на роль центра предпочитали о регионах типа Македонии и Грузии писать почти исключительно в категориях периферии, окраины, провинции и «задворок»[40].

В настоящей монографии в центре авторского внимания – проблемы формирования модерновых политических идентичностей на территории Грузии и Македонии. Монография состоит из двух частей. Первая часть посвящена проблемам национализма и развития идентичности в Македонии, вторая – Грузии. Автор в рамках этих двух частей пытается показать, как изменялись македонские и грузинские политические и этнические идентичности, трансформируясь от традиционных в сторону модерновых идентичностей современных наций. Трансформация этих идентичностей была связана с политической динамикой, сменой режимов, формированием различных политических идентичностей, которые требовали от интеллектуалов проявления политической лояльности. Формирование модерных идентичностей было связано с кризисом и распадом традиционности, трансформациями «высокой» культуры, а так же с развитием интеллектуальных традиций национализма, которые проявлялись в формировании

---

[34] Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001. – С. 8.

[35] Becher G. Das Gefäle / G. Becher. – Braunschweig, 1986.

[36] Pollard S. Marginal Areas. Do they have a common History / S. Pollard // Towards an International Economic and Social History. – Genf, 1995. – P. 121 – 136.

[37] Provinzialisierung einer Region. Zur Enstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz / hrsg. G. Zang. – Frankfurt, 1978.

[38] Об этом см.: Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии. – С. 23.

[39] О феномене Европы Балкан или Балканской Европы см.: Јелевиќ Б. Историја на Балканот (18 – 19 век) / Б. Јелевиќ. – Скопје, 1999; Мазовер М. Балканот (кратка историја) / М. Мазовер. – Скопје, 2003.

[40] См. подробнее: Дикман К. Уэльс: внутренняя колония или барышник? / К. Дикман // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001. – С. 74.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

особого политического националистического воображения и уникальной «воображаемой географии» политического пространства.

В настоящее время изучение национализма в регионах, которые могут быть определены как периферийные обретает особую актуальность в силу того, что прогнозы скептиков и либералов относительного скорого отмирания нации и как результат национального государства не оправдались. Национализм, национальная идентичность, национальное государство снова вошли в повестку дня мировых событий, прочно заняв свое место в информационных лентах новостных агентств и каналов. В Грузии и Македонии национализм играет значительную роль в разных сферах жизни социума – в политической, культурной, научной, интеллектуальной… Македония и Грузия – регионы, где конфликты, имеющие национальный бэк-граунд далеки от разрешения.

Для Македонии сохраняет актуальность конфликт между македонским и албанским сообществом. Далеки от разрешения и урегулирования спорные вопросы, связанные с отношениями Македонии со своими ближайшими соседями – Болгарией и Грецией. Значительная часть представителей болгарского научного и академического сообщества отрицает сам факт существования македонской нации и македонского языка. Греческие элиты не скрывают своего несогласия с самим названием «Македония», видя в этом угрозу национальной и территориальной целостности Греции. В августе 2008 года правящие элиты Грузии попытались использовать наиболее радикальную модель для урегулирования ситуации в Южной Осетии. Новости, приходящие с Балкан и Кавказа убедительно свидетельствуют о том, что говорить о конце национализма и завершении эпохи национального государства рано.

Именно по этой причине в рамках настоящей монографии будет предпринята попытка проанализировать проблемы развития национализма и функционирования националистического дискурса на примере Македонии и Грузии, показав не только разрушительную силу, но и созидательный потенциал гражданского национализма. И Македония и Грузия имеют определенный опыт гражданского национализма, хотя в условиях постепенной этнизации политического пространства в транзитном обществе о гражданском национализме мы можем готорить исключительно как об одном из националистических проектов в то время как в других националистических дискурсах доминируют этнические тренды. В этой ситуации автор не пытается идеализировать национализм. С другой стороны, не следует забывать ту роль, которую именно национализм сыграл в создании Европы и конструировании Запада. Национализм превратился в универсальный культурный код и политический язык. Российская Федерация относится к числу полиэтничных государств. Русский радикальный этнический национализм соседствует с национализмами других наций. Современная РФ сталкивается с различными вызовами, исходящими от национализма, в первую очередь – русского. Поэтому, политический язык национализма, националистическая риторика, националистические практики, национальное воображение – все эти феномены нуждаются в изучении.

По мнению автора, Македония и Грузия вполне могут быть исследованы в рамках одной монографии, посвященной проблемам национализма и модернизации. Этому существует несколько причин. Македония и Грузия принадлежат к

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

числу стран с хронологически продолжительной историей, относительно древней части которой, точнее – о ее принадлежности, в исторической литературе идет дискуссия. Македонские авторы склонны интегрировать в македонскую историческую схему историю древней Македонии, что вызывает несогласие греческих коллег. Грузинские историки интегрируют в грузинский исторический нарратив историю Урарту, на которую претендуют армянские интеллектуалы и абхазские радикалы. В истории грузин и македонцев немало сходных моментов, связанных с тем, что на протяжении Средних Веков территории, населенные ими, были включены в состав других государств. Поэтому, будучи общностями с развитым историческим сознанием, македонцы и грузины были в течение длительного времени лишены политической и государственной независимости.

В этой ситуации формирование политической идентичности в Грузии и Македонии протекало замедленными темпами в отличие от других регионов Европы и Балкан. Процесс формирования модерновой грузинской и македонской идентичности близок так же и в том смысле, что их окончательное формирование стало возможным в рамках тех режимов, которые могут быть определены как авторитарные. В македонском и грузинском контексте термин «модерновая» в отношении идентичности вовсе не означает того, что македонцы и грузины были искусственными обществами, воображенными местными коммунистами. Коммунистический режим в Грузии и Македонии стал своеобразной санкцией государства на релизацию ранее сложившейся идентичности, факт существования которой не признавался и оспаривался интеллектуалами других политических сообществ. Создание Грузинской ССР и СР Македонии не озночало создания принципиально новых идентичностей – авторитарные режимы в СССР и Югославии лишь способствовали институционализации сложившихся раннее идентичностных трендов. Советский и югославский варианты авторитаризма сделали для формирования македонской и грузинской нации не меньше, чем местные националистически ориентированные интеллектуалы, создав государственность и очертив границы.

В методологической основе авторского анализа лежат теории и концепции, выработанные в рамках исследований национализма, которые на протяжении второй половины XX века активно проводились американскими и европейскими интеллектуалами – политологами, социологами, культурологами, а так же историками. В настоящее время труды Дж. Армстронга[41], Дж. Брейлли[42], Э. Геллнера[43], Б. Андерсона[44], М. Хроха[45], Э. Хобсбаума[46], Э. Смита[47] справедливо при-

---

[41] Armstrong J. Nations before Nationalism / J. Armstrong. – Chapel Hill, 1982.

[42] Breuilly J. Nationalism and State / J. Breuille. – Manchester, 1982.

[43] Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983; Gellner E. Nacionalismo e democracia / E. Gellner. – Brasília, 1981; Gellner E. O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe / E. Gellner // Um mapa questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.

[44] Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983; Anderson B. Comunidades imaginados, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национа-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

знаются классикой и фундаментальным основанием, без которых немыслимо серьезное академическое исследование и изучение феномена политического национализма и националистического опыта.

Автор использовал и работы, выполненные в рамках компаративной (сравнительной) политологии – направления, которое возникло в рамках англоязычного научного дискурса в середине 1950-х годов, оформившись в институционализировавшись во второй половине 1960-х годов с появлением «Journal of Comparative Politics», ставшего площадкой для методологических дискуссий о политике, а так же изданием, публикующим теоретические исследования, а так же работы, представлюящие отдельный case studies[48]. Значительный вклад в развитие сравнительной политологии внесли выходцы из Центральной и Востчоной Европы, которая в своих исследованиях анализировали в сравнительной перспективе политические процессы и национализмы в Европе[49]. Сравнительные политические исследования отличаются значительным разнообразием. Метод компаративного анализа создает немалые возможности для исследовательского маневра исследователя, позволяя ему анализировать отдельные политические

лизма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

[45] Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

[46] Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780 / E. Hobsbawm. – NY., 1990; Hobsbawm E. Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991 / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E. Nações e nacionalismo desde 1780 / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E., Ranger T. A Inveção das tradições / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984; бсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

[47] Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986; Smith A. Nationalist Identity / A. Smith. – L., 1991; Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History / A. Smith. – Oxford, 2000; Smith A. A identidade nacional / A. Smith. – Lisboa, 1997; Smith A. O nacionalismo e os historiadores / A. Smith // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

[48] Beer S.H. The Comparative Method and the Study of British Politics / S.H. Beer // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1; Macridis R.C.Comparative Politics and the Study of Government: The Search for Focus / R.C. Macridis // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1; Lasswell H.D. The Future of the Comparative Method / H.D. Lasswell // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1; La Palombara J. Macrotheories and Microapplications in Comparative Politics: A Widening Chasm / J. La Palombara // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1; Rustow D. Modernization and Comparative Politics: Prospects in Research and Theory / D. Rustow // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.

[49] Duchacek I.D. National Constitutions: A Functional Approach / I.D. Duchacek // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1; Czudnowski M. Sociocultural Variables and Legislative Recruitment: Some Theoretical Variations and a Case Study / M. Czudnowski // Journal of Comparative Politics. – 1972. – Vol. 4. – No 4; Kautsky J. Revolutionary and Managerial Elites in Modernizing Regimes / J. Kautsky // Journal of Comparative Politics. – 1969. – Vol. 1. – No 4; Kochanek I. Perspectives on the Study of Revolution and Social Change / I. Kochanek // Journal of Comparative Politics. – 1973. – Vol. 5. – No 3; Korbonski A. Comparing Liberalization Processes in Eastern Europe: A Preliminary Analysis / A. Korbonski // Journal of Comparative Politics. – 1972. – Vol. 4. – No 2.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

кэйсы[50], сравнивать два и более политических процессов / партий / внесистемных движений[51], или же обращаться к теоретическим проблемам сравнительного анализа[52].

Принцип сравнительного анализа, предложенный для изучения политических режимов, систем и процессов, позднее был использован для изучения национализма[53]. В рамках западных исследований национализма к настоящему времени сложилась определенная методология, связанная с компаративным изучением национализма – националистических движений, партий, националистического опыта и воображения. В 1990 – 2000-е годы методы сравнительной политологии начинают использоваться и в рамках российского исследовательского дискурса, но к настоящему времени компаративных исследований национализма на русском языке вышло крайне немного. Элементы компаративного анализа мы можем найти в исследованиях К.И. Куликова, посвященные национальному движению восточно-финских народов[54]. Одной из первых попыток сравнительного исследования национализма стала монография А.С. Мыльникова, анализирующего феномены националистических Возрождений в Центральной Европе[55]. Следует упомянуть работы В.А. Шнирельмана[56], посвященные национализму и

---

[50] Art D. The Organizational Origins of the Contemporary Radical Right: The Case of Belgium / D. Art // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 4; Fotini Ch. Following the Money: Muslim versus Muslim in Bosnia's Civil War / Ch. Fotini // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 4; Valenzuela J.S., Scully T.R., Somma N. The Enduring Presence of Religion in Chilean Ideological Positionings and Voter Options / J.S. Valenzuela, T.R. Scully, N. Somma // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 1.

[51] Hale H.E. The Double-Edged Sword of Ethnofederalism: Ukraine and the USSR in Comparative Perspective / H.E. Hale // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 3; Zehavi A. The Faith-Based Initiative in Comparative Perspective: Making Use of Religious Providers in Britain and the United States / A. Zehavi // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 3.

[52] Lucero J.A. On Feuds, Tumults, and Turns: Politics and Culture in Social Movement Theory / J.A. Lucero // Journal of Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No 2; Siaroff A. The Fate of Centrifugal Democracies: Lessons from Consociational Theory and System Performance / A. Siaroff // Journal of Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No 2; Snyder R., Mahoney J. The Missing Variable: Institutions and the Study of Regime Change / R. Snyder, J. Mahoney // Journal of Comparative Politics. – 1999. – Vol. 32. – No 1.

[53] Nikolayenko O. The Revolt of the Post-Soviet Generation: Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine / O. Nikolayenko // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 2; Murchu N. Split Labor Markets and Ethnic Violence after World War I: A Comparison of Belfast, Chicago, and Johannesburg / N. Murshu // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 4; Ruparelia S. Rethinking Institutional Theories of Political Moderation: The Case of Hindu Nationalism in India, 1996-2004 / S. Ruparelia // Journal of Comparative Politics. – 2006. – Vol. 38. – No 3; Giuliano E. Who Determines the Self in the Politics of Self-Determination? Identity and Preference Formation in Tatarstan's Nationalist Mobilization / E. Giuliano // Journal of Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No 2; Vujačić V. Elites, Narratives, and Nationalist Mobilization in the Former Yugoslavia / V. Vujačić // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 1.

[54] Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917 – 1937 гг. / К.И. Куликов. – Ижевск, 1993.

[55] Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания / А.С. Мыльников. – СПб., 1997.

[56] Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, политика и идентичность в Закавказьк / В.А. Шнирельман. – М., 2003; Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

памяти в Аремении, Грузии, Осетии, Абхазии, Чечне и других республиках региона. Значительным вкладом в сравнительное изучение национализма является работа С. Абашина «Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности»[57], в центре которой – проблемы идентичности и националистического опыта в Средней Азии. Попытки сравнительного анализа националистического опыта содержатся в статьях С. Лаллукки[58], Й. Реми[59], Й. Луутонен[60], А.Н. Кутявина[61] и некоторых других российских и зарубежных авторов.

В период работы над монографией автор обращался к исследованиям авторов изучаемых стран. Не владея грузинским языком, автор был вынужден сосредоточить внимание на исследованиях, посвященных национализму, написанными македонскими авторами, которые опубликованы на македонском или английском языке. Кроме этого были использованы исследования на болгарском языке – как оригинальные, так и переводные. Используя и цитируя переводы (на македонский, болгарский, хорватский и сербский языки) классиков националистических штудий, автор, знакомый с российскими версиями этих работ, пытался показать, что исследовательский дискурс в Македонии и Болгарии (а так же на Балканах в целом) глубоко интегрирован в международный контекст изучения национализма.

Изучение македонского национализма в рамках македонского научного дискурса имеет давние традиции, связанные с тем, что сами македонские интеллектуалы были активными участниками национального движения. Это привело к утверждению национальной парадигмы в описании и изучении истории македонского национализма в рамках историографической традиции СР Македонии. Несмотря на наличие значительной свободы в выборе тематики и методологии исследования македонские интеллектуалы в СФРЮ были вынуждены следовать идеологическому и цензурному канону, интегрируя свои выводы и концепции в югославский политический канон. Поэтому в македонской историографии эпохи социализма доминировал примордиализм, органически и тесно переплетенный с декларированием политической лояльности режиму. Публикации социалистической эпохи не отличались значительным своеобразием. Македонские историки, которые были одновременно и крупными теоретиками македонского национа-

---

[57] Абашин С. Национализсы в Средней Азии в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007.

[58] Лаллукка С. Формирование национальных движений на окраинах империй / С. Лаллукка // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 5 – 13.

[59] Реми Й. Проблемы неполной национальной мобилизации: национальные движения украинцев и белорусов в сравнительном анализе / Й. Реми // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 14 – 20.

[60] Луутонен Й. Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературных яхыках в начале XX века / Й. Луутонен // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 21 – 42.

[61] Кутявин А.Н. Удмуртское национальное движение в контексте этнокультурной и политической истории народов Волго-Камья в конце XIX – первой четверти XX века / А.Н. Кутявин // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 64 – 77.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

лизма и яркими полемистами со своими болгарскими коллегами, отрицавшими македонскую нацию и идентичность вообще, предпочитали в своих исследованиях анализировать проявления македонского национализма в истории культуры или рассматривать проблемы, связанные с организационной стороной македонского национального движения[62]. После распада СФРЮ македонский интеллектуальный дискурс испытал мощнейшее влияние со стороны западной конструктивистской теории национализма, что проявилось в появлении как переводов классических и новейших исследований, так и в издании оригинальных текстов[63]. Кроме этого ряд исследований конкретных национализмов оказал существенное влияние, как на выбор темы настоящей монографии, так и на исследовательские практики, на которые ориентировался автор. Речь идет об исследованиях П. Варнавского[64], Т. Викса[65], М.Д. Долбилова[66], А. Мотыля[67], В.

---

[62] Битоски К. Македонија и Кнежество Бугарија (1893 – 1903) / К. Битоски. – Скопје, 1977; Димевски С. Црковна историја на македонскиот народ / С. Димевски. – Скопје, 1965; Картов В. Македонскиот народ и правото на самоопределлување, 1918 – 1941 / В. Картов. – Скопје, 1987; Катарџиев И. Борба за развој на македонската нација / И. Катарџиев. – Скопје, 1981; Пандевски М. Националното прашање во македонското ослободително движење / М. Пандевски. – Скопје, 1974; Пандевски М. Македонското ослободително дело во XIX и XX век / М. Пандевски. – Скопје, 1987; Поповски В. Македонското национално-освободителното движење до ТМРО / В. Поповски. – Скопје, 1989; Ристовски Б. Македонската национална мисла / Б. Ристовски. – Скопје, 1966; Ристовски Б. «Лозарите» во розвитокот на македонската национална мисла / Б. Ристовски. – Скопје, 1968; Ристовски Б. Македонија и македонската нација / Б. Ристовски. – Скопје, 1995.

[63] Андерсон Б. Замислени заедници / Б. Андерсон. – Скопје, 1998; Вангели А. Теорија на граѓанскиот идентитет / А. Вангели // Политичка Мисла. – 2006. – № 16. – С. 39 – 50; Гелнер Е. Нациите и национализмот / Е. Гелнер. – Скопје, 2001; Додовска И. Будењето на македонскиот национален идентитет во XIX век, преку митот за Филип и Александар Македонски / И. Додовска // Политичка Мисла. – 2006. – № 16. – С. 29 – 39; Додовска И. Исток – Запад и повторно Исток. Причините кои го условуваат меѓурелигискиот дијалог / И. Додовска // Политичка Мисла. – 2008. – № 6. – С. 39 – 44; Кимлика В. Мултикултурно граѓанство / В. Кимлика. – Скопје, 2004; Милославлевски С. Социологија на македонската национална свест / С. Милославлевски. – Скопје, 1995; Трајаноски Ж. Соочи се со националноста / Ж. Трајаноски // Дневник. – 2006. – Јануари 14; Хобсбаум Е. Нациите и национализмот по 1780 / Е. Хобсбаум. – Скопје, 1993; Шнапер Д. Заедница на граѓани / Д. Шнапер. – Скопје, 2003.

[64] Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // Ab Imperio. – 2003. – No 1.

[65] Викс Т. Мы или они? Белорусы и официальная Россия, 1863 – 1914 / Т. Викс // Российская Империя в зарубежной историографии / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005. – С. 589 – 609.

[66] Долбилов М.Д. Конструирование образа мятежа. Политика М.Н. Муравьева в Львовско-Белорусском крае в 1863 – 1865 гг. как объект историко-антропологического анализа / М.Д. Долбилов // Actio Nova. – М., 2000. – С. 338 – 409,

[67] Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М., 2004; Motyl A. Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires / A. Motyl. – NY., 2001; Motyl A. Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities / A. Motyl. – NY., 1999; Motyl A. Thinking about Empire / A. Motyl // After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building / eds. K. Barley, M. von Hagen. – Boulder, 1997. – P. 19 – 29; Motyl A. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective / A. Motyl // Comparative Politics. – 1999. – Vol. 31. – P. 127 – 145.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Булгакова[68], В. Тодорова[69], А.Ю. Тимофеева[70], а так же некоторых коллективных монографиях[71], посвященных проблемам национализма и модернизации.

Националистические модернизационные тактики и стратегии принадлежат к числу тех политических процессов, предпосылки и само протекание которых приводит к появлению не только национального государства и модерновой (современной) нации, но и значительного корпуса текстов, которые формируют особую источниковую базу настоящего исследования. Националистический дискурс, определяющий процесс модернизации, представлен в различных текстах художественного и мемуарного характера, научных исследованиях, посвященных проблемам национальной истории и национальных языков[72], выполненных националистически ориентированными интеллектуалами, воображающими нацию и создающими, культивирующими ее идентичность. Исходя из такой специфической базы используемых текстов, **объектом монографии** является национализм как политическое движение и идеология, а так же как фактор, способствовавший политической модернизации Македонии и Грузии, что привело к потере ими периферийного статуса. **Предмет исследования** – особенности развития и функционирования националистического дискурса, а так же направления модернизации, в рамках которых национализм был основным фактором, стимулирующим политические, социальные и культурные перемены. **Хронологические рамки** исследования ограничены наиболее важными с точки зрения модернизации этапами: для Грузии 1930 – 1980-ми годами в рамках авторитарной модели, для Македонии – доминированием авторитарной модели модерни-

---

[68] Булгаков В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс. 2006.

[69] Тодоров В. «Знам ги аз тях!». Сърбия и сърбите в българската литература / В. Тодоров. – София, 2000 (Варна, 2002).

[70] Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878 – 1912 / А.Ю. Тимофеев. – СПб., 2007.

[71] Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004.

[72] О перспективах применения в рамках политического анализа художестенных текстов и научных исследований, посвященных проблемам национальной истории, литературы, языка, в качестве источника см.: Brown W. At the Edge / W. Brawn // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 556 – 576; Cavarero A. Politicizing Theory / A. Cavarero // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 506 – 532; Kateb G. The Adequacy of the Canon / G. Kateb // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 482 – 505; Tully J. Political Philosophy as a Critical Activity / J. Tully // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 533 – 555; Shapiro I. Problems, Methods, and Theories in the Study of Politics, or What's Wrong wuth Political Science and What to Do about It / I. Shapiro // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 596 – 619 (см. так же: Green D., Shapiro I. Pathology of Rational Choice Theory: A Critique of Application in Political Science / D. Green, I. Shapiro. – New Haven, 1994; Shapiro I. Pathologies Revisted: Reflections on Our Critics / I. Shapiro // The Rational Choice Controversy: Economic Models of Politics Reconsidered / ed. J. Friedman. – New Haven, 1996. – P. 235 – 276); Schmidtz D. Haw to Deserve / D. Schmidtz // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 6. – P. 774 – 799; White St. Pluralism, Platitude, and Paradoxes: Fifty Years of Western Political Thought / St. White // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 472 – 481.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

зации (вторая половина 1940-х – 1980-е годы), а так же частично демократическим транзитом 1990-х годов.

К числу **основных положений** монографии относятся:

1) национализм представляет собой двухуровневый феномен, состоящий как из политических, так и этнических трендов; в зависимости от ситуации доминировать могут политические или этнические течения в национализме;

2) национализм относится к числу интеллектуальных и интеллектуалистских политических идеологий; поэтому основными теоретиками и адептами национализма являются интеллектуалы, которые конструируют националистический политический дискурс;

3) национализм опирается на бэк-граунд, представленные различными моделями политической культуры, которая приписывает тому или иному сообществу определенные культурные практики и стратегии политического поведения;

4) национализм относится к числу феноменов процессуального плана; следовательно, развитие национализма является процессом конструирования идентичностных моделей и политических наций, который функционируют в рамках этих моделей;

5) модернизация – процесс, в результате которого разрушается традиционный дискурс и утверждаются принципы политического национализма, для которого приоритетной является гражданская идентичность;

6) националистическое воображение является процессом выработки и экспорта национальной идентичности со стороны националистов-интеллектуалов в направлении традиционных сообществ, подвергающимся модернизации путем разрушения традиционных идентичностей, на смену которым приходят модерновые политические идентичности; националистическое воображение (представленное кодификацией языков, написание и описанием истории, осознанием и конструированием исторического и политического опыта, формированием оппозиции «мы» / «они») является одним из наиболее важных и действенных инструментов модернизации;

7) политические нации представляют собой не примордиальные категории, а модерные (современные) конструкции, возникшие в результате националистического воображения интеллектуалов-националистов и рефлексии / спекуляции относительно националистического наследия со стороны политических наследников первых националистов.

Цель исследования. Принимая во внимание упомянутые выше положения, цель настоящего исследования состоит в анализе гражданского и этнического национализма в контексте модернизации внутренних европейских периферий – Македонии и Грузии.

Задачи исследования. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) определение теоретических границ концепта «национализм» через анализ основных направлений и результатов деятельности интеллектуалов-националистов;

2) выявление характеристик политической модернизации в контексте развития национализма и утверждения модерновых идентичностей;

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

3) анализ динамики развития националистического и политического воображения в контексте конструирования идентичностей;

4) раскрытие роли национализма как основного фактора, способствовавшего проведению модернизации в рамках авторитарной модели политического режима или в условиях политического транзита.

Понятийный аппарат исследования. В настоящем исследовании автором используются ряд терминов (национализм, идентичность, националистический дискурс, модернизация, интеллектуальное сообщество, националистическое воображение, нарратив, политическая культура, политический / интеллектуальный бэк-граунд), образующих понятийный аппарат работы:

- в определении национализма автор следует за Э. Геллнером, понимавшим под национализмом, принцип при котором политическая и этническая единицы должны совпадать;
- идентичность (identity) – совокупность представлений, нарративов и политических предписаний, образующих националистический дискурс;
- нарративы (narratives) – институционализированные в виде текстов политические предпочтения и культурные идеи интеллектуалов-националистов;
- модернизация (modernization) – процесс разрушения традиционного культурного дискурса и традиционных идентичностей, на смену которым приходит националистический дискурс и модерные (национальные) идентичности;
- интеллектуальное сообщество (intellectual community) – профессиональная корпорация исследователей (как правило, гуманитариев), конструирующих националистический дискурс;
- националистический дискурс (nationalistic discourse) – текстуализированная среда проявления национализма, представленная текстами, создаваемыми интеллектуалами-националистами;
- националистическое воображение (nationalistic imagination) – процесс выработки идентичности националистически ориентированными интеллектуалами для того или иного сообщества;
- воображаемое (воображенное) сообщество (imagined community) – концепт групповой идентичности, предложенной националистами-интеллектуалами для того или иного сообщества; потенциальная политическая нация;
- политическая нация или нация-государство (Nation State) – институционализированное воображенное сообщество, которое характеризуется наличием государственности (национальной независимой или национальной автономии), идентичности, исповедующее идеологию политического национализма в виде соблюдения гражданских политических ритуалов, поддерживаемых интеллектуальным сообществом, обладающим корпоративными объединениями (научные общества, университеты и институты, НИИ, Академии Наук);
- политический центр – сообщество, в рамках которого процессы национализации и модернизации, формирования модерновых типов идентичностей – политических и этнических – протекали быстрее, чем в других регионах;
- политическая периферия – сообщество, которое оказалось в меньшей степени, в отличие от центра, подверженным политической модернизации; на территории периферий, как правило, националистические движения возникают

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

позднее, чем в центре; для развития периферийных национализмов характерна догоняющая динамика;

- культурный бэк-граунд (cultural back ground) – националистический дискурс, культивируемый интеллектуальным сообществом и обеспечивающий функционирование и воспроизводство политической нации.

Научно-практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы, с одной стороны, при разработке и проведении политики в национальных регионах Российской Федерации, основываясь на учете многонационального состава населения, а так же региональной политической, культурно-политической и этнической специфики в условиях сохранения значительного числа нерешенных конфликтов и проблем в субъектах российской федерации с участием различных этнических групп, а, с другой, при корректировке внешнеполитического курса РФ в регионах, находящихся в стадии демократического транзита, где значительную роль играет политический и этнический национализм, что превращает их в конфликтогенные зоны. Выводы, к которым пришел автор, могут быть использованы в дальнейшем при изучении национализма, а так же в рамках сравнительных политологических исследований, посвященных национализму, националистическому воображению, различным моделям и стратегиям политической модернизации.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРОЕКЦИИ

МАКЕДОНИЯ В КОНТЕКСТЕ БОЛГАРСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НАЧАЛА 1940-Х ГОДОВ

На протяжении XX века одним из наиболее влиятельных факторов в политической истории Болгарии являлся национализм, как политический гражданский, так и радикальный этнический. Многие решения правящих политических элит в Болгарии в XX столетии были подчинены националистической логике[73]. Это, в первую очередь, относилось ко внешней политике. Во второй половине 1870-х годов болгарские элиты пережили интеллектуальную катастрофу, связанную с провалом проекта создания Великой Болгарии. После этого в политической и интеллектуальной истории Болгарии своеобразный территориально-географический фактор играл особую роль, а интеллектуальные сообщества и политики страдали оттого, что их Родина, как им казалось, стала жертвой соседей, которые отторгли исторические болгарские территории.

Болгарские политические и культурные элиты выработали у себя комплекс жертвы[74], который проявился в большинстве исторических исследований, посвященных военной и политической истории страны[75]. В этом контексте историческое знание оказалось самым тесным образом связано с политической сферой и политическими амбициями правящих элит[76]. Усилиями болгарских интеллектуалов был выработан т.н. «большой» исторический нарратив, согласно которому в период первой и второй балканских войн, первой и второй мировых войн Болгария выступала в роли освободительницы исторических болгарских территорий в то время, как ее соседи стремились их отторгнуть и ассимилировать местное славянское население, которое для большинства болгарских интеллектуалов было болгарским. Одним из таких регионов была Македония.

---

[73] Болгарской националистической традиции посвящена значительная литература. См. подробнее: Андреева Р. Нация и национализъм в българската история / Р. Андреева. – София, 1998; Аретов Н. Българското възраждане и Европа / Н. Аретов. – София, 1995; Аретов Н. Национална митология национална литература / Н. Аретов. – София, 2006; Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха XIX–XX в / състав. Н. Аретов, Н. Чернокожев. – София, 2001 – 2004. – Т. 1–3; Pundeff M.V. Bulgarian Nationalism / M.V. Pundeff // Nationalism in Eastern Europe / ed. P.F. Sugar, I.J. Lederer. – Washington, 1994.

[74] Об этой странице в болгарской интеллектуальной истории XX века см.: Илиев А. Конфликтът между родното и чуждото / А. Илиев // Изток. Литературен зборник. – София, 1926; Конева Р. Съседът между мира и войната. Българската литература за своя съседът в края на XIX – началото на XX в. / Р. Конева // Балкански идентичности. – София, 2001. – Т. 2. – С. 243–272.

[75] Об этом в контексте творческого наследия Э. Станева подробнее см.: Кирчанов М.В. Болгарская национальная идентичность в условиях послевоенной трансформации общества (Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Вып. 14) / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – 13 с.

[76] О политическом бэк-граунде исторического знания в теоретическом плане см.: Moraru A. Ştiința istorică în contextul intereselor politice / A. Moraru. – Chişinău, 2003.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

На территории Македонии столкнулись националистические амбиции и конкурировали национальные и идентичностные проекты трех балканских стран – Сербии, Болгарии и Греции[77]. Для болгарских, сербских и греческих националистов к началу 1940-х годов территория Македонии стала своеобразным «местом памяти»[78], стимулируя националистическую рефлексию и питая национальное воображение[79]. Позднее к сербскому, болгарскому и греческому национализму в этой националистической дискуссии добавился и македонский национализм, игнорируемый сербскими, болгарскими и греческими политиками, склонными видеть в нем злонамеренный проект соседей. В центре внимания настоящей статьи, позиционируемой автором в качестве части цикла статей, посвященных болгаро-сербско-македонской националистической полемике[80], проблемы интеллектуальной истории болгарского национализма в 1941 году.

В 1941 году болгарские войска, воспользовавшись военным поражением и распадом Югославии, фактически оккупировали территорию Македонии, за которую между двумя мировыми войнами болгарские и сербские политики и интеллектуалы вели острые дискуссии. В болгарской исследовательской литературе относительно ввода болгарских войск в Македонию доминирует национально ориентированный дискурс восприятия проблемы. Согласно болгарским историкам начала 1940-х годов, Болгария освободила исторические и исконные болгарские земли. Поэтому использовались термины «освобождение» и «воссоединение». Современная болгарская историография в целом разделяет эту концепцию, предпочитая использовать другие определения.

---

[77] Подробнее см.: Војводић М. Србија и македонско питање / М. Војводић // Историјски гласник. – 1990. – № 1 – 2; Гоцев С. Борби на българското население в Македония срещу чиждите аспирации и пропаганда / С. Гоцев. – София, 1991; Георгиев В., Трифонов С. Грецката и сръбската пропаганди в Македония / В. Георгиев, С. Трифонов. – София, 1995.

[78] О Македонии как «месте памяти» см.: Суйецка Й. Балкански места на паметта. Терминът «Македония» и македонския времепространствен континуум / Й. Суйецка // http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=JoSujecka

[79] О термине «места памяти» подробнее см.: Nora P. Das Abenteuer der “Les Lieux de Mémoire” / P. Nora // Nation und Emotion. Deutschland und Frankriech in Vergleich 19. und 20. Jahrhundert / eds. É. François, J. Vogel, H. Siegrist. – Göttingen, 1995. – S. 83–92; Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? / Э. Франсуа // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 29–43; Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора. Чьи места? Чья память? / Т. Джадт // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 44–71; Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 72–84; Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен / И. Нарский // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 85–88.

[80] Кирчанов М.В. Национальная парадигма и язык написания истории (болгаризируя историю Македонии) / М.В. Кирчанов // Отечественная и зарубежная история: проблемы, мнения, подходы (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории). – Пятигорск, 2006. – Вып. 6. – С. 273–287; Кирчанов М.В. Македонская историческая память в СФРЮ (Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Вып. 5) / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2006. – 16 с.; Кирчанов М.В. Болгаро-македонская полемика в 1990-е годы: к проблеме болгарской перцепции прошлого Македонии и интеграции македонской истории в болгарский контекст / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – 22 с.; Кирчанів М.В. Македонська історична память в СФРЮ: македонські інтелектуали і національна ідентичність / М.В. Кирчанів // Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 548–565.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Например, Пламен Димитров пишет о том, что в результате поражения Югославии македонские территории были «переданы в управлении» Болгарии[81]. В целом болгарские автор не отделяют болгарскую историю от македонской, полагая, что культурно и исторически Македония является частью Болгарии[82].

В настоящем разделе автор планирует остановиться на болгарской националистической рефлексии, особенностях интеллектуальных практик болгарских националистов в контексте попыток интеграции Македонии в болгарский культурный, исторический и политический контекст. В 1941 году Болгария смогла добиться некоторых успехов в войне против своих давних исторических соперников – сербов. Это привело к значительной активизации интеллектуального сообщества, которое пребывало в плену националистического мифа. Болгарским националистически настроенным авторам казалось, что близиться время объединения *всех болгарских земель* в рамках *одного Болгарского государства*. Часть болгарского интеллектуального сообщества пребывала в состоянии национальной эйфории в связи с присоединением Македонии, которая в рамках историографического болгарского дискурса преподносилась не просто как исконно болгарская территория, но и как земля, сыгравшая важную роль в развитии болгарской государственности. Факт присоединения македонских земель вынудил часть софийских интеллектуалов заняться обоснованием легитимности нахождения на этой территории болгарских войск и администрации.

Первыми на территорию Македонии вступили части болгарской армии[83]. Важным источником информации, который демонстрирует отношение болгарского общества к присоединению македонских земель, являются воспоминания болгарских офицеров. Одним из них был Сотир Нанев, оставивший воспоминания[84], которые являются важным источником по истории болгарского военного и политического присутствия в Македонии в период второй мировой войны. По мнению С. Нанева, занятие части югославских территорий болгарскими войсками не было оккупацией, а стало освобождением одной из исторических областей Болгарии. Нанев полагал, что, благодаря усилиям болгарской армии, Македония, определяемая им как «колыбель болгарской письменности», была «освобождена и воссоединена с родиной-матерью».

Сотир Нанев, подобно многим другим болгарским интеллектуалам того времени, разделял идеи «большого» националистического нарратива,

---

[81] Димитров П. Рекрутиране и функциониране на българската администрация в Скопска и Битолска област (1941 – 1944 г.) / П. Димитров // Втората световна война и Балканите. – София, 2002. – С. 186–203.

[82] См. например: Григоров Г. Македония – люлка българщината / Г. Григоров. – София, 2004.

[83] Проблемы восприятия военными политики болгарского правительства, в том числе – и в Македонии, отражены в воспоминаниях болгарских солдат и офицеров. См.: Илиев С. Из спомените ми / С. Илиев. – София, 1993; Райнова М. Спомените на фелдфебел Борис Райнов за Македония и боевете с германците в Прилеп, на р. Черна и Бабуна планина (9-23 септември 1944 година) / М. Райнова // Военноисторически сборник. – 1996. – Кн. 3. – С. 114–131; Стоянски Хр. Кажи кога да умра / Хр. Стоянски. – София, 2007.

[84] См. подробнее: Нанев С. Македония 1941. Възкресението (или как бе посрещната Българската армия в Македония през Втората световна война) / С. Нанев // http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/mac1941/

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

характерного для болгарских правых периода 1940-х годов. В своих воспоминаниях С. Нанев воспроизводит его основные положения, которые сводятся к следующему: в прошлом Македония была населена болгарами, являясь одним из центров развития болгарской культуры, но исторические события привели к тому, что ее земли периодически захватывались врагами болгар, которые, несмотря на тяжесть ситуации, сохранили свое болгарское самосознание и стремились только к воссоединению с Болгарией[85]. Аналогичную точку зрения мы можем найти и в воспоминаниях фельдфебеля болгарской армии Бориса Райнова, который настаивал на том, что Македония была не оккупирована, а освобождена по инициативе местного болгарского населения[86]. Подполковник Стоян Илев так же в своих мемуарах писал, что население встречало болгарские войска как освободителей. Симпатии в отношении войск им объяснялись тем, что большинство жителей Македонии было болгарами[87].

Нанев полагал, что сербы проводили на территории Македонии политику принудительной и насильственной сербизации, вытесняя болгар и заселяя македонские земли сербскими колонистами. В воспоминаниях С. Нанев констатировал, что болгарские войска были встречены македонской проболгарской интеллигенцией как освободители в виду того, что сербы «подвергли все болгарское страшному преследованию»[88]. По мнению С. Нанева, значительный вклад в «освобождение» Македонии внесли и немецкие войска. С. Нанев вспоминал, что в первые дни после ввода на территорию Македонии болгарских войск имели место организованные случаи распития вина болгарскими офицерами с местной проболгарской интеллигенцией, что сопровождалось произнесением политических тостов. Наряду с тостами за болгарского царя Бориса III произносились тосты и за Адольфа Гитлера, а так же за немецкие войска[89]. Сотир Нанев констатировал в своих мемуарах, что в Куманово болгарские офицеры отдали воинские почести немецкому солдату – «герою, погибшему за свободу Македонии»[90].

В июле 1941 года в Македонии побывало не только немало солдат и офицеров болгарской армии, но и несколько известных в то время болгарских интеллектуалов[91], которые выступали перед местной общественностью –

---

[85] http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/mac1941/gl1.html

[86] См. подробнее: Райнова М. Спомените на фелдфебел Борис Райнов за Македония и боевете с германците в Прилеп, на р. Черна и Бабуна планина (9-23 септември 1944 година) / М. Райнова // Военноисторически сборник. – 1996. – Кн. 3. – С. 114–131.

[87] Илиев С. Из спомените ми. – София, 1993. – С.18–21.

[88] http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/mac1941/gl4.html

[89] http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/mac1941/gl2.html

[90] http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/mac1941/gl3.html

[91] Визиты болгарских ученых в Македонию продолжались до 1944 года. Среди софийских интеллектуалов, посещавших македонские города, были не только историки. Например, в 1942 году поездку с научными целями совершил болгарский географ, профессор Иван Батаклиев, которого сопровождали доктор Игнат Пенков (ассистент Географического Института БАН) и ассистент Софийского Университета Цанко Луканов, который выполнял функции военного корреспондента. Об экспедиции И. Батаклиева подробнее см.: Петров П. Научна експедиция в Средна Македония през 1943 година / П. Петров // Военноисторически сборник. – 1992. – Кн. 1. – С. 95–105.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

учителями, врачами, священниками – точнее, той их частью, которая позиционировала себя болгарами. В этой ситуации и появились «поклоннически слова за Македония[92] – публичные речи и лекции софийских интеллектуалов, произносимые по случаю «воссоединения» македонских и болгарских земель. Болгарские интеллектуалы, посещавшие Македонию в 1941 году, затрагивали в своих выступлениях широкий круг вопросов. Среди них было немало историков.

Британский исследователь национализма Энтони Смит полагает, что «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма… историки внесли весомый вклад в развитие национализма… они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах… историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты»[93]. Все софийские интеллектуалы, посетившие в июле 1941 года Македонию, были болгарскими националистами, а в их выступлениях доминировал националистический дискурс. Степень интегрированности исторических концепций и построений софийской профессуры была настолько высокой, что «преобладание национальной парадигмы в трудах историков можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке»[94].

Общий тон большинства выступлений софийских интеллектуалов в Македонии задал профессор Михаил Арнаудов. Основным мотивом его речи стала идея Македонии как исторически болгарской территории. Занятие македонской территории болгарскими войсками профессор М. Арнаудов интерпретировал как освобождение от сербского гнета. История всегда использовалась болгарскими интеллектуалами для «легитимации политических процессов и состояний»[95], для обоснования законности территориальных претензий и притязаний. С другой стороны, для М. Арнаудова события, связанные с вхождением на территорию Македонии болгарских войск, были не просто освобождением, но «завоеванием македонской свободы и соединением всех болгар под скипетром болгарского царя Бориса III» («извоюването на македонската свобода и съединението на всички българи под скиптъра на български цар Борис III»).

Отдав должное болгарскому монарху, профессор М. Арнаудов не забыл упомянуть и Адольфа Гитлера, указав на «крепкий союз, общие идеалы и испытанное братство по оружию между болгарским и немецким народами».

---

[92] Эти выступления в Болгарии неоднократно издавались. Автор использовал издание 1993 года (Поклоннически слова за Македония. – София: Военноиздателски комплекс «Св. Георги Победоносец», 1993), представленное на сайте http://www.kroraina.com, который представляет собой одну из крупнейших электронных библиотек, где представлена литература, посвященная Македонии и отражающая, главным образом, болгарскую точку зрения на македонскую историю, язык и культуру.

[93] Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

[94] Эти слова Ярослава Грыцака адресованы украинской постсоветской историографии, но вполне применимы и для описания общего состояния болгарского историографического дискурса начала 1940-х годов. См.: Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // Ab Imperio. – 2003. – No 2. – С. 444.

[95] Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // An Imperio. – 2003. – № 1. – С. 485.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Выступление М. Арнаудова было одним из наиболее официозных: упомянув несколько раз болгарского царя, он закончил его словами: «Да здравствует объединенная Болгария» Да здравствует верховный вождь, Его Величество Царь болгар!» («Да живее обединена България! Да живее върховният ни вожд, Негово Величество Царят на българите!»). Термины «Македония» и «македонская земля» («македонска земя») для М. Арнаудова имели исключительно географическое и территориальное содержание. Михаил Арнаудов полагал, что «Македония как географическая и этническая единица пребывает в тесной связи с болгарским жизненным пространством в Юго-Восточной Европе». Македония воспринималась им как историческая территория Болгарии, а македонцы как «македонские болгары» («македонски българи»), которые в силу исторических обстоятельств обрели свои местные (но не более) особенности, сохранив «силу и твердость болгарского духа»[96]. Подобная политизированная перцепция истории, по мнению американского исследователя национализма Д. Томпсона, не должна вызывать удивления в виду того, что в эпоху национальных государств история обречена быть националистической[97].

Другой участник своеобразного «академического десанта» июля 1941 года Стоян Романски, например, в своем выступлении перед проболгарски настроенной интеллигенцией[98], предпринял попытку культивирования образа Македонии не просто как исконно христианской страны, но и как родины *болгарского* христианства. Активно ссылаясь на летописные источники, С. Романски полагал, что население Македонии в период деятельности святых Кирилла и Мефодия было не просто славянским, но славяно-болгарским. Стоян Романски использовал термин «български славяни» («болгарские славяне»). Соответственно высказывалось и мнение, что эти славяне говорили на староболгарском языке. Между староболгарским языком, с одной стороны, а так же болгарским и македонским, с другой, по мнению С. Романски, существовала прямая генетическая преемственность. Поэтому македонский язык воспринимался им не как отдельный славянский язык, а как диалект болгарского.

Болгарский язык, определяемый С. Романски как «символ на единството на българския народ» («символ единства болгарского народа»), позиционировался как связующее звено между болгарами и жителями Македонии, которые

---

[96] О восприятии македонской истории и попытке ее интеграции профессором М. Арнаудовым в болгарский контекст см.: Арнаудов М. Македония като българска земя // http://www.kroraina.com/knigi/poklon/m_arnaudov.htm

[97] Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison og Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

[98] О феномене проболгарского коллаборационизма в Македонии в период болгарской оккупации см.: Малковски Г. Профашистичките и колаборационистичките организации и групи во Македонија. 1941 – 1944 година / Г. Малковски. – Скопје, 1995. См. так же: Тодоровски Г. Окупацијата на западна Македонија / Г. Тодоровски. – Скопје, 1992. Об аналогичных явлениях в греческой части Македонии см.: Мамуровски Т. Квислиншки и националистички организации во егејскиот дел на Македонија во втората светска војна / Т. Мамуровски. – Скопје, 2001.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

осознавались как этнографическая подгруппа болгар[99]. В этом контексте дискурс истории представлял для болгарских интеллектуалов и дискурс идентичности. Комментируя подобные процессы, американский исследователь Джонатан Фридмэн полагает, что «история является конструкцией в значительной степени мифической, олицетворяя собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем»[100]. Таким образом, предпринималась попытка утвердить не просто этнический континуитет, но подкрепить идею политической принадлежности Македонии Болгарии историческими и этническими основаниями. Столь активное обращение представителей софийской интеллигенции к истории не случайно. Применение истории для них не ограничивалось научным изучением прошлого[101].

Для националистически ориентированных болгарских интеллектуалов история стала важным политическим фактором, средством мобилизации и легитимации политических изменений. Аналогичные настроения были характерны и для выступления Петра Мутафчиева, который подчеркивал, не просто континуитет между древним и современным болгарским населением Македонии, но и полагал, что Македония географически является неотъемлемой частью Великой Болгарии, границы которой, по его мнению, должны простираться от Карпат до Странджа, от Бесарабии до Адриатического побережья Южной Албании. С другой стороны, П. Мутафчиев именно в географии видел фатальный фактор болгарской истории, полагая, что именно столь протяженные границы обрекли болгар на борьбу со своими соседями, ставшими для них историческими соперниками. Если на раннем этапе истории такими противниками были византийцы (греки), то позднее на смену им пришли сербы. Согласно концепции П. Мутафчиева соседи периодически не только нападали на Болгарию, но и отторгали исконно болгарские территории, пытаясь ассимилировать болгарское население. Попытки византийцев привить греческий язык столкнулись с объективными препятствиями в силу того, что славяне-болгары не понимали чуждый им греческий язык[102]. С другой стороны, сербы-славяне, по мнению болгарских националистически ориентированных интеллектуалов начала 1940-х годов, были более успешны в деле отторжения отдельных частей болгарского народа, так как между болгарским и сербским языками существовала определенная близость.

Стефан Цанков, бывший в то время ректором Университета «Св. Климент Охридски», 2 июля 1941 года посетил Охрид вместе с Академическим Советом

---

[99] Подробнее об идеях языкового и этнического континуитета в Македонии в болгарском контексте см.: Романски С. Делото и езикът на Кирила и Методия / С. Романски // http://www.kroraina.com/knigi/poklon/s_romanski.htm

[100] Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 43.

[101] О роли исторического знания в развитии национализма подробнее см.: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41–59; Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Gottingen, 1999.

[102] Мутафчиев П. Делото на Кирила и Методия в културната мисия на българския народ // http://www.kroraina.com/knigi/poklon/p_mutafchiev2.htm

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

университета, где выступил с лекцией, посвященной роли святого Климента Охридского в развитии болгарской культуры. В своем выступлении С. Цанков назвал Охрид «древней святыней Болгарского народа», а Климента Охридского – «всеболгарского первоучителя», «родоначальником болгарской школы, болгарского просвещения и болгарской культуры», «духовным объединителем и одухотворителем болгарского народа». В концепции С. Цанкова святой Климент предстает как один из величайших болгарских лидеров прошлого, который боролся за независимое от Востока и Запада политическое, культурное и религиозное развитие Болгарии[103].

Подобные настроения интеллектуальных кругов Болгарии, вероятно, свидетельствуют о том, что значительная часть их представителей поддерживала политику страны, ее участие в войне на стороне Германии. Примечательно и само время произнесения анализируемых в разделе «поклоннических слов»: 22 июня 1941 года с нападением Германии на СССР во второй мировой войне начался новый этап. Болгарские политические и интеллектуальные элиты того времени не воспринимали участие Болгарии в войне как поддержку действий агрессора. Значительная часть болгарского общества к территориальным изменениям на Балканах отнеслась позитивно, рассматривая войну не как всемирный конфликт, а как справедливые военные действия, направленные на освобождение и воссоединение всех болгарских территорий в рамках одного государства.

Вместе со Стефаном Цанковым Охрид посетил профессор Иван Снегаров. И. Снегаров подчеркивал, что в период существования «интегральной Югославии», когда, по его мнению, правящие круги Болгарии были готовы признать потерю Македонии, только Университет «Св. Климент Охридски» оставался «наиболее ревностным защитником болгарского народа», защищая права Болгарии на обладание македонскими территориями. В своем выступлении 2 июля 1941 года И. Снегаров описывал Охрид как своеобразный «Болгарский Сион» – болгарский город в историческом, культурном, языковом и религиозном отношении. Обращаясь к прошлому города, И. Снегаров полагал, что история Охрида в частности и история Македонии в целом является неотъемлемой частью болгарской истории. Иван Снегаров позитивно отнесся к присоединению Македонии, полагая, что это было освобождение исторических болгарских земель от «сербского гнета».

По мнению И. Снегарова, только в составе Болгарии Македония, где «расцвела светлая, юношеская и живая болгарскость», обрела свою судьбу и будущее. Это неудивительно, если принять во внимание отношение И. Снегарова к статусу македонцев, в которых он, подобно многим другим болгарским деятелям, видел не отдельную славянскую нацию, а только этнографическую подгруппу болгар. Именно поэтому о Македонии в своем выступлении он отзывался как о «святой болгарской земле», жители которой сохранили «кристальное народное сознание с безграничной любовью к своему

[103] Подробнее об этом см. выступление С. Цанкова, См.: Цанков С. Поклонническо слово // http://www.kroraina.com/knigi/poklon/s_cankov.htm

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

народу и имени» («кристално народностно съзнание, с безгранична любов към своя род и име»)[104].

Аналогичным по идейной направленности было выступление Ивана Дуйчева в Прилепе, который говорил о Македонии как «древней болгарской земле», «чудесном болгарском крае», «глубокой болгарской древности» этого региона, необычайной твердости «болгарского духа» в Македонии, о положительном значении объединения Македонии с «родиной и матерью» – Болгарией. Подобно другим болгарским интеллектуалам, побывавшим в македонских городах в июле 1941 года, Иван Дуйчев затрагивал проблемы, связанные с пребыванием Македонии в составе Югославии. Период сербского господства описывался им как мрачный период в македонской истории, когда македонцы, который для него были болгарами, мечтали исключительно об «освобождении и объединении с другими болгарскими землями»[105]. Антисербские настроения оказались широко востребованными в Болгарии в период второй мировой войны. Особое развитие они получили на территории Македонии, где перед болгарскими властями стояли задачи болгаризации, а так же политической, экономической и культурной интеграции региона.

Подводя итоги этого исследования попыток интеграции македонских земель в политический и интеллектуальный дискурс Болгарии в начале 1940-х годов, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах болгарской националистической перцепции Македонии. К 1941 году болгарские националисты имели значительный опыт культурного и политического воображения Македонии. В рамках болгарского националистического дискурса сложился и динамично развивался особый интеллектуальный тренд, связанный с изучением Македонии, македонского языка, истории и культуры. Македонские националисты в Болгарии ставили своей целью не просто присоединение македонских земель, но и интеграцию македонцев в состав болгарской политической нации.

Эта задача казалась болгарским националистически ориентированным интеллектуалам вполне выполнимой, если принять во внимание то, что к началу 1940-х годов в Болгарии действовал ряд македонских организаций, выходила литература, посвященная македонской проблематике, а сама Македония для болгарских националистов стала своеобразным «местом памяти». Период непродолжительного военного и политического доминирования Болгарии в Македонии в период второй мировой войны стал болгарской попыткой решения македонского вопроса. Болгарские власти, подобно довоенной югославской, использовали в Македонии этнические националистические практики и стратегии, активно сочетая их, в отличие от сербских националистов, с идеями политической и гражданской нации, стремясь заменить примат этнической принадлежности и идентичности идеей болгарского гражданства как альтернативы идентичностным устремлениям тех групп, которые болгарские

---

[104] Подробнее о выступлении Ивана Снегарова в Охриде в июле 1941 года и его концепции в отношении Македонии см.: Снегаров И. Делото на Климента Охридски // http://www.kroraina.com/knigi/poklon/i_snegarov.htm

[105] Подробнее о речи И. Дуйчева и восприятии им Македонии см.: Дуйчев И. Прилеп в нашето минало // http://www.kroraina.com/knigi/poklon/i_dujchev.htm

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

националистически ориентированные элиты были склонны воспринимать исключительно в качестве национальных меньшинств или даже, как было в случае с македонцами, «неправильных» болгар. В отношении стратегии и методов контроля Македонии болгарские элиты не привнесли ничего нового и, подобно, сербским властям, проводивших политику ассимиляции в виде сербизации, пытались культурно и политически ассимилировать местное население, интегрировав его в рамки болгарской нации.

С другой стороны, болгарские интеллектуалы имели перед сербами одно преимущество, связанное с наличием в Болгарии македонского движения и проболгарски настроенной интеллигенции в самой Македонии. Это позволяло болгарским националистам сочетать этнический национализм с политическим. Македонский национализм в болгарском варианте был именно гражданским национализмом, который предусматривал включение македонцев в состав болгарской политической нации как ее неотъемлемой части. Именно этот болгарский этнический и политический националистический сентимент и звучал в речах софийских интеллектуалов, которые посещали Македонию в июле 1941 года. Определенные успехи болгарских властей в Македонии в период второй мировой войны свидетельствуют, вероятно, не о привлекательности болгарской модели, а о фрагментированности политического, культурного и интеллектуального дискурса в Македонии.

На протяжении нескольких лет болгарская администрация оказалась не в силах изменить ситуацию в регионе, и на завершающем этапе второй мировой войны болгарские войска были вынуждены покинуть македонскую территорию. Вместе с ними, опасаясь репрессий, ушли и представители болгарской интеллигенции, которые в 1941 – 1944 годах не скрывали своей лояльности в отношении Софии. Болгарские тренды македонской идентичности продолжили свое развитие после второй мировой войны вне Македонии, где возникли условия для институционализации принципиально иной, не болгарской и не сербской, македонской политической и этнической идентичности.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

МАКЕДОНИЯ В КОНТЕКСТЕ БОЛГАРСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В XX ВЕКЕ

История Болгарии в XX веке – это и история болгарского национализма. Национализм был одним из наиболее мощных и влиятельных трендов в политической жизни Болгарии, оказывая воздействие и на интеллектуальное сообщество. Вероятно, именно интеллектуалы были основными теоретиками и носителями националистической идеологии. Болгарский национализм, подобно другим национализмам Балканского региона[106], развивался как дихотомия политических и этнических трендов. Сложно однозначно определить какие именно тренды доминировали в идейной платформе болгарского национализма. При этом значительное число теоретиков болгарского национализма предлагали синтетические версии болгарской национальной идеи, в состав которых были интегрированы политические и этнические тренды.

Для болгарской националистической традиции в XX веке необычайно привлекательной оказалась идея построения Великой Болгарии, которая должны была быть этнически чистым болгарским государством. По мнению националистически ориентированных интеллектуалов, болгарскость базировалась на трех ценностях – болгарском этнополитическом мифе, болгарском языке и православии. Болгарский миф был явлением двойного плана. Миф являлся политическим и этническим одновременно, будучи тесно связанным с болгарской редакцией мессианской идеи и верой болгарских политических и культурных элит в то, что именно болгары и Болгария должны доминировать на Балканах. Болгарские элиты на протяжении XX столетия трижды пытались реализовать этот национальный проект – дважды в качестве инициатора военных действий (первая балканская война, вторая мировая война) и один раз как обороняющаяся сторона (вторая или межсоюзническая балканская война). Во всех трех случаях болгарские политические элиты руководствовались националистическими аспирациями и стремления создания «Великой Болгарии».

Примечательно, что в двух случаях активной военной внешней политики Болгарии основные интересы болгарских элит были сосредоточены в регионе Македонии. Болгарский язык и православие, как две компоненты болгарского мифа, оставались преимущественно политическими маркерами, которые активно использовались для определения и позиционирования сообщества по принципу свой – чужой. Все, кто не владел болгарским языком и не был православным, автоматически выставлялись за пределы болгарского сообщества – болгарской политической нации.

Классические примеры подобного разделения – отношение со стороны болгарских националистов к сербам и помакам. Сербы автоматически воспринимались как однозначно чужие, что подкреплялось не только языковыми отличиями, но и политическими противоречиями. Помаки отделялись в виду того, что были

---

[106] Об особенностях развития национализма и идентичностей на Балканах см.: Балканите като метафора: между глобализадията и фрагментацията / състав. Душан Биелич и Обрад Савич. София, 2004; Балкански идентичности в бълг. култура от модерната епоха XIX–XX в. / състав. Николай Аретов и Николай Чернокожев. – София, 2001 – 2003. – Т. 1 – 4; Тодорова М. Балкани. Балканизъм / прев. от англ. П. Йосифова-Хеберле. – София, 1999.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

мусульманами. Но если за сербами болгарские националисты признавали право быть другими, то в отношении помаков они подобного не позволяли, обрекая их на ассимиляцию и принудительную христианизацию.

В идеологии болгарского национализма существовало и сообщество, которое занимало промежуточный статус между сербами и помаками. Это были македонцы. Единственное, что сближало их с болгарами, это – славянское происхождение и принадлежность к православной Церкви. С другой стороны, македонские националисты были склонны позиционировать македонцев как отдельную нацию, которая достойна того, чтобы обладать своим национальным государством – Македонией. Болгарские националисты относились к македонцам иначе. Для болгарских националистов Македония была именно Болгарией, одним из болгарских регионов[107]. Для них македонцы были болгарами. В этой ситуации македонский язык воспринимался как испорченный сербами болгарский или совокупностью болгарских диалектов, которые изменились под сербским влиянием. «Испорченность» или «диалекты» – эти понятия не имели для болгарских националистов особого значения в виду того, что отношение к македонскому языку почти всегда оставалось негативным.

В целом болгарский национализм отрицал существование македонской нации и македонского языка, видя в македонцах часть болгар, предлагая им такой вариант идентичности, который предусматривал их почти полную интеграцию в состав болгарской политической и этнической нации. В такой ситуации Македония в рамках болгарского националистического дискурса – понятие почти исключительно географическое. Если же ему и придавали этнический или политический смысл, то это делалось в болгарском понимании Македонии. Македония могла быть правильной, если это была болгарская Македония. Македонизм оценивался позитивно, если им управляли из Софии, а его сторонники выступали за объединение с Болгарией. В противоположных случаях македонская нация – ни что иное, как сербский антиболгарский проект, а Македония – антиболгарская провокация Белграда. Именно поэтому мы можем констатировать, что в XX веке Македония стала для болгарского национализма своеобразным «местом памяти». В настоящем разделе мы остановимся на месте македонских сюжетов в болгарском националистическом дискурсе.

Основы болгарского восприятия Македонии были заложены в первой четверти XX века, в частности – одним из крупнейших болгарских этнологов Йорданом Ивановым (1872 – 1947) – автором ряда работ[108], посвященных этнической истории Балкан. В последующие годы болгарская историческая наука прикладывала немалые усилия в деле интеграции Македонии в болгарский контекст, что вело к превращению истории в один из инструментов национального вооб-

---

[107] О формировании и развитии македонских нарративов в болгарском интеллектуальном, культурном, а так же националистическом дискурсе см. подробнее: Суйецка Й. Балкански места на паметта. Терминът Македония и образът на Никола Вапцаров в българския и македонския времепространствен континуум / Й. Суйецка // http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=JoSujecka

[108] См. подробнее публикации Йордана Иванова: Иванов Й. Северна Македония. Исторически издирвания / Й. Иванов. – София, 1906; Иванов Й. Български старини из Македония / Й. Иванов. – София, 1908 (1931, 1970); Иванов Й. Българските диалекти в Северна Македония / Й. Иванов. – София, 1909.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ражения и укрепления национальной идентичности[109]. Наиболее маркированным с точки зрения болгарского восприятия Македонии является исследование Й. Иванова «Болгары в Македонии. Исследования и документы об их происхождении, языке и народности с этнографической картой и статистикой»[110], изданное в 1917 году – в преддверии национальной катастрофы, которая последовала после поражения Болгарии и ее союзников в первой мировой войне.

В многочисленных исследованиях Й. Иванова[111] в почти классическом виде представлена концепция Македонии, которая позднее получила значительное развитие в македонском интеллектуальном дискурсе. Йордан Иванов полагал, что на территории Болгарии, начиная от проникновения славян[112], жило население славянского происхождение, которое в языковом и этническом плане являлось болгарским[113]. Американский исследователь Д. Фридмэн подчеркивает, что история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности[114]. В болгарском случае мы наблюдаем вариант сознательной идентичностной экспансии, основанный на отрицании македонской идентичности как неправильной и предложении болгарской идентичности как единственно верной.

---

[109] О месте истории в развитии национализма и национальных идентичностей см.: подробнее: Klid B. The Struggle over Mykhailo Hrushevs'ky: recent Soviet Polemics / B. Klid // Canadian Slavonic Papers. – 1991. – Vol. 33. – No 1. – P. 32 – 45; Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z.E. Kohut // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / ed. S.F. Starr. – NY., 1994. – P. 123 – 145; Le Caire H. New States, Old Identities? The Czech Republic, Slovakia and Historical Understanding of Statehood / H. Le Caire // Nationalities Papers. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466; Troebst S. "We are Transnistrians". Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // Ab Imperio. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466; Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z.E. Kohut. – Saskatchewan, 2001; Kohut Z.E. A Study of History in independent Ukraine / Z.E. Kohut // Forum. 1998. – No 98. – P. 26 – 28; Ohloblyn O. Ukrainian Historiography. 1917 – 1956 / Z.E. Kohut // Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. – 1957. – Vol. 6 – 7. – No 4. – P. 307 – 435; Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historiography and the Non-Russian Nationalities / L. Tillet. – Chapel Hill, 1969; Wynar L.R. Mykhailo Hrushevsky: Ukrainian-Russian Confrontation in Historiography / L.R. Wynar. – NY., 1988.

[110] Ивановъ Й. Българитъ въ Македония. Издирвания и документи за тъхното потекло, езикъ и народность съ етнографска карта и статистика. Второ допълнено издание / Й. Ивановъ. – София: Царска придворна печатница, 1917.

[111] Автор полагает, что работы Й. Иванова сыграли значительную роль в формировании болгарского восприятия Македонии. Поэтому, творческое наследие Йордана Иванова заслуживает того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования, посвященного, например, болгарской интеллектуальной истории. Именно по этой причине в настоящем разделе автор не дает подробного анализа работ болгарского ученого.

[112] В историографии НР Болгарии доминировала аналогичная точка зрения. Болгарские историки не скрывали генетической связи между своими концепциями и идеями Й. Иванова. См.: Заимов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров / Й. Заимов // Проучване на жителските имена в българската топонимия. – София, 1967.

[113] См.: Иванов Й. Българите в Македония / Й. Иванов / под ред. на В. Божинов, Й. Заимов. – София, 1986. – С. 3 – 6.

[114] См.: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

В этом контексте Й. Иванов полемизировал с сербскими и греческими авторами, которые настаивали на том, что население Македонии не имеет национального сознания, являясь сербским и греческим, или потенциально будучи таким. Йордан Иванов полагал, что история Македонии является частью болгарской истории. Поэтому, он был склонен доказывать континуитет между первыми славянами на территории Македонии и ее современным (для первой четверти XX века) населением. При написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм[115]. Примечательно то, что это население для Й. Иванова было болгарским. С другой стороны, он акцентировал внимание и на том, что на протяжении Средних Веков славянское население, которое обитало на территории Болгарии, Македонии и Фракии было гомогенным, то есть болгарским[116]. Для Йордана Иванова история Болгарии – это история постоянных территориальных потерь в результате того, что исторические болгарские земли отторгались соседями. В частности отношения с греками Й. Иванов интерпретировал как «греко-болгарскую этническую борьбу»[117]. Аналогичным образом он оценивал отношения с сербами, полагая, что сербы отторгли болгарские территории в Македонии, пытаясь ассимилировать местное население. С сербским господством он связывал проникновение сербских элементов в язык славянского населения Македонии, которое, по мнению Й. Иванова, говорило на болгарских диалектах[118]. Именно с территориальными потерями Й. Иванов связывал и то, что часть болгарского населения не только попала под «чуждые влияния»[119], но и постепенно утратила свою болгарскую идентичность и связь с Болгарией. По мнению Й. Иванова, Македония была исторически болгарским регионом, будучи болгарским так же в языковом и этническом плане.

В этом контексте для болгарской историографии характерен последовательный примордиализм, доминирование которого в историографическом дискурсе можно сравнить только «с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке»[120]. Й. Иванов настаивал на том, что Солунь в период Средних Веков был преимущественно болгарским городом. Эллинизацию города Йордан Иванов связывал с захватом города греками и изгнанием оттуда славянского населения, которое, как считал Й. Иванов, было болгарским[121]. Й. Иванов полагал, что македонцы, будучи болгарами и носителями именно «болгарского сознания»[122], говорят на болгарском языке. Язык македонцев для Й. Иванова – один из болгарских диалектов, который связан с другими болгарскими говорами, развиваясь в рамках болгарского этнического массива на Балканах[123].

---

[115] Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3. – С. 337.
[116] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 32.
[117] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 37.
[118] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 48 – 49.
[119] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 34.
[120] Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // Ab Imperio. – 2003. – No 2. – С. 444.
[121] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 42 – 43.
[122] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 74.
[123] Иванов Й. Българите в Македония. – С. 63 – 66.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Попытка интеграции македонских сюжетов в болгарский контекст в период между двумя мировыми войнами, отмеченным мощным влиянием национализма болгарский интеллектуальный дискурс[124], предпринималась так же Христо Силяновым[125]. Если Йордан Иванов – знаковая фигура в интеллектуальной истории Болгарии XX века, то Христо Силянов – символическая фигура в истории болгарских попыток подчинить Македонию на протяжении XX столетия. Христо Силянов[126] был одним из лидеров македонского национализма в его проболгарской версии, принимая значительное участие в деятельности ВМОРО – Внутренней македонско-одринской революционной организации (Вътрешната македоно-одринаска революционна организация) – движения, которое боролось за болгаризацию македонского политического дискурса. В 1933 и 1943 годах вышла двухтомная книга Хр. Силянова «Освободительная борьба в Македонии»[127].

Христо Силянов позиционировал борьбу Болгарии за право обладать Македонией как борьбу за объединение исторических болгарских земель и «духовную целостность болгарской нации»[128]. По мнению Хр. Силянова, территория Македонии была населена этническими болгарами. Поэтому, македонская история – неотъемлемая часть болгарской истории. В связи с этим Хр. Силянов акцентировал внимание на участии и вкладе «македонских болгар» в общеболгарскую историю, подчеркивая, например, то, что «Македония участвовала в борьбе за независимую болгарскую церковь»[129]. Христо Силянов полагал, что македонский вопрос не имеет самостоятельного характера, являясь исключительно частью болгарского вопроса[130], что было вызвано стремлением болгарского интеллектуального сообщества в период между двумя мировыми войнами акцентировать внимание на незавершенности процесса территориального объединения всех болгарских земель в рамках одного государства.

---

[124] О развитии национализма в Болгарии между двумя мировыми войнами см. подробнее тексты болгарских интеллектуалов того периода. См.: Иширков А. Влиянието на културата върху слабокултурните народи / А. Иширков // Училищен преглед. – 1926. – № 1–2. – С. 139–149; Илиев А. Зовът на родината / А. Илиев // Изток. – 1926. – № 40; Илиев А. Конфликтът между родното и чуждото / А. Илиев // Изток. – 1926. – № 49; Илиев А. Процепи в народната ни психика (Културно-исторически очерк) / А. Илиев // Училищен преглед. – 1939. – № 1. – С. 48 – 61.

[125] Автор убежден, что работы Хр. Силянова сыграли значительную роль в формировании болгарского восприятия Македонии, став своеобразным «местом памяти» – культурной, исторической, социально. Поэтому, творческое наследие Христо Силянова заслуживает того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования, посвященного, например, интеллектуальной истории болгарской националистической традиции в XX столетии. Именно по этой причине в настоящем разделе автор не дает подробного анализа работ болгарского ученого и политика.

[126] О Христо Силянове см.: Панайотов Л. Предговор / Л. Панайотов // Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония / Хр. Силянов / ред. Л. Панайотов. – София, 1983. – Т. 1 (Илинденското възстание). [Без пагинации]

[127] Силяновъ Хр. Освободитилнитъ борби на Македония / Хр. Силяновъ. – София: Държавна печатница, 1933. – Томъ 1 (Илинденското възстание); Силяновъ Хр. Освободитилнитъ борби на Македония / Хр. Силяновъ. – София: Държавна печатница, 1943. – Томъ 2 (Следъ Илинденското възстание).

[128] См.: Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония / Хр. Силянов / ред. Л. Панайотов. – София, 1983. – Т. 1 (Илинденското възстание). – С. VI.

[129] Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония. – Т. 1. – С. 1.

[130] Там же. – С. 7.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

За подобными настроениями скрывались внешнеполитические амбиции и претензии, которые болгарские власти попытались реализовать спустя несколько лет после выхода первого тома книги Хр. Силянова, инициировав участие Болгарии во второй мировой войне на стороне Германии. По мнению Хр. Силянова, Болгария имела все шансы подчинить Македонию во второй половине 1870-х годов, но Берлинский конгресс привел к сокращению территории Болгарии, что для Хр. Силянова было сознательной попыткой разделения болгарского народа[131], вызванной, в том числе, и иностранной пропагандой. Одной из наиболее опасных иностранных пропаганд, как полагал Хр. Силянов, была греческая. Греческие власти, которые, по его словам, проводили политику последовательной эллинизации, инициировали кампанию, направленную на уничтожение в Македонии всего болгарского[132].

Силянов подчеркивал, что Греция активно сотрудничала с Османской Империей, провоцируя антиболгарские акции со стороны турок[133]. Христо Силянов полагал, что греческие власти преследовали свои узкие интересы на территории Македонии, что позволяло ему интерпретировать действия греков в Македонии как «греческие злодеяния»[134], а политику Афин в целом как «антихристианскую и нечеловеческую»[135]. Подобные интерпретации греческой политики были призваны способствовать формированию негативного образа Греции в болгарском интеллектуальном дискурсе в период между двумя мировыми войнами. Важнейшим событием в начале XX века в истории македонских болгар, по мнению Хр. Силянова, являлось Илинденское восстание. «Илинден е велик подвиг на малък народ»[136], – писал Силянов, комментируя значение восстания. С другой стороны, Силянов подчеркивал, что восстание является вкладом македонских болгар в «общую национальную историю» Болгарии[137]. Христо Силянов полагал, что восстание свидетельствовало о болгарском характере македонской истории. Исследования Йордана Иванова и Христо Силянова – классика, которая лежит в основании фундамента болгарских представлений о Македонии. На протяжении существования НРБ болгарские интеллектуалы не оставляли своих попыток интегрировать македонскую историю в болгарский контекст[138], но распад Югославии и образование независимой Македонии сделали более актуальными другие задачи, связанные с отрицанием самого факта существования македонской нации.

В виду того, что новым пограничным с Болгарией государством стала Македония, в 1990-е годы болгарские интеллектуалы активизировали критику македонской национальной идеи, хотя подобные попытки ими предпринимались и раннее. Благодаря суверенитету и независимости на первый план выходят новые

---

[131] Там же. – С. 2.
[132] Там же. – С. 69.
[133] Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония / Хр. Силянов / ред. Л. Панайотов. – София, 1983. – Т. 2 (След Илинденското възстание). – С.110 – 111.
[134] Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония. – Т. 2. – С. 234.
[135] Там же. – С. 112.
[136] Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония. – Т. 1. – С. 441.
[137] Там же. – С. 444.
[138] См. подробнее: Ангелов Д. Образуване на българската народност / Д. Ангелов. – София, 1981.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

исторические темы[139]. Украинский историк Ярослав Грыцак подчеркивает, что после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории[140]. Болгарские интеллектуалы, наоборот, попытались реанимировать старые националистические концепции, которые в болгарской историографии существовали и в эпоху социализма, но в ослабленном виде. В 1990-е годы болгарские интеллектуалы в меньшей степени пытались интегрировать Македонию в болгарский контекст, пытаясь в большей степени доказать ее неправильность, обосновав тем самым необходимость включения македонских территорий в состав Болгарии с последующей ассимиляцией македонского населения. В этом контексте выделяются исследования Косты Царнушанова[141], которые являются синтезированной версией болгарской антимакедонской интеллектуальной традиции. Коста Царнушанов, который полагал, что македонской нации не существует, а македонцы являются болгарами, говорящими на испорченном под сербским влиянием болгарском языке, не скрывал политического характера своей работы, декларируя, что в качестве ее цели видит анализ идеи отдельной македонской народности как проявления великосербизма[142].

По мнению К. Царнушанова, Македония культурно и политически, а так же в языковом и этническом плане на протяжении истории развивалась подобно Болгарии, будучи одной из болгарских территорий. Поэтому, Коста Царнушанов подобно другим болгарским интеллектуалам настаивал на том, что население средневековым болгарских земель было гомогенно, а между отдельными периодами в его истории прослеживается прямой континуитет[143]. С другой стороны, К. Царнушанов подчеркивал, что в прошлом существовал и «правильный» македонизм, сторонники которого стремились объединиться с Болгарией[144]. Появление «македонцев» как особой общности К. Царнушанов был склонен связывать с политическими переменами на Балканах, вызванных стремлением исторических противников Болгарии – Сербии и Греции – ослабить болгарскую нацию[145]. По мнению К. Царнушанова, Греция вовсе не была заинтересована в появлении на Балканах независимых славянских государств и, поэтому, противостояла сербским и болгарским попыткам национальной эмансипации.

На протяжении XIX века болгары и сербы преследовали общие цели, связанные с борьбой за национальное освобождение. Позднее ситуация изменилась: с появлением славянских балканских государств началась конкуренция между ними за обладание некоторыми территориями и распространение туда своей по-

---

[139] Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 231.

[140] Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Directions: Post-Soviet Ukraine / Y. Hrytsak // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 229 - 254.

[141] Примечательно то, что издателем более чем пятистастраничной книги К. Царнушанова в 1992 году выступило Университетское издательство Университета «Св. Климент Охридски» несмотря на то, что работа К. Царнушанова не представляет собой научной монографии, а является публицистическим произведением.

[142] Търнушанов К. Македонизмът и съпратива на Македония срещу него / К. Търнушанов. – София, 1992. – С. 9.

[143] Търнушанов К. Македонизмът и съпратива на Македония… – С. 11.

[144] Там же. – С. 53.

[145] Там же. – С. 12 – 14.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

литической идентичности. Царнушанов полагает, что лишь после того как сербские националисты не смогли подчинить территории Македонии, они выдвинули идею существования отдельной македонской нации, преследуя целью ослабление Болгарии. Именно этими целями Коста Царнушанов, не проводя особой разницы между сербским национализмом и идеей единства южных славян (югославизмом), объяснял и то, что сербы «создали» македонцев, и учредили македонскую автономию в составе СФРЮ. Примечательно и то, что Коста Царнушанов считал единственной свободной Македонией ту часть македонских земель, которая оказалась в составе Болгарии, полагая, что в СР Македонии болгары пребывают под сербским игом[146]. Поэтому, македонизм и / или македонский национализм для К. Царнушанова, были лишь «оружием сербской пропаганды»[147], направленной против Болгарии. Царнушанов объявил македонцев антиболгарским сербским проектом, инициатором которого стал сербский ученый, политик и дипломат Стоян Новакович. Вторыми родителями македонской нации Коста Царнушанов объявил международный коммунизм, который в 1933 году инициировал «кабинетное рождение македонской нации»[148].

Царнушанов объявил С. Новаковича «главным идеологом и проводником тактики македонизма»[149]. Коста Царнушанов полагал, что сербы и их сторонники из болгар (сербоманы), реализуя македонский проект преследовали цели, направленные на ослабление болгарского национального самосознания и сознательный раскол болгарского литературного языка путем выделения македонских говоров и придания им статуса отдельного языка. Кроме этого сербам приписывалось то, что сербские историки намеренно «фальсифицируют исторические факты, которые свидетельствует о неразрывном единстве болгар»[150]. Царнушанов подчеркивал, что между двумя мировыми войнами сербские власти сознательно преследовали сознательных болгар в Македонии, которые боролись за присоединение Македонии к Болгарии[151].

С другой стороны, Царнушанов настаивал, что македонский проект потерпел крах по причине того, что македонцы… остались болгарами, которые говорят на болгарском языке. Поэтому, Коста Царнушанов отрицал, что македонский язык является самостоятельным языком. Аргументируя свою точку зрения, К. Царнушанов сознательно приводил примеры, в которых разница между болгарской и македонской литературной нормой минимальна[152]. Анализируя историю Македонии в период второй мировой войны, Коста Царнушанов подчеркивал то, что болгарские войска не были агрессором, а пришли в Македонию в качестве

---

[146] Там же. – С. 377.
[147] Там же. – С. 22.
[148] Там же. – С. 341 – 343.
[149] Там же. – С. 27.
[150] Там же. – С. 44.
[151] Там же. – С.129 – 146.
[152] В качестве примера Коста Царнушанов приводил следующие строки в болгарской (На уста ми сладка дума // ще да бъзи този кът // дето Дунав, Вардар, Струма // и Марица си текат) и в македонской (На устата сладок зобор // ќе да биде той кат // кай що Дунав, Вардар, Струма // и Марица си течат) версии, патетически вопрошая: «Кое е тук македонското?». См.: Църнушанов К. Македонизмът и съпратива на Македония… – С. 435.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

освободителей болгарского населения, которое, по его мнению, томилось под сербским господством.

Коста Царнушанов утверждал, что местное население мечтало о том, чтобы присоединиться к Болгарии, о чем, по мнению болгарского автора, свидетельствовал «българският народостен дух» и «българското народостно съзнание» в Македонии[153]. Деятели македонского национального движения К. Царнушановым оценивались крайне негативно. Исключение составлял Крсте Мисироков, но Коста Царнушанов отрицал его македонскую идентичность, причисляя к болгарским революционерам. Что касается тех македонских националистов, которые имели выраженное македонское национальное сознание – в исследованиях К. Царнушанова они предстают как враги болгарского народа. Например, о деятельности Дм. Чуповски Коста Царнушанов писал как о «предательских похождениях»[154]. Известные деятели культуры СР Македонии Михайло Апостолски и Лазар Колишевски в концепции К. Царнушанова предстают как болгарофобы и сербофилы, сторонники «антиболгарского духа титоизма», которых отличала «ненависть против всего болгарского»[155].

Не обошел вниманием Коста Царнушанов и деятелей македонской культуры, полемизируя с македонскими интеллектуалами. Комментируя подобную ситуацию, В.А. Шнирельман полагает, что «в зависимости от самых разных факторов интеллектуалы выдвигают и отстаивают определенные версии прошлого, представляющие и оценивающие одни и те же события или процессы далеко не одинаково»[156]. В частности, Коста Рацин (1909 – 1943), который в СР Македонии, обрел статус первого македонского поэта, был объявлен К. Царнушановым «первой крупной жертвой сербского македонизма». Комментируя произведения К. Рацина, Коста Царнушанов отрицал то, что они были написаны на македонском языке, полагая, что в их основе лежит велесский говор болгарского языка[157].

Отрицая македонскую идентичность К. Рацина, Коста Царнушанов утверждал, что если не по языку, то «в своем самосознании К. Рацин был настоящим болгарином»[158]. Болгаризируя образ К. Рацина, К. Царнушанов писал, что «он имел мужество открыто утверждать сербским коммунистам, что население Македонии является частью болгарского народа»[159]. Политика Югославии, созданной после второй мировой войны, по мнению Косты Царнушанова в Македонии сводилась к искоренению всего болгарского. Именно поэтому К. Царнушановым культивировался нарратив о том, что в СР Македонии «антиболгарскими врагами в маске македонизма»[160] были специально организованы судебные политические процессы, которые стали расправой над болгарскими активистами[161]. После этого, по мнению К. Царнушанова, контроль над культурной и политической

---

[153]
рнушанов К. Македонизмът и съпратива на Македония… – С. 176, 213.
[154] Там же. – С. 80.
[155] Там же. – С. 361 – 378.
[156] См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 15.
[157] Църнушанов К. Македонизмът и съпратива на Македония… – С. 233.
[158] Там же. – С. 235.
[159] Там же. – С. 235.
[160] Там же. – С. 313.
[161] Там же. – С. 295 – 307.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

жизнью Македонии взяли последовательные болгарофобы – «сегодняшние македонисты, исполнители плана Новаковича»[162].

К числу подобных антиболгарских деятелей К. Царнушанов относил Блаже Конески – принципиально важную и символическую фигуру для современной македонской идентичности. Блаже Конески, Драган Ташковски и Блаже Ристовски, как полагал К. Царнушанов, намеренно фальсифицировали историю Болгарии[163]. По мнению К. Царнушанова, Б. Конески был сербофилом, который преследуя болгарофобские цели создал македонский язык, путем принудительного внедрения сербского варианта кириллицы и массового использования сербизмов[164]. Коста Царнушанов отрицал вклад Блаже Конески в развитие македонской культуры, утверждая, что его исследования отличаются антинаучным характером, «методологической нищетой»[165].

Подводя итоги настоящего раздела, акцентируем внимание на нескольких аспектах. На протяжении XX века в рамках болгарской исторической традиции сформировалась особая традиция восприятия Македонии. В Болгарии Македония воспринималась как исторически болгарская территория, что было вызвано, с одной стороны, амбициями политических элит, а, с другой, стремлением болгарских националистически ориентированных интеллектуалов вписать македонскую историю в общеболгарскую историческую схему. В рамках этих попыток болгарские интеллектуалы отрицали культурную и этническую идентичность Македонии.

С другой стороны, вероятно, не следует в этом видеть лишь отказ болгарских националистов принять и признать македонскую идентичность. Ее признание означало и признание того, что эти территории, которые воспринимались болгарскими интеллектуалами как исконно болгарские, навсегда потеряны для Болгарии. Болгарские национализмы принимали македонскую идентичность, но исключительно в качестве редакции идентичности болгарской политической нации. Несмотря на все усилия болгарских интеллектуалов интегрировать Македонию в болгарский культурный контекст и попытки политических элит захватить Македонию, присоединив ее к Болгарии, болгарская версия македонской идентичности осталась болгарской попыткой интеграции чуждой идентичности в болгарский политический и культурный контекст.

В ходе второй мировой войны болгарские элиты не смогли реализовать свой политический проект. Не удалось этого сделать и болгарским националистически ориентированным интеллектуалам. Несмотря на изучение македонской проблематики в НР Болгарии и наличие в Софии специализированных исследовательских институтов, болгарские интеллектуалы окончательно утратили инициативу в деле национального воображения Македонии. Инициатива перешла македонским интеллектуалам, усилиями которых в СР Македонии был реализован принципиально отличный от болгарского проект развития македонской идентичности.

---

[162] Там же. – С. 403.
[163] Там же. – С. 411 – 424.
[164] Там же. – С. 403.
[165] Там же. – С. 409.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

МАКЕДОНИЯ В КОНТЕКСТЕ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНИ)

История, как наука, и национализм, как политическая идеология, связаны между собой самым тесным образом. Энтнони Смит пишет, что «история национализма - это и история тех, кто о нем повествует». В зависимости от ситуации историки могут быть в лагере националистов, быть его создателями и приверженцами, закладывая «фундамент национализма в своих странах». В тоже время именно историки могут принадлежать к числу его самых последовательных противников, «критиков и оппонентов национализма»[1]. Практически в каждой национальной исторической науке были и есть исследователи-националисты и историки без конкретных национальных пристрастий, заинтересованные в развитии исторической науки как таковой. В разные исторические периоды влияние этих групп и число их приверженцев может быть различным. В периоды активной политической борьбы, национального движения или патриотической эйфории в результате обретения независимости - национализм может стать единственной парадигмой, определяющей направление исторических исследований. В периоды относительной политической и экономической стабильности национализм в исторической науке являет собой маргинальное направление.

С другой стороны, с определенной долей уверенности можно утверждать, что отечественная историография не охватывает всех проблем, связанных с нациями и национализмом на постсоветском (точнее, постсоциалистическом) пространстве. Издание журнала Ab Imperio (с 2000 года) стало попыткой радикально переломить ситуацию, но, если территории Российской империи и СССР периодически получают свое изучение на страницах журнала, то Балканский регион оказывается незаслуженно забытым. Между тем, еще в недавнем прошлом он тоже был зоной советского влияния, и процессы развития национализма там отличаются неменьшей интенсивностью, чем непосредственно на территории бывшего СССР. Об этом свидетельствует и активная издательская деятельность Македонского научного института (МНИ), расположенного в Софии. МНИ, созданный в 1923 году, позиционируется как наиболее долго существующий и один из самых влиятельных центров изучения македонской проблематики. МНИ активно издает литературу (исследования, сборники документов, популярные брошюры) по истории Македонии. Несмотря на попытки его работников вести объективную исследовательскую деятельность, многие издания МНИ имеют полемический характер, оспаривающий выводы македонской историографии. Поэтому, публикации Института актуальны вдвойне: они демонстрируют состояние изучения Македонии в Болгарии, показывая и уникальный дискурс болгарского национализма.

При этом изучение истории наций, национализма и процессов нациестроительства на Балканах осложнено особенностями, присущими этому региону. Балканы - зона не только активных национальных движений и

[1] См. подробнее: Смит Э. Национализм и историки / Э. Смит // Нации и национализм. – М., - 2002. – С. 236.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

сложившихся национальных государств, но и территория, где процессы создания национальных идентичностей и строительства наций все еще отличаются немалой интенсивностью. Балканы - контактная зона религий и языков, различных наций, этнических общностей и групп. Балканы - это зона где национальные историографии достаточно развиты и их отличительная черта - доминирование национальных парадигм и национально маркированных исторических нарративов при описании событий прошлого. В глазах представителей местных обществ эти нарративы являются совершенно естественными, законными и неизбежными. Своеобразная «легитимизация множественных памятей»[2] только усложняет анализ историографических традиций региона.

Историографии одних стран региона откровенно противостоят другим. Соседи объявляются врагами и захватчиками, все достижения их культуры приписываются другой общности. Возможно, интеграция Болгарии и Македонии в Европейский Союз смягчит их исторические противоречия[3], но это - инициатива будущего. Поэтому, история служит полем для взаимных претензий и обвинений. История - это вместе с тем и сфера максимально широкого проявления националистических идей. Если в политической жизни роль национализма сокращается, то в историографии мы наблюдаем обратную тенденцию к ее росту и последовательному усилению. Поэтому в историографиях Македонии и Болгарии господствует именно национальная парадигма. Это имеет место на фоне постепенно выстраиваемых, позитивно развивающихся и последовательно улучшающихся болгаро-македонских дипломатических отношений (например, именно Болгария первой официально признала независимость Македонии, хотя болгарские политические и интеллекткуальные сообщества и в настоящее время отрицают факт существования македонского языка в частности и самой македонской нации в целом). Несмотря на прогресс во внешней политике, история, глубоко увязшая в едином и общем прошлом, базирующаяся на едином культурно-религиозном наследии, остается главной силой, которая разграничивает македонское и болгарское сообщество, отделяя их друг от друга. Между Болгарией и Македонией возник своего рода исторический занавес, который не в силах решительно отодвинуть ни одна из сторон.

Македония так или иначе постоянно присутствует во внутренней жизни Болгарии. К ней периодически обращались почти все крупные болгарские политики самой разной политической ориентации от левых до правых. При этом такой интерес со стороны соседей македонских интеллектуалов вовсе не радует. Например, бывшей президент Болгарии Петр Стоянов заявлял, что «Македония является самой романтической частью болгарской истории»[4]. Реакция интеллектуалов из Скопье и Охрида могла быть только одной. В этом они

---

[2] От редакции. Мир памяти? Примирение с прошлым и через прошлое // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 13.

[3] Kertikov K. Macedonia-Bulgaria. From Confrontation towards Euro-integration / K. Kertikov // New Balkan Politics. – Issue 6.

[4] Kojouharov A. Bulgarian “Macedonian” Nationalism: A Conceptual Overview / A. Kojouharov // Journal of Peace and Conflict Resolution. – 2004. – Fall. – P. 282.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

увидели подтверждению тому, о чем неоднократно и очень много писали. Подобные заявления некоторых болгарских политиков только играли на руку македонским интеллектуалам, замеченных в критики великодержавного болгарского национализма.

Македонская тема ненова в болгарской историографии традиционно ограничивалась и продолжает ограничиваться несколькими сюжетами, которые одновременно являются камнями преткновения и точками соприкосновения для болгарских и македонских историков. Таким образом, македоно-болгарская полемика продолжается и в настоящее время, будучи далекой от своего завершения. Исследования МНИ не являются исключением, и большинство доступных нам публикация связано с историей Македонии, этническим статусом македонского населения и вытекающем из него статусом македонского языка. Объективно история Македонии в Болгарии создается болгарскими историками в «определенном проекте и как определенный проект»[5]. Тематическая направленность МНИ лежит в прокрустовом ложе именно этих сюжетов.

Современное описание македонских сюжетов в болгарской историографии основано на более ранних болгарских национальных нарративах: таким образом, согласно Роберту Д. Патнэму «то, куда вы приходите, зависит от того, откуда вы вышли»[6]. Болгарские же историки 1990-х вышли из национально ориентированной историографии 1980-х, современные болгарские концепты Македонии лишь продолжают сложившуюся традиции болгароцентричного написания и описания истории. Именно поэтому болгарская историография Македонии почти всегда была провинциальной, изолированной, сфокусированной на доказательстве болгарской этнической принадлежности македонского населения. Диляра Усманова, анализируя татарскую историографию, задается вопросом о том, насколько уместен «этноцентризм доминирующий при создании национальной истории»[7]. Такой же вопрос мы можем задать и в отношении болгарской историографии, которая при конструировании своей версии истории Македонии неизбежно стремится конструировать и конструирует ее как историю именно болгарскую.

Национальная парадигма почти безраздельно господствует в современной болгарской историографии. В такой ситуации изучение истории Македонии строится на основе болгарских национальных нарративов и вписывается в общий болгарский исторический процесс. Национальными историческими нарративами можно признать совокупность исторических обоснований и повествований, научных или популярных, которые широко используются при описании (или написании) истории и ее научном анализе. Эти нарративы могут признаваться или не признаваться той или иной общностью интеллектуалов. Национальная история в болгарском контексте совокупность национальных

---

[5] Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. – 2001. – No 1. – P. 41.

[6] Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic traditions in Modern Italy / R.D. Putnam. – Princeton, 1993. – P. 179.

[7] Усманова Д. Создавая национальную историю татар: исторические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и. сост. И. Герасимов и др. – Казань, 2004. – С. 109.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

исторических нарративов, упорядоченная интеллектуалами и подготовленная для восприятия обществом через историческое образование или распространение научно-популярной литературы среди относительно широких слоев интеллигенции, которая в Болгарии 1990-х годов нередко была настроена национально и лишь приветствовала изучение истории именно в болгарском национальном духе.

Болгаризация прошлого, в такой ситуации, превратилась почти в норму для многих болгарских историков. В 1998 году МНИ издал небольшое исследование «Придумывание так называемого македонского книжного языка», само название которого говорит о позициях авторов. Проблема македонского языка уже давно не дает покоя болгарским авторам, с другой стороны, выводы издания 1990-х не отличаются новаторским характером, повторяя выводы более ранней болгарской историографии. На протяжении всего издания термин «македонский язык» используется в кавычках, чем авторы автоматически ставят под сомнение сам факт его существования. Это свидетельствует о том, что македонские нарративы создаются болгарскими историками при наличии в их среди сильного болгарски маркированного «контекста самости»[8]. Уже на первых страницах становится очевидной вводная установка болгарских историков: «лингвистический македонизм не что иное, как опосредованная форма сербизации болгарского языка в географической области Македония». Отрицая независимый статус македонского языка, болгарские историки (например, Иван Кочев) не видят в Македонии ничего большего, чем одну из болгарских географических областей, а в македонцах - этническую группу болгар. Отрицая их независимый статус, болгарские историки стремятся показать македонцев как переходный этап к сербизации местного болгарского населения. Такое отношение вызывало и вызывает в македонской среде нескрываемое раздражение: поэтому, македонские историки, подобно своим болгарским коллегам, которые любят писать о «македонском сепаратизме», много пишут о «великоболгарском национализме» и шовинизме.[9] Если до распада Югославии в подобных идеях видели проявления сектантского курса БКП[10] и рецидивы великоболгарского национализма, то в 1990-е годы болгарский национализм превратился в едва ли не главного врага всей македонской историографии.

Современная болгарская историография в некоторой степени стремится упростить исторический процесс в регионе, игнорируя имевшую место «множественность идентичностей», которая еще более «усложнялась присутствием сильных региональных традиций»[11]. Упрощение истории вылилось в ее последовательную болгаризацию. Поэтому, анализируя политику в СФРЮ в отношении Македонии, Ив. Кочев суммирует ее основные положения следующим образом: 1) македонский язык был создан искусственно как языки

---

[8] Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 41.

[9] Апостолски В. На великобугарски националистички позиции / В. Апостолски. – Скопје, 1979; Апостолски В. Современите аспекти на великобугарскиот национализам / В. Апостолски // Нова Македонија. – 1980. – 15 – 27 мај; Koreni velikobugarskog šovinizma u odnosu na Socijalističku Republiku Makedoniju. - Skopje, 1968.

[10] Митрев Д. БКП и Пиринска Македонија / Д. Митрев. – Скопје, 1960.

[11] Семенов А. От редакции: дилеммы написания истории империи и нации: украинская перспектива / А. Семенов // Ab Imperio. – 2003. – № 2. – С. 378.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

для отсталых народов Азии и Африки на базе искажения норм болгарского литературного языка; 2) при создании языка широко использовалась фальсификация более ранних болгарских исследований, а болгарские особенности языка просто отрицались и не принимались во внимание; 3) македонский язык не самостоятелен, являясь лишь письменной и региональной формой болгарского языка. Основной же вывод Ив. Кочева звучит вообще крайне категорично: македонский язык, будучи искусственно созданным, не имеет внутренних потенций для развития и его постигнет судьба других искусственных политических конструктов, то есть крах. На первый взгляд эти идеи современной болгарской историографии ближе национализму, чем к науке. Болгарская историография, действительно, развивается, испытывая постоянное влияние со стороны национализма, но выводы в отношении Македонии - не национализм. Они подтверждают то, что значительная часть болгарских историков в изучении македонского вопроса стоит на примордиалистских позициях, будучи не в состоянии принять Македонию и македонцев как независимые и отдельные воображаемые сообщества, а видя в них исключительно болгар[12].

Очевидно, что современные болгарские интеллектуалы строят свою идентичность в несколько иной перспективе, чем делали их предшественники. Если для болгарской историографии периода национального возрождения был очень актуален нарратив об отделении болгар от соседей, о выделении болгарской общности из контекста других соседних общностей, то для значительной части современной болгарской интеллектуальной традиции характерен совершенно противоположный нарратив. Болгарских историков уже не столь интересует «контекст самости» - болгарская самость и идентичность анализируется почти в духе примордиальных категорий. Их так же не интересует и базирование своей национальной идентичности и истории на «радикальном отделении от другой идентичности»[13]. Для рассматриваемого дискурса болгарской историографии характерна тенденция не отделения, а распространения своей идентичности на Македонию. Что касается македонских историков, то они не питают никакого энтузиазма от потенциального слияния с болгарами. Поэтому, македонская критика Болгарии - это своеобразный контрпроект, направленный против экспансии болгарской идентичности и призванный простимулировать собственно македонские национальные нарративы.

Для книги «Придумывание так называемого македонского книжного языка» Ив. Кочев и Ив. Александров подготовили раздел озаглавленный «Документы о придумывании македонского книжного языка». Кочев и Александров исходят из того, что «македонский книжный язык» - уникальное явление в европейское лингвистике, которое не имеет ничего общего с «нормальным возникновением и развитием естественных языков», являясь искусственным конструктом, созданным в конкретном месте, в конкретное время и по приказу властей. Авторы считают, что появление македонского языка стало возможным

[12] Кочев И. Вместо предговор / И. Кочев // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. – София: Македонски научен институт, 1998.
[13] Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 43.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

благодаря антиболгарской политике Тито. Более того, они утверждают, что этот язык, содержа сербские элементы, стал шагом к созданию единого югославского языка, будучи результатом «тотальной некомпетентности» его создателей. Кочев и Александров, таким образом, объявляют македонский язык сознательным отдалением от литературной болгарской нормы, «измышлением» и созданием «неграмотных людей»[14].

Данный дискурс болгарской историографии свидетельствует о том, что она не относится с должным вниманием к столь критикуемой ею македонской исторической науке. Это игнорирование более показательно на фоне заявлений о том, что СР Македония, македонский язык и македонская культура стали исключительно болгарскими политическими антиболгарскими проектами. На таком фоне македонская антисербская историография совершенно игнорируется. Это игнорирование кажется еще более странным, если принять во внимание то, что македонские историки критиковали сербский национализм наравне с болгарскими даже во времена социалистической Югославии[15]. Таким образом, современная болгарская историография, посвященная Македонии, становится если не провинциальной, то изолированной и сфокусированной на нескольких темах.

Стремясь придать больший вес своим выводам и избежать обвинений в болгарском национализме, составители сборника о языке включили в него статью австрийского исследователя Отто Кроншайнера «Распад Югославии и будущее македонского книжного языка». Кроншайнер, солидаризируясь с болгарскими историками, утверждает, что не существовало никакой необходимости создания особого языка для болгар, которые оказались вне Болгарии. Дихотомия «болгарский / македонский язык» ставится им в один ряд с политическими экспериментами по отдалению друг от друга близкородственных наций и создание новых пар языков типа «румынский / молдавский» или «финский / карельский». Подобно болгарским коллегам, он отрицает независимый статус македонского языка, считая его политическим измышлением, лингвистическим экспериментом, проведенным под сербским руководством, а автор первой македонской грамматики Блаже Конески вообще назван им болгарином Благоем Коневым. Но, в отличие от болгарских авторов, их австрийский коллега идет дальше, предлагая македонским властям, реформировать язык, убрав из него все сербские элементы и перейти на болгарскую литературную норму[16]. Македонская реакция на выводы австрийского исследователя очевидна. Македонские историки, как и их болгарские коллеги, позаботились о поиске авторитетных специалистов Европе, которые разделяли бы их мнение о независимом статусе македонского языка. Поэтому, многие издания по македонской истории содержат переводы с

---

[14] Кочев И., Александров И. Документи за съчиняването на македонски книжовен език / И. Кочев, И. Александров // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. - София: Македонски научен институт, 1998.

[15] Апостолов А. Колонизацијата на Македонија во стара Југославија / А. Апостолов. – Скопје, 1966.

[16] Кронщайнер О. Разпадането на Югославия и бъдещето на македонския книжовен език / О. Кронщайнер // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. – София: Македонски научен институт, 1998.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

европейских языков[17], авторы которых стоят на македонских позициях. Таким образом, зарубежная научная литература и ученые используются как болгарскими, так и македонскими историками как аргумент во взаимной полемике.

Рассматривая проблему языка, как проблему политическую, современные болгарские историки не забывают и о действительно политическом аспекте вопроса. Поэтому, особое внимание ими уделяется политической истории СР Македонии. Рассматривая ее как область, населенную болгарами, они склонны интерпретировать многие политические процессы как «новую национально-освободительную борьбу» болгарского населения … против сербского национализма. Именно этой проблеме посвящено одно из исследований Димитра Гоцева. Гоцев исходит из того, что проблема того, в какие условия великосербские коммунисты поставили болгар (т.е. - македонцев - М.К.) важна с научной и политической точек зрения. Гоцев считает, что вся политика в СР Македонии была направлена на уничтожение ее болгарской сущности и культивирование искусственного и политически надуманного «македонского патриотизма».

Димитр Гоцев стремится показать внутреннюю политику в СР Македонии как череду политических процессов против местной болгарской интеллигенции, которые были организованы «сербскими коммунистическими властями». Гоцев пишет, что коммунистические власти в Македонии стремились посадить на скамью подсудимых «болгарскую историю, болгарское национальное самосознание, культуры и язык Македонии». В данном контексте современная болгарская историография демонстрирует интересную трансформацию: если раньше болгары преподносились как едва ли не самая революционная и классово сознательная нация на Балканах, то сейчас она преподносится как главная жертва «нового варварства» - коммунистического террора[18].

Концепция Дм. Гоцева имеет скорее политический, а не научный характер. Этому способствуют как установки авторы, содержание которых очевидно, и крайне узкая источниковая и исследовательская база, на основании которой им и была написана данная работа. Из источников им были использованы воспоминания (как правило, неопубликованные) и периодика. Список исследований вообще ограничивается десятью названиями: из них две работы на македонском[19], остальные на болгарском языке. Причем, подбор болгарских исследований тенденциозен, о чем говорят лишь некоторые названия «Македонизм и сопротивление в Македонии против него», «Многократные искажения о

---

[17] Французский лингвист Антуан Мейе о македонском языке, 1928 г. // Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. - Т.2. С конца первой мировой войны и до создания национального государства. - Скопье. - 1985. - С. 78 - 79; Французский славист Андре Ваян о македонском языке, 1938 г. // Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. - Т.2. - С. 85.

[18] Гоцев Д. Новата национално-освободителна борба във Вардарска Македония 1944 – 1991 / Д. Горцев. – София: Македонски научен институт, 1998.

[19] Список македонских книг, использованных Дм. Гоцевым, крайне невелик. См.: Ристевски С. Судени за Македонија / С. Ристевски. – Скопје, 1993; Гешев Ев. Нашата кауза / Ев. Гешев. – Скопје, 1994. примечательно и то, что Скопье написано на болгарский манер: «Скопие» вместо «Скопје».

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

национальном самоопределении македонских болгар», «Пожертвованное поколение»[20]. К тому же многие работы изданы в социалистической Болгарии, что свидетельствует о наличии преемственности в отношении Македонии в болгарской историографии. Примечательно и то, что Гоцев использовал и примечательную книгу Драгана Драгнева «Скопльская икона Блаже Конески, македонский лингвист или сербский политработник».

Работа Д. Драгнева может быть определена как самое яркое событие во всей болгарской историографии по македонской проблематике второй половины 1990-х годов. Если работа К. Търнушанова о сопротивлении македонизму - вершина относительно научного анализа, то книга Д. Драгнева - самое эмоциональное произведение болгарской историографии. Уже само название («Скопльская икона Блаже Конески, македонский лингвист или сербский политработник»»)[21] говорит скорее о полемическом и публицистическом характере исследования. Драгнев, однако, отводил своей работе значительную роль в развенчании культа Блаже Конески, который, по его словам, создан в Македонии: «вокруг личности Блаже Конески в Скопье создан культ, он целенаправленно превращен в символ культуры в Республике Македония». Стремясь разрушить культ, Драгнев отмечал необходимым доказать, что Конески был не только плагиатором в языковой сфере, но и сербским агентом «в культурной жизни страны», завесившим от М. Джиласа, ставшего реальным проводником языковых реформ в Македонии[22].

Концепция Драгнева строится в значительной степени на отрицании македонской историографии. Суммируя основные ее положения, она выглядит следующим образом. Если македонские историки изображают Блаже Конески как «одаренную личность … и редкого человека»[23], то для Драгнева тот был потомственным сербоманом, поборником сербского правописания и сербской азбуки, «сербским троянским конем», врагом Болгарии. То, что Конески начал писать на сербском языке, Драгнев использует как аргумент его просербских и антиболгарских настроений. Вся деятельность Конески определяется Драгневым как «глубоко антимакедонская»[24]. Примечательно то содержание, которое современная болгарская историография вкладывает в понятие «македонская». Всё «македонское» воспринимается большинством историков как болгарское этнически и культурно, как болгарское с незначительными региональными особенностями.

Драгнев создает иной, чем в македонской историографии образ Конески. Конески рассматривается им не как герой, активный участник освободительного

---

[20] Марковски В. Кръвта вода не става (моят отговор на фалшификаторите на истината за България) / В. Марковски. – София, 1981; Търнушанов К. Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него / К. Търнушанов. – София, 1992; Търнушанов К. Многократните изяви на националното самоопределение на македонските българи / К. Търнушанов. – София, 1992; Божинова В. Жертвено поколение / В. Божинова. – София, 1996.

[21] Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. – София, 1998.

[22] См. главу: Джилас «окончательно» урежда въпроса с македонската азбука и правопис.

[23] Андреевски Ц. Разговори со Конески. - Скопје, 1991. - С. 9.

[24] См. главы: «Поборник за сръбската азбука и сръбски правопис в Р. Македония» и «Сръбски троянски кон в езиковите комисии».

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

движения, а как военный преступник, враг Болгарии: «Конески - убийца. Его последователи превратили Конески из убийцы в святого, нарисовали икону, где его образ тих и скромен, а сам он заслуживший всеобщую любовь человек. Это человечишко, присвоивший себе право назвать македонских болгар “племенем”. В его глазах они выглядели как несчастный и дезориентированный сербский обломок. Когда народец подрастет, то он сам поймет, что лучше быть частью “великого сербского народа”. Плевать на историю, лингвистику и этнологию!»[25]. Как видим, нарратив крайне эмоционален и далек от объективного научного анализа. Дальнейшие оценки, даваемые Драгневым, говорят в пользу этого предположения. Конески оценивается как «бездушный сербский послушник, который не имел достаточно силы, чтобы проявить человечность в отношении невинных жертв среди македонских интеллектуалов, которые за любовь к родине заплатили своей жизнью»[26]. Комментируя оценки деятельности Конески в македонской историографии, Драгнев пишет: «этот монстр впоследствии был превращен в святого и икону». Драгнев ставит его в один ряд со Сталиным, Тито, Мао: «с одной стороны, они писали стихи и прозу, с другой, без всякой милости убивали тысячи невинных людей»[27].

Подобно другим болгарским историкам Драгнев не мог обойти вниманием роль Конески в формировании македонского литературного языка. В данном случае он, с одной стороны, демонстрирует солидарность с болгарской историографией вообще, которая скептически относится к македонскому языку, с другой, вступает в полемику с македонскими историками, склонными видеть в болгарском скепсисе проявление национализма. Если для македонской историографии Конески - автор первой грамматики и один из создателей современного литературного языка, то для Драгнева - плагиатор и фальсификатор. Драгнев считает, что македонская грамматика, изданная в 1952 году[28], представляет собой плохо замаскированный плагиат, в то время как с подлинными авторами Конески, расправился, воспользовавшись близостью к власти[29]. Особый пункт обвинений со стороны болгарской историографии то, что Конески писал и по поводу теории Белича о том, что сербский язык имеет не только два фонетических, но и два грамматических варианта - синтетический и аналитический. В рамках такой концепции македонский язык мог рассматриваться как аналитический сербский. Поэтому, Конески превратился в болгарской историографии в популяризатора «республиканского пансербизма» и сторонника сербизации болгар и болгарского языка[30].

Все идеи Драгнева могут быть выражены в названии последней главы его книги «Преходящий языковый эксперимент - непреходящая этническая сущность». Попытка создания македонского литературного языка (de facto - его создание) осознается болгарскими интеллектуалами как «языковой эксперимент», как «покушение на тысячелетнюю культурную традицию

---

[25] См. главу: Дълбоко антимакедонската дейност на Блаже Конески като политработник.
[26] В оригинале: «невинни жертви … които заплатиха с живота си своето родолюбие».
[27] См. главу: Мизантроп, превърнат в икона.
[28] Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952.
[29] См. главу: Плагиатство на всички нива.
[30] См. главу: Аналитичен сръбски?

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

македонских болгар». Болгарская историографическая традиция настаивает на том, что население современной Македонии было, есть и будет болгарским. В этом отношении болгарские историки стоят на примордиалистских позициях. Драгнев действительно пишет, что «вопреки всему в основе своей не отказалось от болгарской сущности». Политика СР Македонии в языковой и культурной сфере воспринимается как «культурный гипноз и коллективная амнезия». Вывод Драгнева - это категорично звучащий, национально ориентированный и национально маркированный нарратив: «история области как и язык не переставали быть и будут болгарскими»[31].

Настроения Драгнева показательны для всей современной болгарской историографии, подтверждая предположение Джонатана Фридмэна о том, что большинство представлений профессиональных историков о прошлом теснейшим образом связаны с созданием и сознанием их идентичности в настоящем. Иными словами, история историков - это и идентичность историков[32]. Языковая политика в Социалистической Республике Македония оценивается однозначно негативно, преподносится как антиболгарская, направленная на ослабление и уничтожение болгарской идентичности. Примечательно то, что Конески и его современники не рассматривались как македонские националисты, создатели македонского государства и македонской национальной идентичности. Они, превратившись лишь в сербских агентов, преподносятся как промежуточное звено от «варваризации» и «рустикулизации» к полной сербизации. Таким образом, болгарская историография стремится направить удар не против Македонии (зачем, если она видит в ней часть Болгарии), а против Сербии, в которой видит виновницу национальных катастроф Болгарии.

Очевидно, что современная болгарская историография в отношении Македонии двойственна. С одной стороны, болгарские историки нередко стоят на примордиалистских позициях, признавая в македонцах изначальных болгар, которым лишь надо помочь осознать их болгарскую сущность и, тем самым, стать полноценными болгарами. Этот наивный примордиализм, граничащий нередко с болгарским национализмом, в значительной степени методологически и теоретически ослабляет болгарскую историографию, превращая некоторых историков в почти маргинальных националистически мыслящих интеллектуалов. С другой стороны, было бы ошибкой утверждать, что болгарская историография развивается в изоляции от западных методик изучения наций и национализма. Отношение к Македонии и македонцам, как искусственным общностям, созданным усилиями неболгарских интеллектуалов, во многом пересекается с концепцией Б. Андерсона о «воображаемых сообществах»: например, А. Коджухаров, отдавая дань теориям об изначальности болгар, все же отмечает, что Македония может быть проанализирована в категориях западных методик изучения национализма («Македония времен Тито является прекрасным примером изобретения традиций сверху донизу»). Таким образом, болгарские интеллектуалы идейно апеллируют и к примордиальным и конструктивистским концептам.

---

[31] См. главу: Преходен езиков експеримент - непреходна етническа същност.
[32] Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 43, 52.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Македонская и болгарская историография нередко занимаются изучением одного и того же общего прошлого. Эта общность не является общностью этнической, языковой и культурной. Это только общность исторического прошлого, общность того, что одни и те же процессы имели место, как в Македонии, так и в Болгарии. Несмотря на общность прошлого, современные македонские и болгарские историки одни и те же исторические события интерпретируют различно. Таким образом, история как сближает, так и разъединяет болгар и македонцев. Именно в истории современные местные интеллектуалы ищут и находят основы и обоснования для своих концепций. Яркий пример такого взаимного исторического отдаления на основе общего прошлого - комплекс воспоминаний македонских и болгарских интеллектуалов о Илинденском восстании 1903 года. В 2003 году столетняя годовщина событий широко отмечалась как в Болгарии, так и в Македонии.

Праздничные мероприятия были посвящены попыткам путем вооруженного восстания свергнуть турецкую власть в регионе Македонии и Фракии. Два государства отмечали одни и те же исторические события, придавая им совершенно различный смысл, по-разному прочитывая их политическое, историческое и, главное, этническое содержание. Болгария праздновала «героические усилия» болгарского населения, которое оказалось вне болгарского государства, по воссоединению с Софией. Такая концепция широко пропагандировалась и популяризировалась болгарскими интеллектуалами. В Македонии праздновали в принципе те же события, но они прочитывались как борьба за создание независимого македонского государства. Македонские историки так же популяризировали эти события, утверждая, что участники восстания имели македонскую, а не болгарскую идентичность. Македонская общественность с раздражением отнеслась к утверждениям болгарской стороны. Болгарские авторы, в свою очередь, пишут о македонской идентичности со значительным скепсисом[35].

Несмотря на всю активность болгарских национально ориентированных интеллектуалов, их проект Македонии стал только интеллектуальным концептом. В отличие от болгарских нарративов, которые воспринимаются как проявление национализма, развитие собственно македонского проекта Македонии сложилось иначе. Македония и македонцы стали удачными национальными проектами. В их рамках были заняты многочисленные македонские интеллектуалы - историки и писатели. Это не означает того, что македонцы - искусственное и неестественное этническое образование, на что, как правило, указывают болгарские историки. Это говорит о том, болгары раньше сложились как воображаемые сообщества и добились создания своих национальных государств и идентичностей, которые в сознании болгарских интеллектуалов превратились в почти извечную данность. Македония может быть принята как воображаемое сообщество лишь в том контексте, что национальная идентичность возникала и развивалась в регионе с некоторым опозданием на глазах соседей, которые в прошлом сами претендовали на то, чтобы направлять этнические процессы в Македонии в болгарском, сербском или греческом направлении. Отставание Македонии в процессе развития

[35] Kojouharov A. Bulgarian “Macedonian” Nationalism: A Conceptual Overview. – P. 282.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

национализма вовсе не ознчает, что македонская идентичность стала искуственно созданным проектом – история европейских национализмов знает немало случаев замедленной социальной динамики.

Таким образом, национальный проект в Македонии был одним из наиболее успешных национальных проектов. Болгарский проект Македонии остался исключительно болгарским. Первый способствовал развитию македонской национальной идентичности. Второй культивировал болгарский национализм, был его интеллектуальным обоснованием. Македонский проект в Македонии остался проектом интеллектуальным и, в меньшей, политическим он привел не к созданию, но к институционализации (создание СР Македонии объективно ликвидировало многие барьеры, стоявшие перед македонцами на пути национального развития) македонской национальной идентичности на научной основе, что стало одной из гарантий мирного отделения Македонии от Югославии в начале 1990-х годов. Болгарский дискурс македонского проекта имеет скорее политический характер. Очевидна разница между двумя этими проектами и эта разница не только разница языка написания истории. Разница состоит в восприятии друг друга: македонские интеллектуалы смотрят на болгар как на соседей, болгарские на македонских, как на часть самих себя. Эти два подхода почти исключают друг друга. Македонская историографическая традиция будет пытаться позиционировать себя в общеевропейской перспективе.

В такой ситуации национальная парадигма, скорее всего, будет господствовать в болгарской историографии и в дальнейшем. Возможно, интеграция Болгарии и Македонии в Европейский Союз смягчит их исторические противоречия. Таким образом, в чисто теоретической перспективе диалог между болгарскими и македонскими интеллектуалами станет возможен в случае отказа первых от националистических идей в отношении Македонии. Принимая во внимание содержание рассмотренных выше концепций, диалог кажется лишь перспективой отдаленного будущего.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ГРУЗИНЫ И ГРУЗИНСКАЯ ИСТОРИЯ В БРИТАНСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГОДОВ

На протяжении по меньшей мере трех столетий грузинские интеллектуалы прилагали значительные усилия к тому, чтобы не только казаться европейцами в глазах образованных жителей Запада, но и действительно быть ими. Подобная стратегия самопозиционирования во внешний мир дала к XX веку свои определенные результаты. В западных университетах возникла картвелология, занимавшаяся изучением грузинского и родственных ему языков, а так же проблемами грузинской истории, культуры и литературы. В XX столетии Кавказ перестал быть для европейских интеллектуалов слабо структурированным архаичным Ориентом, трансформируясь благодаря в значительной степени принудительной модернизации в виде авторитарной советизации и индустриализации в регион, где достаточно четко прослеживались границы между отдельными национальными группами и сообществами.

Сложно определить, что именно были склонны видеть западные интеллектуалы в Армянской и Грузинской ССР. Очевидно, что две республики четко отличались ими как от соседней, преимущественно мусульманской, Азербайджанской ССР, с одной стороны, и национальных автономных образований в составе РСФСР, с другой. Не исключено, что среди западных интеллектуалов их собственными усилиями и благодаря стараниям национальных диаспор грузин и армян был сформирован весьма позитивный образ Армении и Грузии. По крайней мере, в этих республиках, которые имели историю, насчитывавшую не одно тысячелетие национальной истории и развитые традиции христианства, часть западных исследователей была склона видеть если не часть Запада, то оторванную от Западной Европы европейскую периферию.

Разумеется, что основным фактором, который способствовал формированию такой воображаемой географии[166] было то, что и армяне, и грузины являлись христианами. Поэтому, в глазах значительной части европейского и западного интеллектуального сообщества, которая именно в христианстве была склонна видеть одну из фундаментальных основ западной цивилизации, Грузия объективно выглядела как своя, а не чужая страна по сравнению с соседним мусульманским Азербайджаном или РСФСР в большей степени затронутой политикой принудительной и преднамеренной атеизации. Таким образом, Грузия была неплохим объектом для формирования вокруг нее своеобразной воображаемой географии.

Эта воображаемая география Грузии как части христианского европейского мира начала, вероятно, формироваться в XVIII столетии усилиями грузин, которые оказывались на Западе. Именно благодаря контактам с образованными грузинами в Европе, в европейских университетах, возник значительный интерес к Грузии, ее истории, языку, литературе и культуре. Поэтому, когда один из

[166] Об этой проблеме в теоретическом плане см.: Голдсуърди В. Измислянето на Руритания. Империализмът на въображението / В. Голдсуърси. – София, 2004. См. так же: Странджева А. Европа и подвижността на културните й граници / А. Станджева // http://www.bulgc18.com/modernoto/astrandzheva.htm

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

крупнейших (в будущем) британских специалистов по картвельским исследованиям Дэвид Маршалл Лэнг приступил к изучению этой проблематике во второй половине 1950-х годов, то он уже имел предшественников и мог использовать базовую литературу, посвященные картвельским языкам в европейских переводах.

Вероятно, следует уделить внимание и самому Дэвиду Лэнгу (David Marshall Lang[167], 1924 – 1991), имя которого в незначительной степени известно среди российских специалистов по Грузии[168]. В течение многих лет Дэвид Лэнг был одним из крупнейших специалистов по Грузии в Великобритании. С 1944 по 1949 год Д. Лэнг находился в Тебризе (Иран) в должности вице-консула. Вероятно, именно пребывание в этом городе, где жило немало армян, простимулировало интерес Д. Лэнга к Закавказью. В 1949 году, после возвращения в Лондон, Д. Лэнг начинает преподавать грузинский язык в Школе Восточных и Африканских Исследований Лондонского Университета, где в 1964 году становится профессором. Дэвид Лэнг известен как автор нескольких монографий, некоторые из которых посвящены грузинской проблематике – политической истории Грузии, а так же истории грузинского христианства[169].

В 1966 году выходит книга профессора Д. Лэнга «Грузины»[170], которая сыграла значительную роль в формировании и развитии «воображаемой географии»[171] Грузии в западном интеллектуальном дискурсе. Именно этот текст как важный этап в развитии западной воображаемой географии Грузии будет в центе внимания автора в настоящем разделе. Дэвид Лэнг в своем исследовании середины 1960-х годов способствовал формированию особого имиджа грузин в западном научном дискурсе, полагая, что грузины являются «одним из наиболее примечательных народов»[172], история которых, по мнению Д. Лэнга, может быть проанализирована на протяжении трех тысячелетий, что автоматически делало грузин одними из наиболее древних европейских цивилизаций. Лэнг полагал, что грузины, населяющие «одну из самых красивых стран в мире», от природы наделены «прекрасным вкусом и эстетическим чутьем»[173].

Кроме этого Д. Лэнг акцентировал внимание и на том, что именно территории, ставшие впоследствии Грузией, в древности принадлежали к числу центров развития обработки металлов и одомашнивания животных[174]. По мнению Д. Лэнга, территории Грузии были включены в важные исторические процессы, связанные со значительными переменами в культуре производства

---

[167] დევიდ მარშალ ლენგ

[168] О Дэвиде Лэнге см. небольшое предисловие, написанное Ф.С. Капицей для русского издания книги «The Gergians». См.: Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь / Д. Лэнг / пер. с англ. С. Федорова. – М., 2004. – С. 5 – 8.

[169] Lang D.M. The Last Years of Gergian Monarchy, 1658 – 1832 / D.M. Lang. – NY., 1957; Lang D.M. A Modern History of Georgia / D.M. Lang. – L., 1962; Lang D.M. Lives and Legends of the Gergian Saints / D.M. Lang. – NY., 1976.

[170] Lang D.M. The Gergians / D.M. Lang. – NY., 1966.

[171] О «воображаемой географии» см.: Мојсиева-Гушева Ј. Имагинарни татковини / Ј. Мојсиева-Гушева // http://bulgc18.com/occidentalism/guseva3.htm

[172] Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – С. 11.

[173] Там же. – С. 139.

[174] Там же. – С. 16.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

древних племен. По мнению Д. Лэнга, грузинские территории тесно соприкасались с «культурой огромного ближневосточного мира»[175], что позволяет рассматривать Грузию как один из регионов, где протекал процесс возникновения государственности. Развивая эту идею, Д. Лэнг предполагал, что «предшественники грузинской нации»[176] имели разнообразные контакты с жителями восточного побережья Средиземного моря. По мнению Д. Лэнга, грузинские территории были неотъемлемой частью «культур Анатолии и Закавказья»[177].

Лэнг полагал, что археологические культуры на территории Царцисгори (ცარცისგორი)[178] и Сачхери (სახჩერი)[179] обладают некоторыми элементами, которые сближают их с культурами Малой Азии, например – с культурой Трои II[180]. С другой стороны, им подчеркивалось и то, что большинство достижений культур, существовавших на территории Грузии в ту эпоху, не стали результатом внешнего воздействия, будучи следствием местного исторического развития и прогресса[181]. Лэнг полагал, что в далеком прошлом предки грузин доминировали на территории Европы, от Испании до Закавказья, доказательством чего, по его мнению, был баскский язык родственный грузинскому[182]. Лэнг был склонен позиционировать грузин как кавказских европейцев, подчеркивая то, что антропологически они близки к грекам и итальянцам[183].

Дэвид Лэнг полагал, что политическое и социальное развитие средневековой Грузии гораздо ближе аналогичным процессам, связанным с феодальными отношениями на Западе Европы[184], чем тем явлениям, которые были характерны для жизни мусульманских соседей Грузии, хотя, по мнению Д. Лэнга, имело место и определенное влияние со стороны Ирана, которое, вероятно, не было определяющим[185]. Лэнг подчеркивал, что в Грузии существовали «практически все социальные институты европейского феодализма»[186]. Лэнг полагал, что подобно средневековому Западу население Грузии делилось на свободные (კმობა[187]) и несвободные (კმა[188]) сословия. Правление грузинского царя Вахтанга Горгасала Д. Лэнг был склонен сравнивать с правлением легендарного короля Артура[189].

Кроме этого Д. Лэнг акцентировал внимание на том, что другой грузинский царь Давид Строитель активно поддерживал отношения с Западом, в частности –

---

[175] Там же. – С. 35.
[176] Там же. – С. 39.
[177] Там же. – С. 44.
[178] ცარცისგორი [Tsartsisgori]
[179] სახჩერი [Sahcheri]
[180] Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – С. 52.
[181] Там же. – С. 50.
[182] Там же. – С. 12.
[183] Там же. – С. 14.
[184] Там же. – С.108.
[185] Там же. – С. 109.
[186] Там же. – С. 134.
[187] კმობა [kmoba]
[188] კმა [kma]
[189] Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – С. 111.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

с крестоносцами из Франции, привлекая их на службу в грузинское войско[190]. Дэвид Лэнг полагал, что в средневековой Грузии, например – в период правления царицы Тамар, существовали политические тенденции, которые в Англии привели к появлению парламента[191], но в силу региональной специфики в Грузии не получили развития. Подчеркивая близость грузин с европейцами, Д. Лэнг акцентировал внимание и на том, что подобно другим европейских христианским нациям и в отличие от мусульман грузины в общественной, политической и религиозной жизни всегда отводили особое место женщине, о чем свидетельствовали культы, посвященные Деве Марии, святой Нино и царице Тамар[192]. Определенные параллели Д. Лэнг был склонен проводить и в развитии культурных традиций Грузии и Запада, полагая, что архитектура грузинских храмов имеет немало общего с романским стилем в Европе, а так же с архитектурными решениями христианского Средиземноморья[193].

Значительное внимание в своем исследовании Д. Лэнг уделил проблемам грузинского языка. В англоязычной версии книги приведен грузинский алфавит. Лэнг так же акцентировал значительное внимание на особенностях грузинского языка, констатируя для англоязычных читателей (для которых предназначалась книга), что он не имеет определенного и неопределенного артикля, а так же различий по родам. Лэнг полагал, что «трудными для европейца являются распространенные в грузинском языке стяжания согласных таких как “მე ვბრწყინავ”[194] (я сверкаю), с которыми носитель языка легко справляется»[195]. Популяризируя на Западе грузинский язык, Д. Лэнг констатировал, что «при изобилии сонорных и богатом словарном составе грузинский язык в устах поэта или оратора производит потрясающее впечатление»[196].

Анализируя проблемы грузинской истории. Д. Лэнг указывал на необходимость отказа от изучения истории Грузии, ограничиваясь исключительно границами современной (книга впервые вышла в 1966 году) для него Грузинской ССР, полагая необходимым ввести в число изучаемых проблем и сюжеты, связанные с историей лазов и их территории, Лазистана, расположенного на территории Турции. Подобный подход Д. Лэнг мотивировал тем, что «до сельджукского вторжения этот горный район играл важную роль в культурном, лингвистическом и этническом развитии грузинской нации»[197].

Вероятно, под нацией Д. Лэнг понимал в этом контексте грузинское государство, хотя нельзя исключать и того, что он вкладывал в этот термин и контент, связанный с развитием идентичности и самосознания. Поэтому, в истории Грузии в интерпретации Д. Лэнга заметен мощный примордиальный тренд. Анализируя историю Грузии, Д. Лэнг в ряде случаев следует за грузинской историографией. Это, в частности, относится к идее восприятия

---

[190] Там же. – С.128.
[191] Там же. – С. 132.
[192] Там же. – С. 24.
[193] Там же. – С. 159 – 160.
[194] მე ვბრწყინავ [me vbrdskinav]
[195] Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – С. 23.
[196] Там же. – С. 23.
[197] Там же. – С. 15.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Грузии как одного из центров антропогенеза и позднее как территорию, где существовали развитые культуры древних людей. Дэвид Лэнг был знаком с работами грузинских историков, например – с исследованиями Н. Бердзенешвили[198], А. Апакидзе[199], Ц. Абесадзе[200], Г. Меликишвили[201], К. Пицхелаури[202], Тавадзе[203] и Саквелидзе[204], на которые британский историк ссылался на протяжении всей книги[205].

Вероятно, Д. Лэнг был хорошо знаком с исследованиями грузинских историков, в частности – с теми работами, которые касались проблем этногенеза и ранней истории грузин. Лэнг, как и его грузинские коллеги, был склонен видеть в древнегрузинских племенах не просто развитые, но и автохтонные сообщества («значительная часть предков современных грузин были автохтонами или переселились туда в весьма отдаленный по времени период»[206]), что имело принципиально важное значение на фоне дебатов грузинских интеллектуалов с абхазами и осетинами о принадлежности отдельных территорий и о времени появления в этих регионах грузин. Подобно грузинским советским историкам Д. Лэнг перечисляет достаточно длинный список древних племен (в частности, речь идет о мушках, мосхах, табалах и кашках[207]), которое не только могут претендовать на статус предков грузин, но и имели различные контакты с великими цивилизациями Древнего мира, что в некоторой степени способствовало не просто удревнению грузинской истории, но свидетельствовали о мощных примордиалистских трендах в ее интерпретации.

Этот примордиалистский тренд заметен в описании истории собственно грузинской государственности. Дэвид Лэнг предполагал, что большинство племен, которые обитали на территории, где позднее возникает Грузия, были ассимилированы грузинами, что позволило им создать «классическое Иберийское государство, объединенное общим грузинским языком»[208]. Дэвид Лэнг использовал так же термин «иберийская нация», под которым он понимал «объединение древних этнических групп закавказского региона вместе с остатками диаухов, месхов и других анатолийских народов»[209]. Именно примордиальная приверженность к языку, а так же «развитие и принятие единой государственной организации» и дали возможность грузинам сохраняться как нации в течение столетий, обладая «непревзойденной и своеобразной культурой и литературой»[210].

---

[198] ბერძენიშვილი [Berdzenishvili]
[199] აპაკიძე [Apakidze]
[200] აბესაძე [Abesadze]
[201] მელიქაშვილი [Melikashvili]
[202] პიცხელაური [Pitshelauri]
[203] თავაძე [Tavadze]
[204] საქველიძე [Sakvelidze]
[205] Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – С. 27, 41, 63, 66, 92.
[206] Там же. – С. 86.
[207] Там же. – С. 58, 60.
[208] Там же. – С. 82.
[209] Там же. – С. 91.
[210] Там же. – С. 83.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Подводя итоги настоящего раздела, акцентируем внимание на нескольких аспектах, связанных с восприятием Грузии в англоязычном мире середины 1960-х годов.

На протяжении 1960 – 1970-х годов европейские и американские исследователи выпустили несколько популярных, но вместе с тем, и претендующих научность исследований, посвященных различным этническим группам, государствам и империям как прошлого, так и современности. Именно работой подобного плана была книга профессора Дэвида Маршалла Лэнга. От других подобных публикаций ее отличало две особенности. Во-первых, в книге речь шла не об исчезнувшем, а о существующем современном народе. Во-вторых, этот народ, хотя и наделялся европейскими особенностями и характеристиками, тем не менее, жил на территории Советского Союза.

С другой стороны, Д. Лэнг не наделял грузин чертами брутальности и жестокости, которые западное исследовательское и политическое сообщество было нередко склонно видеть в советском типе государственности. Это было связано, вероятно, с тем, что книга Д. Лэнга была посвящена не СССР в целом, а одной из его национальных окраин и, хотя в своем повествовании английский исследователь не доходил до событий XX столетия, вероятно, его симпатии были на стороне грузин. Таким образом, вокруг населения этой советской закавказской создавался некий ареол жертвенности. Действительно, Д. Лэнг сделал много не только для популяризации на Западе грузинского языка, истории и литературы, но и для виктимизации образа грузин, что, вероятно, диктовалось его стремлением помочь западным читателям увидеть в Грузии отдаленную европейскую периферию, которая против ее воли в силу исторических обстоятельств была оторвана от Европы и Запада.

Кроме популяризации на Западе образа Грузии как Окцидента, чем занимались и грузинские интеллектуалы в самой Грузинской ССР, Д. Лэнг популяризировал выводы и достижения грузинской историографии. Именно в этом контексте следует оценивать интерпретации британским исследователем ранней истории Грузии и проблем грузинского этногенеза, формирования грузинской нации и отношения грузин с их ближайшими региональными соседями – абхазами и осетинами. Вероятно, именно поэтому исследование Д. Лэнга на фоне нескольких незначительных упоминаний Абхазии и Южной Осетии получилось в значительной степени этноцентристским, ориентированным на сюжеты, связанные именно с грузинской национальной историей. Исследование Д. Лэнга, вышедшее впервые на английском языке в 1966 году, но написанное под сильнейшим влиянием со стороны грузинской советской историографии, стало и первой попыткой научного описания истории Грузии в англоязычном научном мире. Лэнг был одним из тех британских авторов, благодаря усилиям которых в Европе и на Западе в целом в отношении Грузии и грузин возникли не только отношения сочувствия, уважения, интереса к грузинской истории и языку, но и политические симпатии.

В такой ситуации формировалась особая динамика развития грузинских исследований, которая привела к тому, что к моменту распада СССР, восстановлению независимости Грузии, началу осетино-грузинского и абхазо-грузинского конфликтов симпатии западного общества оказались на стороне

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

грузин как жертв региональных национализмов и сепаратизмов, поддерживаемых неоимперскими амбициями России. Таким образом, про-грузинские симпатии Запада не являются исключительно политическим феноменом, обладая своей интеллектуальной историей.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК СФЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

ОСОБЕННОСТИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И НАЦИОНАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ В СР МАКЕДОНИИ

Социалистическая Федеративная Республика Югославия представляла собой эксперимент строительства коммунистического общества в многонациональном государстве. В своих идентичностных практиках и стратегиях югославские элиты на раннем этапе существования послевоенной Юголавии нередко руководствовались советской моделью, стремясь построить федерацию, основанную на этнических и территориальных принципах. Создание нового общества требовало от коммунистов, пришедших к власти после второй мировой войны, серьезных изменений в национальной политике, так как межвоенный великосербский национализм оказался уже неприемлем. В качестве образца решения национальных проблем была взята советская модель. Если межвоенная Югославия бала государством неравноправных наций, то послевоенная выглядела уже несколько иначе. Хотя претензии сербов (представленных не националистами-монархистами, а сербскими националистически ориентированными коммунистами) имели место, но они уравновешивались амбициями представителей местных партийных национальных элит. Страна стала «…народным государством с федеральной формой правления, содружеством равноправных народов…»[211]. В послевоенной Югославии постепенно складывался новый канон межнациональных отношений, в рамках которого все народы были в принципе равны, но особая роль сербов негласно на правительственном уровне существовала.

Национальная проблема в СФРЮ не была окончательно решена. Национализм продолжал играть определенную роль в политической жизни послевоенной Югославии в целом. Его роль в национальных республиках более очевидна. Местные политические элиты, хотя и стояли на социалистических позициях, декларировали свою верность Белграду, тем не менее, в зависимости от ситуации они оставались именно хорватской, словенской или македонской элитой. Несмотря на то, что сербский национализм ослаб, он продолжал играть роль, и национальные элиты на местах питали определенные опасения в отношении возможной национальной политики проводимой из центра. Поэтому, усилиями местных интеллектуалов на местах культивировались местные национальные идентичности, сложившиеся в более ранний период. Если в отношении Хорватии и Словении значительных затруднений в определении политических симпатий и наклонностей элит не возникает (местные

[211] История Югославии. – М., 1963. – Т. 2. – С. 257.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

идентичности возникли еще в XIX веке, а к моменту образования СФРЮ были уже сильны), то случай Македонии - особый.

До 1945 года македонцы не имели своей государственности, проживая на территории Югославии, Болгарии и Греции. Поэтому создание Республики Македония в составе СФРЮ было значительным успехом македонского национального движения. Местные лидеры, помня о ранней и острой политической полемике с сербскими, болгарскими и греческими националистами, решили использовать ситуацию для развития македонской национальной идентичности. Действительно, если раннее македонцы рассматривались как этнографическая группа болгар, сербов и даже греков, а их язык как диалект, то с 1945 года ситуация радикально изменилась. Они не только были признаны нацией со своим языком и культурой, они не только обрели свою государственность (пусть, в форме федерации) – они получили возможность свободного развития своей национальной идентичности. Развивая идентичность, македонские интеллектуалы-националисты фактически создвали Македонию, политически институционализируя в политическом и этническом плане нацию, существования которой до второй мировой войны отрицалось в Югославии, а после ее завершения не было признано в соседней Болгарии[212]. Важными стимулами для ее развития стали размышления македонских интеллектуалов вокруг возникновения македонской нации, македонского этногенеза. Наиболее важными и национально маркированными были заключения Д. Ташковски[213]. На страницах его исследований научный анализ соседствует с идеями македонского национализма и националистической фразеологией[214].

Отличительная черта истории Македонии послевоенного периода - особая роль национализма в политической жизни. Национализм стал политической нормой, и в рамках Социалистической Республики Македонии местные интеллектуалы взяли курс на построение македонского национального государства, постоянно критикуя то, что соседние страны (Болгария и Греция) проводят политику «…непризнания нашей самобытности и элементарных национальных прав…»[215]. Видимо, по данной причине в среде македонских интеллектуалов существовал особый специфический комплекс если не неполноценности, то повышенного желания доказать свою самость и утвердить себя в контексте соседних наций[216], вписав историю Македонии в общие исто-

---

[212] О процессе национального воображения как изобретения традиций, в том числе и политических, см. классический сборник под редакцией Эрика Хобсбаума: The Invention of Tradition / eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge, 1983.

[213] Ташковски Д. Роѓањето на македонската нација / Д. Ташковски. – Скопје, 1966; Ташковски Д. Етногенезата на македонскиот народ / Д. Ташковски. – Скопје, 1974.

[214] Ташковски Д. За македонската нација / Д. Ташковски. – Скопје, 1975.

[215] Чашуле К. Рамноправноста на јазиците / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата / К. Чашуле. – Скопје. 1985. – С. 39. Проблеме националистического македонского дискурса в творчестве Коле Чашуле посвящен раздел «Македонский националистический дискурс конца 1960-х – середины 1980-х годов: проблемы и направления развития» настоящего издания.

[216] Андонов-Полјански Х. Македонија и Словенија / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1978.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

рические процессы в регионе, доказать, что она и в прошлом не только имела свои особенности, но и контактировала с соседними территориями[217].

Важная роль в развитии македонской национальной идентичности в СФРЮ принадлежала гуманитарным исследованиям, в особенности исторической науке и филологии. Если раннее они были маргинальны, а македонские историки оценивались как националистические публицисты, то после 1945 года македонская историография развивалась в относительно равных условиях с сербской, хорватской и словенской. Македонские историки, если не стали властителями дум, то авторитетом пользовались, и их роль в развитии македонского национального самосознания и идентичности сомнений не вызывает[218]. Македонская историография прилагала немалые усилия для культивирования македонской исторической памяти, создавая особый комплекс национально ориентированных исторических нарративов, призванных доказать и показать, что македонцы являются самостоятельной нацией, которая имеет свой язык, но, что более важно, свою историю.

Поэтому, поиски себя, поиски «своего голоса»[219] стали рассматриваться не как македонский сепаратизм, а как вклад Македонии в развитие новой Югославии. Поэтому в Македонии, как и других республиках возникли научные и культурные учреждения. В 1947 году был создан Союз писателей Македонии[220]. В Македонии были созданы и Македонская Академия наук и искусств (Македонска академија на науките и уметностите), Архив Македонии (Архив на Македонија) Институт национальной истории (Институт за национална историја), Институт социологических и политико-правовых исследований (Институт за социолошки и политичкоправни истражувања), Институт македонского языка (Институт за македонски јазик).

Для культивирования македонской национальной идентичности были очень важны т.н. «места памяти» или «памятные места» - регионы, которые служили постоянным источником для стимулирования в развитии национальной идеи. По словам П. Нора, места памяти - объекты, которые способствуют сохранению национального и исторического тождества[221]. Главным «памятным местом» для македонских интеллектуалов была, скорее всего, сама Македония. В македонской историографии господствовал нарратив о том, что территория СР Македонии включает в себя лишь незначительную часть исконно македонских

---

[217] Доклестиќ Љ. Српско-македонските односи во 19 век / Љ. Доклестиќ. – Скопје, 1973.

[218] О месте истории в развитии национализма и национальных идентичностей см.: подробнее: Лаврентьев В. Попытка Србика с помощью исторических понятий обосновать австрийскую идентичность как часть имперской // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1. – М. – Ставрополь, 2004. – С. 233 – 246; Мустеацэ С. Преподавание истории в Республике Молдова в последние десять лет // Ab Imperio. – 2003. – No 1. – С. 467 – 484; Шнирельман В.А.Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006; Jilge W. Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991 / W. Jilge // European History: Challenge for a Common Future / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134.

[219] Шопов А. Ищу свой голос / А. Шопов // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – М., 1988. – С. 89.

[220] Ильина Г.Я. Литература Югославии / Г.Я. Ильина // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. 1945 - 1960. – М., 1995. – Т. 1. – С. 320.

[221] Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past / P. Nora. – NY., 1996.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

территорий. Македонские историки считали, что в состав Македонии входит только 37.51 % ее исторических территорий, в то время как другие македонские земли находятся в Греции и Болгарии[222]. Македония была самым значимым «местом памяти», а представления македонских интеллектуалов о Македонии были скорее воспоминанием о ее великом прошлом. Именно поэтому, тема «Македонии» присутствует у большинства македонских поэтов. Анте Поповски, например, написал поэму «Македония»[223], где им отмечалось, что и «ѕвездите да шептат на македонски»[224]. Послевоенная македонская литература пережила своеобразную трансформацию, «путь в Македонию», так как до этого македонские интеллектуалы писали не в македонском государстве, а независимая или автономная Македония оставалась для них идеалом. Поэтому «Путь в Македонию» Петре Бакевски - признак последовательной национализации македонской культурной жизни, свидетельство значительной роли национализма[225].

Скопье, столица Македонии, была главным местом памяти в Социалистической Республике Македонии. Конечно, македонские интеллектуалы были не против видеть в качестве столицы Салун (Салунь), но, так как это было невозможно они были вынуждены строить свои национальные концепции именно вокруг Скопье. В фундаментальных источниковых изданиях по истории Македонии документы подобраны таким образом, чтобы Салун упоминалась почти повсеместно именно в македонском национальном контексте. Если речь заходит о болгарах или греках, то оценки негативны или нейтральны. В то же время Салун исторически позиционировалась как македонская территория. Скопье рассматривалось македонскими интеллектуалами (например, Блаже Конески) как символ Македонии, как некая данность, обеспечивающая континуитет македонской истории и связь между различными поколениями македонского народа[226]. Скопье рассматривалось как сердце Македонии, как город, становящийся именно македонским городом, а сама страна перестает быть европейской периферией[227].

Не меньшие национальные ассоциации вызывал Охрид. Охриду посвятил одно из своих стихотворений Владо Урошевич[228]. Как и Скопье, Охрид - многозначное понятие для македонских интеллектуалов. Это и часть македонской земли («где-то есть этот остров»), и сама македонская история («уходящее время»)[229]. поэтому, призыв Гане Тодоровски «Дојди в Охрид» (в

---

[222] История македонского народа / ред. М. Апостолски. – Скопье, 1975. – С. 5.
[223] Поповский А. Македония / А. Поповский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 164 - 167.
[224] Поповски А. Македонија / А. Поповски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 240.
[225] Бакевский П. Путь в Македонию / П. Бакевский // Навстречу солнцу. – С. 142.
[226] Конеский Б. Скопле / Б. Конеский // Корни и звезды. – С. 75.
[227] Тодоровски Г. Фуснота без повод / Г. Тодоровски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 156 - 161.
[228] Урошевиќ В. Охрид / В.Урошевиќ // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 286.
[229] Ивановский С. Охридские трубадуры / С. Ивановский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 99.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

русском переводе: «Приезжайте в Охрид»)[230] звучит почти как национальный лозунг. В македонском сознании Охрид был связан со Стругой. С 1960-х годов Струга стала превращаться в особый национальный символ, так как в городе было начало проведение Международного фестиваля поэзии. Струга была выбрана по той причине, что она была родиной братьев Миладиновых - первых македонских поэтов[231]. Таким образом, Струга стала не только символом, но и местом памяти.

В культивировании идеи о местах памяти в Македонии приняли участие не только писатели, но и историки. Если первые придавали тем или иным местам определенный национальный или националистический смысл, то вторые стремились распространить македонское осознание этих территорий и на прошлое. Таким образом, македонская интеллектуальная традиция историзировала национально маркированные места. В македонской исторической литературе особое внимание привлекал именно Охрид. Македонские интеллектуалы стремились вписать историю Охрида в общий македонский контекст[232]. Эта задача была важной, так как и болгарские и греческие историки были не прочь доказать, что Охрид - исключительно болгарская или греческая историческая территория[233]. Помимо Охрида Прилеп так же был одним из мест памяти, который привлекал значительное внимание со стороны македонских интеллектуалов[234].

Понятие национальных классиков оказалось новым для послевоенных македонских интеллектуалов. В отличие от своих соседей по новой югославской федерации они не имели не только единой истории своей литературной традиции, но и литературы как таковой. Поэтому, немалые усилия ими прилагались именно для создания национальной культуры, в особенности - литературы. Ее культивирование было невозможно без учреждения особого пантеона героев и выдающихся деятелей прошлого, которые были признаны «отцами нации» и на которых следовало бы равняться македонской культурной элите. В такой ситуации в этот пантеон попали не только македонские деятели XIX века, но и современные авторы, так как деятелей прошлого для формирования нормальной (в представлении местных интеллектуалов, которые стремились наверстать упущенное как можно быстрее) культуры было просто мало.

Если в украинской идентичности положение «отцов нации» в зависимости от ситуации делили Т. Шевченко, И. Франко и М. Грушевський, то в послевоенной историографии Македонии на роль таких отцов нации

---

[230] Тодоровски Г. Дојди в Охрид / Г. Тодоровски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 142 – 145; Тодоровский Г. Приезжайте в Охрид / Г. Тодоровский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 124 - 125.

[231] Гловюк С. Навстречу солнцу. Македонская поэзия XIX - XX веков в русских переводах / С. Гловюк // Навстречу солнцу. – С. 4.

[232] Панов Б. Охрид во крајот на XI и почетокот на XII век во светлината на писмата на Теофелакт Охридски / Б. Панов // Зборник посветен на Димче Коцо. – Скопје. 1975.

[233] Панов Б. Охрид и Охридската област во првите векови по словенската колонизација / Б. Панов // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. – 1978. – Кн. 4.

[234] Прилеп и Прилепско низ историјата. – Прилеп, 1971. – Кн. 1.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

претендовали «македонские революционеры»[235], деятели македонского национального движения - «заветные имена: Делчев, Петров, Санданский, Ацев»[236]. Одним из таких «отцов нации» стал Гоце Делчев. Македонские авторы были склонны возвести Делчева на вершину создаваемого ими национального пантеона, но перед ними на этом пути стояли их болгарские историки. На вопрос: «Чей Гоце Делчев?» македонские историки однозначно отвечали, что «македонский». Они подвергали критике идеи болгарских авторов, что тот был деятелем болгарского революционного движения. Македонские интеллектуалы с раздражением реагировали на периодически появляющиеся в болгарской прессе статьи о роли Г. Делчева в болгарской истории. Македонским авторам не нравилось то, что болгарские коллеги описывали его как исключительно «болгарского революционера», не упоминая о том, что тот «боролся за македонский народ»[237].

Несмотря на полемику с болгарами, македонские авторы решили для себя ассоциировать и идентифицировать Делчева с Македонией. Тема Делчева стала одной из магистральных в македонской литературе. «Гоце» одно из наиболее национально окрашенных произведений Радована Павловски. Делчев предстает как македонский национальный деятель. Делчев в поэме Павловски говорит: «не смрт без слобода, не без Македонија». Павловски агиографически описывает македонских деятелей, они предстают как «вљубниците во слободата»[238]. Делчев всегда ставился македонскими интеллектуалами на первое место среди македонских деятелей прошлого. Сама Македония рассматривалась в первую очередь как именно, в первую очередь, «родина Делчева», а, во вторую очередь, как родина «любого из нас»[239].

Не менее важная роль в культивировании национальной идентичности наряду с использованием образов македонских исторических деятелей, принадлежала и поддержанию идеи того, что современные македонские авторы являются не только их наследниками, но и интенсивно творят македонскую национальную идентичность и культуру. Действительно, они были и создателями современного македонского литературного языка[240] и теми, кто широко начал его использовать в литературе, политике и науке. Первый роман на современном литературном македонском языке вышел в 1952 году. Эта особая роль македонских писателей, своеобразных живых классиков, была очевидна не только в самой Македонии (где вокруг них не возник культ, но сложилась некая атмосфера уважения и почитания), но и в остальных югославских республиках, критики которых отмечали стремительный рост,

---

[235] Абаџиев Ѓ. Македонски революционери / Ѓ. Абаџиев. – Скопје, 1950.
[236] Тодоровский Г. К Родине / Г. Тодоровский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 114.
[237] Чашуле К. Чиј е Гоце Делчев? / К. Чашуле // Политика. – 1967. – 26 јануари, 5 февруари.
[238] Павловски Р. Гоце / Р. Павловски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 426 - 435.
[239] Тодоровский Г. К Родине / Г. Тодоровский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 114.
[240] Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

начиная почти с нулевых стартовых условий[241]. Комментируя эту ситуацию, А. Спасов писал, что македонскую культуру после второй мировой войны «характеризует необычайно сильное стремление наверстать упущенное время, ускорить развитие всего того, что не могло нормально и естественно развиться из-за тяжелых исторических условий»[242].

Как и в других славянских странах (например, в Украине) в культивировании национального пантеона приняли участие не только представители творческой интеллигенции, но и историки. Для последних македонские деятели были особо важны, так как служили примером борьбы за создание национального македонского государства. В ряде случаев они рассматривались как непосредственная персонификация исторического процесса в Македонии. Македонские историки создали особый жанр почти агиографических жизнеописаний македонских деятелей прошлого[243]. Симпозиумы и конференции, посвященные тем или иным историческим фигурам, например Джорче Петрову и Пере Тошеву или Яне Сандански[244], стали распространенной практикой в интеллектуальной жизни Македонии.

С великими македонскими деятелями прошлого был связан ряд национальных издательских проектов. Македонские интеллектуалы издавали капитальные труды, посвященные жизни и деятельности наиболее национально значимых фигур македонской истории. В этом случае Мисириков и Делчев были фигурами, конечно, значимыми, но очень неоднозначными. Македонские историки создали несколько канонических жизнеописаний и биографий Гоце Делчева[245]. Нередко эти издания носили юбилейный характер[246]. Что касается Мисирикова, в национальном пантеоне он превратился в одного из идеологов создания независимой Македонии. Если Делчев - отец революции, то Мисириков - фигура в большей степени политическая и даже интеллектуальная. Интерес и проявление внимания к этим фигурам в среде македонских интеллектуалов имел циклический характер. Волна публикаций о Мисирикове захлестнула македонскую прессу в 1960-е годы. В 1956 году вышло одно из первых юбилейных исследований о Мисирикове. В 1966 и 1976 году (сорокалетие и пятидесятилетие смерти Мисирикова) прошли приуроченные к юбилею научные конференции. В 1966 году так же появились два жизнеописания Мисирикова, написанные Б. Корубиным и Б. Ристовски[247], в

---

[241] Конески Б. Мостот / Б. Конески. – Скопје, 1945; Конески Б. Македонската литература во 19 век / Б. Конески. – Скопје, 1952; Јаневски С. Село за седумте јасени / С. Јаневски. – Скопје, 1952; Георгиевски К. Македонскиот роман 1952 – 1982 / К. Георгиевски. – Скопје, 1983; Ивановић Р. Портрети македонских писаца / Р. Ивановић. – Цетиње, 1975.

[242] Спасов А. Послератна македонска поезија / А. Спасов // Македонска књижевност. – Београд, 1961. – С. 162 – 163.

[243] Ристовски Б. Наце Димов / Б. Ристовски. – Скопје, 1973; Ѓорче Петров и Пере Тошев (Симпозиум, Прилеп, 1971). – Скопје, 1974.

[244] Јане Сандански и македонското национаљноосвободителното движење (Симпозиум, Струмица), 1975. – Скопје, 1976.

[245] Андонов-Полјански Х. Гоце Делчев и неговото време / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1978.

[246] Гоце Делчев. 1872 - 1972. – Скопје, 1973.

[247] Андоновски Х. Крсте Мисириков / Х. Андоновски // Културен живот. – 1961. – 6 октомври. – С. 25 – 26; Корубин Б. Јазикот на Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1956; Крсте Миси-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

официальном агиографическом духе, где он был наделен всеми македонскими национальными и политическими добродетелями.

Лучшим кандидатом на национальную канонизацию оказался Димитрия Чуповски. Он отвечал всем требованиям национальной мифологии: крестьянское происхождение, участник македонского национального движения, активная публицистическая и переводческая деятельность, борьба за создание македонской государственности. Публикации о нем в македонской прессе появились в 1950-е годы. В 1970-е годы его образ прочитывался уже с однозначно национальных позиций[248]. Он преподносился как теоретик национального движения, сторонник создания независимого македонского государства. Чуповски был вдвойне важен, так как значительную часть жизни провел в России и СССР. Он использовался как символ македонско-русского (и шире македонско-советского) сотрудничества. Издание двухтомного исследования с приложением первоисточников, подготовленное исследователем его творчества известным македонским историком Блаже Ристовски - вершина канонизации Чуповски[249].

История была не менее важна для македонских интеллектуалов в создании национальной идентичности, чем язык, литература и местные места памяти. Сама историография была своеобразным «участком памяти»[250]. История была постоянным источником культивирования македонской национальной идентичности. О роли истории писали и многочисленные македонские интеллектуалы, которые считали, что именно история – источник формирования современной македонской нации и ее национальной идентичности. В 1961 году македонские поэты Р. Павловски и Б. Джузел писали, что «…у нас нет традиций, но у нас есть прошлое…»[251]. Именно в этом прошлом местные интеллектуалы были склонны искать доказательства своих национальных концепций.

Для поддержания македонской национальной идентичности местные интеллектуалы начали массовое издание источников по разным периодам македонской национальной истории. Без источниковой базы, скрытой в архивах, доступной не только для исследователей создание национальной истории было невозможно. Македонские историки стремились к изданию источников на протяжении всего существования СР Македонии. Особое внимание ими уделялось публикации источников по истории национального движения. Эти

риков. Научен собир посветен на 40-годишнината од смртта, Скопје 24 - 25 јуни 1966. – Скопје, 1966; Крсте Мисириков и национално-културниот развој на македонскиот народ от Ослобувањето. Реферати на симпозиумот во Скопје, 22 и 23 април 1975. – Скопје, 1976; Корубин Б. Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1966; Ристовски Б. Крсте Мисириков / Б. Ристовски. – Скопје, 1966.

[248] Абаџиев Ѓ. Македонски патриот и публицист Димитрија П. Чуповски / Ѓ. Абаџиев // Нова Македонија. 16. 11. 1958; Беличанец Т. Политичките идеи на Димитрија Павле Чуповски за слободата и државноста на македонскиот народ / Т. Беличанец // Годишник на Правниот факултет во Скопје. – 1973. – Т. 17. – С. 505 - 522.

[249] Ристовски Б. Димитрија Чуповски (1878 - 1940) / Б. Ристовски. – Скопје, 1978.

[250] Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентрические конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5. – С. 22.

[251] Đurčinov M. Nova makedonska književnost 1945 – 1980 / M. Đurčinov. – Beograd, 1988. – S. 59.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

публикации были особенно важны, так как большинство текстов было национально македонски маркировано. Так были изданы мемуары Димитара Влахова[252]. Работы Крсте Мисирикова были изданы на македонском, русском и английском языках[253]. Публикация произведений Гоце Делчева была одним из самых монументальных проектов - вышло шесть томов[254]. Кроме работ деятелей национального движения были широко изданы источники по политической и культурной истории, по истории Македонии нового времени, о движении за создание независимой Македонии, по истории македонского языка, о создании СР Македонии, о деятельности Антифашистского собрания в Македонии, о развитии Македонии в составе Югославии в 1940-е годы и в более поздний период[255]. Эти публикации были призваны доказать не только легитимность Македонии, но и неизбежность создания независимого македонского государства.

Самым важным проектом культивирования и поддержания македонской национальной идентичности стало издание на македонском (1981) и русском (1984) языках двухтомного сборника документов по истории борьбы македонского народа за независимость и создание македонского национального государства, редактором которого стал македонский историк Христо Андонов-Полянски. Эта публикация стала самым фундаментальным национальным проектом, охватывая события от появления славянских поселений на Балканах до создания СР Македонии[256]. Составители сборника (Университет имени «Кирилла и Мефодия» и Институт национальной истории) были явно национально настроены, объединив в одном издании уставы и программные документы македонских национальных организаций с документами, отображавшими положение македонцев в Болгарии и Греции, что стало всего рода претензией на объединение всех македонских земель в рамках единой Македонии. Вместе с тем, издание вызвало нарекание, как в Болгарии, так и в Греции - с одной стороны, местным историкам не понравилось исключение Македонии из болгарского и греческого исторического процессов, а, с другой, издание документов, которые ставили под сомнение права Греции (публикация текстов, где говорилось, что цари древней Македонии были славянами) и Болгарии (критика великоболгарского национализма) на Македонию[257].

Наряду с публикацией источников, македонские интеллектуалы прилагали большие усилия для написания общей истории Македонии. Создание большой

---

[252] Влахов Д. Мемоари / Д. Влахов. – Скопје, 1970.

[253] Мисириков К. За македонцките работи / К. Мисириков. – Скопје, 1946, 1953; Мисириков К. О македонских делах / К. Мисириков. – Скопье, 1974; Misirikov K. On Macedonian Matters / K. Misirikov. – Skopje, 1974.

[254] Гоце Делчев во шест тома / ред. Х. Андонов-Пољански. – Скопје, 1972.

[255] Македонија во XVI и XVII век. Документи от Царигородските архиви (1557 - 1664) / ред. Д. Шопова. – Скопје, 1955; Зборник на документи за создање на македонската државност (1893 - 1944) / ред. А. Христов. – Скопје, 1970; Македонски текстови 10 - 20 век / сост. Б. Конески, О. Јашар-Настева. – Скопје, 1956.

[256] Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. – Скопје, 1981. – Т. 1 – 2.

[257] Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. – Скопье, 1984. – Т. 1 – 2.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

истории Македонии стало одним из наиболее значимых национальных проектов. Обобщающие труды по истории, призванные доказать, что македонцы отдельная нация с самобытной культурой и языком, были призваны стимулировать национальную идентичность, показывая при этом, что создание СР Македония было исторически неизбежным явлением, доказывая и утверждая континуитет исторических процессов. В написании истории Македонии принимали участие крупнейшие македонские историки. В 1951 году в рамках полемики с греческими историками вышла книга, посвященная Эгейской Македонии в национальной истории македонцев[258]. В 1960 году на македонском языке вышла двухтомная «История македонского народа», в 1966 - исследование по истории македонской государственности, в 1970 - национально ориентированная монография «Из прошлого македонского народа». В конце 1960-х годов вышли работы Х. Андонова-Полянски, И. Катарджиева, П. Стоянова[259]. В 1978 году был реализован один из наиболее интересных проектов культивирования македонской национальной идентичности на исторической основе: книга «Македония как природное и экономическое целое»[260] стала запоздалой реакцией на болгарское исследование 1945 года, призванное доказать, что Македония исторически должна быть частью Болгарии[261]. Для популяризации именно македонского прочтения истории ряд работ издавался на русском языке[262].

В среде македонских интеллектуалов господствовал метанарратив о том, что македонская история национальна, уникальна, неповторима, а главное - непрерывна. Поэтому, македонские авторы нередко писали о «македонском континуитете» (македонски континуитет). В их сознании македонская история «в наименьшей степени история, царей, королей, вельмож, династической борьбы, завоевательных войн». В противовес этому, македонская история рассматривалась ими как история освободительных восстаний и национального движения. Македонские интеллектуалы считали, что история Македонии - уникальная составная часть исторического процесса в общеевропейской перспективе. Македонцы преподносились македонской исторической наукой как единственная европейская нация, которая дольше других народов боролась за свободу[263].

Вторая составляющая нарратива об особом характере македонской национальной истории состоит в признании тезиса о ее революционном характере. Этот нарратив был одновременно и реверансом в сторону Белграда с

---

[258] Егејска Македонија во нашата национална историја. – Скопје, 1951.

[259] Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1960. – Т. 1 – 2; Развиток на државноста на македонскиот народ. – Скопје, 1966; Из прошлости македонского народа. – Скопје, 1970; Андонов-Полјански Х. Историја на македонскиот народ / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1969; Катарџиев И. Историја на македонскиот народ / И. Катарџиев. – Скопје, 1969; Стојанов П. Историја на македонскиот народ / П. Стојанов. – Скопје, 1969.

[260] Македонија како природна и економска целина. – Скопје, 1978.

[261] Македония като природно и стопанско цяло. – София: Македонски научен институт, 1945.

[262] Македония и македонцы в прошлом. – Скопье, 1970.

[263] Чашуле К. Македонската црква / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1967. – 30 јули. – С. 2; Чашуле К. Запис за двата Илиндена / К. Чашуле // Комунист. – 1975. – 4 август; Чашуле К. Историја и политика / К. Чашуле // Комунист. 2. VIII. 1968.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

КПЮ, с ее революционными идеями, и в сторону СССР, отношение которого к революции известно. Этим самым, македонские авторы стремились обеспечить двойную легитимность своей национальной идентичности в глазах, как центра, так и Москвы. Поэтому, о восстаниях, революционной борьбе писали много, стремясь показать эти события не только как социальные, но и как именно македонские и национальные. В данном случае македонские интеллектуалы лишний раз получали возможность сделать неприятное своим болгарским коллегам. Доказывая революционность македонцев, они как бы подрывали культивируемый болгарской историографией нарратив о значительной роли в истории Балкан именно болгарского революционного движения. С другой стороны, они неизбежно вызывали раздражение болгарских историков, доказывая что Илинденское восстание - событие македонской истории, в то время как болгарские авторы думали иначе, маркируя его как исторически и национально болгарское[264]. Еще большее раздражение в болгарской академической среде вызывало изучение македонскими историками восстаний македонского народа в XI веке[265], в то время как болгарские исследователи были склонны видеть Македонию того времени как составную часть болгарского исторического процесса, отрицая существования македонцев как таковых.

Историческое прошлое Македонии было «отягощено» античным наследием. Если македонские историки не были замечены в желании и попытках доказать этнически славянский характер античной Македонии, то историческая преемственность в широком культурном плане македонскими интеллектуалами в принципе не отрицалась. Поэтому, большинство обобщающих македонских исследований по истории Македонии начинались с истории античной Македонии. Македонские поэты так же не избежали обращения к античной теме. В воспевании античности и античного наследия отметились многочисленные македонские авторы. Анте Поповски философски осмыслил античное наследие в стихотворении «Брачный обряд Прометея». В творческом наследии Славко Яневски есть стихотворение «Окаменевший Орфей». Богумил Джузел отметился стихотворением «Троя»[266]. Восприятие истории в среде македонских авторов было всегда (в большей или меньшей степени) национально маркировано. Нередко на первом месте в их построениях стояла именно нация. Поэтому, особое внимание македонские интеллектуалы были вынуждены уделять тем аспектам прошлого, которые подчеркивали самость македонцев, делая акцент на том, что соседние страны не признавали исторические права македонцев. Македонские интеллектуалы неизбежно обращались к критике болгарской историографии, которая стремилась доказать, что «македонская нация не является результатом македонских восстаний, героической борьбы, национально-освободительной борьбы, не является результатом победы

---

[264] Пандевски М. Илинденското восстание во Македонија 1903 / М. Пандевски. – Скопје, 1978.
[265] Јовановиќ М. Востанијата на македонскиот народ во XI век / М. Јовановиќ. – Скопје, 1963.
[266] Поповский А. Брачный обряд Прометея / А. Поповский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 157 – 158; Яневский С. Окаменевший Орфей / С. Яневский // Навстречу солнцу. Македонская поэзия XIX - XX веков в русских переводах. – М., 1997. – С. 73 – 74; Ѓузел Б. Троја / Б. Ѓузел // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 462.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

македонской и югославской революций». Македонские историки периодически критиковали «великоболгарские националистические позиции», великоболгарский национализм, великоболгарский шовинизм. Даже деятельность БКП нередко оценивалась как антимакедонская, а политика Димитрова, как направленная против создания Македонии[267]. Для македонских историков идеи их болгарских коллег о том, что македонцы не нация, а политическая идея, созданная врагами Болгарии, были неприемлемы и служили источником постоянного раздражения, а политика НРБ в отношении Македонии оценивалась как однозначно «антимакедонская». Болгарская историография в македонской исторической литературе почти не признавалась. Она рассматривалась как средоточие «великоболгарского шовинизма и истерии»[268].

На фоне такой откровенно антиболгарской направленности македонских интеллектуалов, отношение к Сербии и сербам было более взвешенным, хотя македонские историки периодически вспоминали о великосербской и колонизаторской политике в отношении Македонии в межвоенной Югославии[269]. Если Болгария раздражала македонских авторов, но была относительно терпима и этнически близка, то этнически неславянская Греция вообще вызывала лишь негативные эмоции. Первые публикации о неравноправном положении македонского населения в Греции появилось еще в 1950-е годы. Пик антигреческих настроений в македонской интеллектуальной среде пришелся на 1970-е годы: работы Р. Поплазарова, Т. Симовски, Х. Андоновски[270] проникнуты более националистическими идеями, нежели научным анализом.

В этническом плане послевоенная Югославия перестала быть этнически чистым сербским государством в политическом плане. Сербы были вынуждены разделить власть с другими народами. Тем не менее, несмотря на декларирование равенства наций, сербы стремились сделать сербскими политические, партийный и государственные, структуры. При этом представители местных народов в руководстве республик вовсе не жаждали возвращения к довоенным политическим нормам и довоенному типу межэтнических отношений доминирования сербов и непризнания прав несербов. Белград тоже, в свою очередь, осознал, что словенцы, хорваты, македонцы, босняки не стремятся к полной ассимиляции, а, наоборот, сознательно ей противостоят. Поэтому, им дали возможности не только для свободного вы-

---

[267] Об истории БКП и ее отношении к Македонии см.: Bell J. The Bulgarian Communist Party from Blagoev to Tzivilov / J. Bell. – Stanford, 1985.

[268] Апостолски В. На великобугарски националистички позиции / В. Апостолски. – Скопје, 1979; Апостолски В. Современите аспекти на великобугарскиот национализам / В. Апостолски // Нова Македонија. – 1980. – 15 – 27 мај; Koreni velikobugarskog šovinizma u odnosu na Socijalističku Republiku Makedoniju. – Skopje, 1968; Митрев Д. БКП и Пиринска Македонија / Д. Митрев. – Скопје, 1960.

[269] Апостолов А. Колонизацијата на Македонија во стара Југославија / А. Апостолов. – Скопје, 1966.

[270] Мојсов Л. Околу прашањето на македонското национално малцинство во Грција / Л. Мојсов. – Скопје, 1954; Поплазаров Р. Грчката политика спрема Македонија во втората полвина на XIX и почетокот на XX век / Р. Поплазаров. – Скопје, 1973; Симовски Т. Населени места во Егејска Македонија / Т. Симовски. – Скопје, 1978; Андоновски Х. Вистината на Егејска Македонија / Х. Андоновски. – Скопје, 1971.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ражения, но и развития своих этнических особенностей. Партийные элиты и местные интеллектуалы в республиках оберегали свои собственные национальные идентичности, которые были, самым тесным образом, связаны с местными национальными историческими мифами.

Местные мифы поддерживались и развивались на нескольких уровнях, важнейшими из которых были места памяти, национальные классики и местное историческое прошлое. Места памяти воплощали прошлое македонского народа. Сохранение Скопье, Прилепа и Охрида стало в восприятии македонских интеллектуалов материальным подтверждением континуитета македонской истории. В этой ситуации Охрид играл роль местного македонского «святого града» в македонской исторической памяти. С другой стороны список мест памяти не ограничивался исключительно местами, оказавшимися на территории Социалистической Республики Македонии. Определенные исторически важные и национально значимые места в болгарской и греческой Македонии так же осозновались как македонские. Не будучи территориально интегрированными в Македонию, они все-таки интеллектуально осознавались и воспринимались как македонские объекты. Постоянные размышления македонских историков, своеобразные исторические воспоминания об их македонском славянском прошлом лишь усиливали эти национальные нарративы в македонском сознании.

Национальные классики были не менее важны, чем места памяти. В Македонии с ними сложилась особая ситуация. Если в других славянских странах на роль таких национальных героев, членов национального пантеона и отцов нации претендовали короли, цари, писатели пришлого, то македонцы не первых, не вторых и не третьих почти не имели. За многими деятелями средневековья прочно закрепился статус героев сербской или болгарской истории и пересмотри их этнической исторической принадлежности был чреват научными конфликтами с болгаро-сербскими соседями. Что касается македонцев прошлого, которые писали, то македонскими писателями, которых можно было бы включить в национальный пантеон, они не были, так как македонский литературный язык возникает только после 1945 года. С другой стороны, это освобождало македонских интеллектуалов от мучительных дискуссий как интегрировать того или иного автора в социалистическое настоящее, если он жил в капиталистическом прошлом. При этом то, что почти все македонские деятели участвовали в национальной борьбе, осознавая ее как революцию, автоматически снимало вопросы об их национальной македонской легитимности.

История так же была широко использована при создании и поддержании национальной македонской идентичности. Большинство историков в Македонии разделяли националистические взгляды. Национализм исторической науки при этом имел свои особенности. Он носил характер мирной македонской экспансии в прошлое. Если македонское национальное движение было не в силах объединить все македонские территории в составе одного македонского государства, то историки смогли их исторически македонизировать. Все научное македонское сообщества разделяло негласные правила, что при изучении Пиринской и Эгейской Македонии их следовало вписывать в славянский

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

македонский контекст. И хотя Салун был в составе Греции, его история так же преподносилась как македонская. Если же речь заходила об античном периоде, то в данном случае полемика с греческими историками была неизбежна. Хотя македонские историки не придавали Македонии античной славянского характера, тем не менее они и не признавали ее однозначно эллинской. Таким образом они стремились доказать своеобразный континуитет античной и славянской Македонии. В сфере новой и новейшей истории наибольшие дискуссии возникали с болгарами, не признававшими македонцев в качестве отдельной нации. В такой ситуации историография Социалистической Республики Македония в отношении Народной Республики Болгарии, несмотря на сходство политического строя и строительство социализма, была полна заявлениями о болгарском национализме, шовинизме и т.п.

Комментируя усилия националистов на путях создания национальной истории Дж. Фридмэн утверждает, что любая история создается ими в совершенно конкретном историческом контексте и осознается как совершенно определенный разрабатываемый ими проект, который преследует ряд целей, а именно: развитие той или иной национальной «самости» и отделение своей собственной идентичности из контекста соседних идентичностей. Создавая историю, националисты, по словам историка, нередко используют и мифические конструкции, которые служат использованию прошлого для укрепления национальной идентичности в настоящем. При этом конструирование истории несет в себе и следы влияния социальных позиций их создателей – в македонском случае роль социального фактора не вызывает сомнений, так как национальные лозунги нередко тесно смыкались с национальными. По данной причине, македонскими интеллектуалами был создан и культивировался особый революционный романтизм[271].

Македония и македонцы стали удачными национальными проектами. В их рамках были заняты многочисленные македонские интеллектуалы - историки и писатели. Это не означает того, что македонцы - искусственное и неестественное этническое образование, каким они нередко воспринимались в сербском, болгарском и греческом обществе. Это говорит о том, что сербы, болгары и греки раньше сложились как воображаемые сообщества и добились создания своих национальных государств. Македония может быть принято как воображаемое сообщество лишь в том контексте, что это явление относительно современное, где национальная идентичность возникала и развивалась на глазах соседей, которые в прошлом сами претендовали на то, чтобы направлять этнические процессы в Македонии в болгарском, сербском или греческом направлении.

[271] Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. – 2001. – No 1. – P. 41.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И МАКЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1970-Е ГОДЫ

Создание в составе новой Югославии македонской автономии в виде СР Македонии означало начало нового этапа в истории македонского национального движения и развития македонской идентичности. Появление в составе Югославии македонской автономии в виде республики было значительным успехом македонского национализма, который предпринял попытку выстроить относительно гомогенное македонское государство[272]. И хотя македонские националисты не смогли создать независимое македонское государство, автономия была значительным шагом вперед по пути к национальной и государственной независимости. В СР Македонии были созданы условия для динамичного развития основ идентичности – македонского языка и македонской литературы. Лингвистическое воображение и литература были важными каналами, которые использовались македонскими интеллектуалами для культивирования македонской идентичности.

Македонские авторы, писавшие на македонском языке, предложили своим соотечественникам (и соседям) новый образ Македонии, институционализируя политические национальные традиции, связанные с развитием и культивированием македонской идентичности в новых условиях. С другой стороны, культивируя македонский идентитет интеллектуалы в СР Македонии культивировали не только идентичность, которая базировалась на этнических основаниях, но и создавали новую лояльность, конструируя определенный дискурс македонской политической идентичности – одновременно и македонской (этнической) и социалистической (лояльной центру).

В настоящем разделе мы остановимся на проблемах развития македонской идентичности в СР Македонии в контексте развития Македонии как «воображаемого сообщества»[273], создаваемого македонскими национально ориентированными интеллектуалами. Значительное место в поэтических текстах, созданных македонскими интеллектуалами в СР Македонии, занимают те, которые связаны с конструированием особого образа македонца как борца, разбойника и революционера.

Подобный «разбойничий» или «партизанский» нарратив был характерен для классика македонской литературы Славко Яневски[274]. Свое раннее творчество, связанное с идеями борьбы за национальное освобождение, Сл. Яневски определял как «мојата песна разбојничка». На раннем этапе творческой деятель-

---

[272] См.: Ачкоска В. Некои демографски движенија и етнички промени во Република Македонија по втората светска војна / В. Ачкоска // Македонците и словенците во Југославија / упоред. Н. Велјановски, Б. Давитковски. – Скопје – Љубљана, 1999. – С. 113 – 127.

[273] О воображаемых сообществах в теоретическом плане см.: Андерсън Б. Въобразените общности: Размишления върху произхода и разпространението на национализма / Б. Андерсън / прев. Я. Генова. – София, 1998.

[274] См. например: Јаневски С. Пруга на младоста / С. Јаневски. – Скопје, 1947; Јаневски С. Егејска барутна бајка / С. Јаневски. – Скопје, 1949; Јаневски С. Песни / С. Јаневски. – Скопје, 1950; Јаневски С. Лирика / С. Јаневски. – Скопје, 1952; Јаневски С. Леб и камен / С. Јаневски. – Скопје, 1957.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ности мотивы партизанской вооруженной войны были одними из доминирующих в произведениях Славко Яневски:

Сирачиња од маки да бранам,
и да гаснам в пусти села пламен,
дојди, чето, заздрави ми рани
и земи ме под своето знаме[275].

Для ранних произведений Славко Яневски характерен революционный романтизм и национальный революционаризм. Политическая экзситенция македонцев трансформируется в поэзии С. Яневски из христианского бытия в революционную борьбу, наполненную верой в победу и в создание независимой Македонии:

Донеси, синко, убава мома,
жито да сее в бескрајна нива,
донеси в пролет, донеси дома
убава мома, Слобода жива...[276]

Этот нарратив в творчестве раннего С. Яневски был достаточно распространен. Мы можем привести немало примеров, вот один из них:

Негдека некој си борец
лежел во барикада,
над него високо горе
минувал голаб над градот.
Борецот-лирик со стрелба
песна непоена кликал,
голабот летал со желба
в сонце да измие лика...[277]

В раннем творчестве Славко Яневски македонская борьба за свободу – это движение всех македонцев в независимости от того в какой части Македонии они жили. Поэтому, мы можем констатировать наличие и эгейской (греческой) македонской тематики в произведениях Яневски:

*Замолкна м**а**јката в тага,*
во ноќта заплиска Егеј,
шумејќи таговна песна

[275] См.: Јаневски С. Челник Пејо / С. Јаневски // Јаневски С. Песни / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 9.
[276] Јаневски С. Испраќала мајка чедо / С. Јаневски // Јаневски С. Песни / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 19.
[277] Јаневски С. Голаб на барикада / С. Јаневски // Јаневски С. Песни / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 41.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

за детство крај сините брегој
И како глас да се носел
над море, в темната вечер:
Живи сме ...
а крвта наша
в илјади борци ќе тече[278].

Аналогичный тренд, связанный с потерей македонских территорий и верой в то, что они должный войти в состав свободной Македонии мы находим и у Ацо Шопова:

Проштавај, роден кат, Егеју, колевко моја!...
Во барут, дим и крв в грохотна канонада
Елада…стана плен, падна, мајко. Елада.
Ревна Белиот Егеј под црвен облак криен
Елада! Елада! Зошто девет рани
на градиве носам, зошто девет лета
јас в борбата страдам?[279]

Македонец в этом контексте возникает как балканский воитель:

јас разбојник – кој немам ништо и имам се
намуртен скитник грешен што
проклетство на вериги носам
и имам само срце и ништо освен спцето голо…[280]

Македонец – воин «со вино в една со секира в друга рака»[281], который борется за освобождение «мој народе» родного края от «вековно ропство»[282]. Мир македонца – это мир борьбы за свободу и землю:

Земјата дамна је собра
нашата песна
нашата песна
мојта клетва…[283]

---

[278] Јаневски С. Егејска песна / С. Јаневски // Јаневски С. Песни / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 47.
[279] См.: Шопов А. На Грамос / А. Шопов // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 40 – 51.
[280] Јаневски С. Ехо на разбојничката / С. Јаневски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije / eds. P. Kepeski, Br. Glumac. – Zagreb, 1979. – С. 18.
[281] См. подробнее: Јаневски С. Смеата на осамениот разбојник / С. Јаневски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 13.
[282] Конески Б. Тешкото / Б. Конески // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 54.
[283] Матевски М. Враќање / М. Матевски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 194.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Македонец – это человек мечтающий о своей земле:

И велми проклет да је кто не пејет
За отроче и матер его
– Землу…[284]

и хранящий надежду на прощение («земјо прими ме таков»[285]), а само бытие македонцев предстает как постоянный протест, сознательный бунт против национальной несправедливости за независимость и свободу:

И моите другари (секој од нив на бунт в срце ранет)
и нив би ги сакал со шумот на нивните жили
што секоја ноќ со гроздово млеко горат од занес,
тие сурови јаблани, банда по крв и било…[286]

В контексте отражения в творчестве истории Македонии, истории борьбы македонцев за независимость внимание македонских интеллектуалов привлекал Гоце Делчев. В СР Македонии Гоце Делчев, погибший в 1903 году во время Илинденского восстания, стал одной из центральных фигур негласного пантеона отцов нации. Македонские интеллектуалы полемизировали с болгарскими историками, которые оспаривали македонскую идентичность Гоце Делчева. Гоце Делчев македонскими авторами позиционировался как «македонец № 1» в XX веке.

Поэтому обращения со стороны македонских авторов к образу Гоце были очень часты. Например, антология переводов македонской поэзии на хорватский язык, изданная в 1979 году, открывается эпиграфом из стихотворения[287] Анте Поповски «Гоце Делчев. Кон Македонија»: «Постара си од гороцветот и ножот – и тоа е се»[288]. В творческом наследии Радована Павловски мы находим стихотворение «Гоце», где Гоце Делчев декларирует: «Не смрт без слобода, не без Македонија»[289]. Стихотворением о Гоце отметился и Гане Тодоровски, подчеркивавший преемственность между различными поколениями борцов за свободу Македонии:

момче кажуј за смелите мажи,
за октомври славен, за октомври светол,

---

[284] См. подробнее: Поповски А. Сије от много скрби писах / А. Поповски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 232.
[285] Јаневски С. Ехо на разбојничката / С. Јаневски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 16.
[286] См. подробнее: Јаневски С. Смеата на осамениот разбојник / С. Јаневски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 12.
[287] В антологию стихотворение не вошло.
[288] Antologija suvremene makedonske poezije / eds. P. Kepeski, Br. Glumac. – Zagreb, 1979. – S. 5.
[289] Павловски Р. Гоце / Р. Павловски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 428.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

за Илинден втор.
Октомври е гостин во вашата страна,
да - еве го, кај нас, го сеќаваш ли?
Во Октомври, Гоце, родината стана
и внуците твои нарипаа в бојот.
Со твоето знаме разгореа пламен
во Октомври сив[290].

Кроме Гоце македонские интеллектуалы возвели в пантеон отцов нации и Яне Сандански. В частности Гане Тодоровски был склонен проводить непосредственную преемственность между различными поколениями македонских революционеров:

За тебе песнава гласи; знам јас, просторот мал е
но широк имаме простор: - целата слободна страна
целиот народ те носи наедно срце со Гоце,
нашиот народ го сака Сандански – верниот бранач[291].

Подобную преемственность подчеркивал и Коста Рацин:

И в бујна младост
за Гоце узнал, за дело народно свето,
тој следел по стапки му-
верен другар -
живот и смрт
за делото
дал[292].

Судьба многих македонских революционеров была трагична. В такой ситуации естественным спутником македонского борца являлась смерть:

Череп во дланка. Во него крви.
В коски лут ветар. В мясо куп црви.
Мртовци в песок. Чкрипот на ребра.
Од солен Солун до кисел Дебар…[293]

---

[290] Тодоровски Г. Разговор со Делчев / Г. Тодоровски // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 23 – 24.
[291] Тодоровски Г. Нашиот Сандански / Г. Тодоровски // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 19.
[292] См. подробнее: Рацин К. Сандански. Поема / К. Рацин // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 16.
[293] Јаневски С. Здравица / С. Јаневски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 36.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

В этом контексте в македонской поэзии значительную роль играли мотивы жертвенности и виктимизации. Гибель македонца в борьбе за свободу Македонии, в системе национально значимых географических координат, своеобразных «мест памяти», была, поэтому, одним из наиболее действенных способов простимулировать развитие национальной идентичности, что имело особое значение для македонских интеллектуалов в виду того, что давало им возможность создать не только образ борца-македонца, но и образ исторических противников Македонии.

Македонские интеллектуалы через поэтические тексты конструировали и предлагали новые образы Македонии, способствуя национальной консолидации и укреплению македонской идентичности. Значительное внимание македонские интеллектуалы в своих произведениях уделяли проблеме постепенного отмирания старой традиционной Македонии[294], на смену которой приходит новая национальная Македония. В частности Гане Тодоровски[295] констатировал постепенное умирание старой Македонии («…ој, Македонија, малодушна и кибарна…»[296]) на фоне национализации Скопье, который из сербской провинции трансформировался в македонскую столицу:

…за да му станеме квасец во градот,
за де му станеме озон на градот,
за де му станеме фермент на градо,
за де му го помакедончиме Скопје…[297]

Македонские интеллектуалы-националисты констатировали, что на смену традиционной Македонии приходит новая, современная и модерновая Македония – «…ој, Македонија, градска и социјалистичка…»[298] – страна со своей идентичностью, политической и этнической одновременно. С другой стороны, Гане Тодоровски понимал, что авторитарная модель модернизации, которая была взята на вооружение в СФРЮ, отличается значительными противоречиями, связанными как с развитием в динамично модернизирующемся обществе македонской идентичности и культуры, так и сохранением традиционности, которую предстояла преодолеть:

…Ој, Македонијо, со пет епископи
и илјади икони испокрадени,

---

[294] О традиционности в теоретическом плане в контексте развития идентичностей см. подробнее: Айзакс Х. Идоли на племето: Групова идентичност и политическа промяна / Х. Айзакс. – София, 1997.

[295] Тодоровски Г. Во утрините / Г. Тодоровски. – Скопје, 1951; Тодоровски Г. Тревожни звуци / Г. Тодоровски. – Скопје, 1953; Тодоровски Г. Спокоен чекор / Г. Тодоровски. – Скопје, 1956; Тодоровски Г. Божилак / Г. Тодоровски. – Скопје, 1956; Тодоровски Г. Апотеоза на делникот / Г. Тодоровски. – Скопје, 1964; Тодоровски Г. Горчливи голтки на премол / Г. Тодоровски. – Скопје, 1970; Тодоровски Г. Снеубавен ден / Г. Тодоровски. – Скопје, 1974.

[296] Тодоровски Г. Фуснота без повод / Г. Тодоровски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 156.

[297] Там же. – С. 156.

[298] Там же. – С. 156.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Ој, Македонијо, со соојзни министри
и судбина на периферија
Ој, Македонијо… со пленуми, со црква автокефална
… со први домати во Републиката,
со четиренаесет академици…
ој, Македонијо, со голем број неписмени,
со академија на науките и уметностите…[299]

В поэтических нарративах македонских националистов и интеллектуалов предстает Македония, значительная часть земель которой оказалась вне… Македонии:

Та Шар и Пирин дружно да викнат
родната песна в небеса темни
и бурниот Егеј – на век да плиска
тешкиот глас на новите химни[300].

В этом контексте Македония фигурирует как жертва амбиций соседей, как расколотая и фрагментированная страна, Македония диаспоры:

Ој, Македонијо, кај ти се селата мијачки?
Кај се Помаците?[301] *Кај се ветросаа?*
Кај се Егејците?
Ој, Македонијо, распослана од Узбекистан
до Анатолија, Канада и Австралија
од Балтик до Карпатите…[302]

Поэтому вердикт Гане Тодоровски не утешителен. Македония еще не создана, Македония пребывает в процессе постоянного созидания, национального конструирования и национального воображения:

Ој, Македонијо,
колку ли уште ни треба

---

[299] Там же. – С. 158.
[300] Неделковски К. Глас од Македонија / К. Неделковски // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 37.
[301] Примечательно то, что редакторы сопроводили издание 1979 года примечанием, предназначенным, вероятно, именно для хорватского читателя: «Pomaci – *makedonci* (курсив мой – М.В.) muhamedanske vjeroispovijesti». Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije / eds. P. Kepeski, Br. Glumac. – Zagreb, 1979. – S. 161. В болгарском интеллектуальном дискурсе того времен помаки рассматривались как *неправильные болгары*, исповедующие ислам. См.: Кирчанов М.В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 245 – 253.
[302] Тодоровски Г. Фуснота без повод / Г. Тодоровски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 160.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

за да те домакедончиме![303]

С другой стороны, эта незавершенность процессов модернизации и национальной консолидации предстает как одна их гарантий того, что македонский национальный проект имеет будущее.

Среди образов, связанных с концептом Македонии, особое место занимает образ Македонии как святой православной земли, страны-мученицы:

Макарие и Огнена Марија
Пароние и Пеоарија
Европие и Евдокија
Исидор и Итакија...
под тебе ја соборија
суви от глад и патила
маченицата на Аморија...
А кога во монастирот се спровре
првиот зрак, несопир-змија,
во олтарот се нишаше на козји нозе
отец Симеон пијан.
Господи и во ова лето
помина најсопниот петок...[304]

Эти религиозные образы мы находим у Славко Яневски, что весьма интересно, если принять во внимание, что в СР Македонии он имел репутацию первого проводника социалистического реализма и идей классовости в македонской литературе. В текстах Блаже Конески[305] мы находим религиозно маркированный образ в виде «полночной церкви» («полноќна црква»[306]). В одном из произведений Ацо Шопова[307] предстает «храм затворен во својата древност»[308]. Македония в произведениях македонских интеллектуалов фигурирует как единое «место памяти», где своеобразными центрами являются города, игравшие значительную роль в македонской национальной истории. Среди таких городов – Ох-

---

[303] Тодоровски Г. Фуснота без повод / Г. Тодоровски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 160.

[304] Јаневски С. Фреска / С. Јаневски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 38, 40.

[305] Конески Б. Мостот / Б. Конески. – Скопје, 1945; Конески Б. Земјата и љубовта / Б. Конески. – Скопје, 1948; Конески Б. Песни / Б. Конески. – Скопје, 1953; Конески Б. Везилка / Б. Конески. – Скопје, 1955; Конески Б. Записи / Б. Конески. – Скопје, 1976.

[306] Конески Б. Вij / Б. Конески // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 60.

[307] Шопов А. На Грамос / А. Шопов. – Скопје, 1950; Шопов А. Со наши раце / А. Шопов. – Скопје, 1950; Шопов А. Стихови за маката и радоста / А. Шопов. – Скопје, 1951; Шопов А. Слеј се со тишината / А. Шопов. – Скопје, 1955; Шопов А. Ветрот носи убаво време / А. Шопов. – Скопје. 1957.

[308] Шопов А. Молитва за еден обичен но уште непронајден збор / А. Шопов // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 108.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

рид. Название стихотворения Гане Тодововски «Дојди в Охрид», как и сам текст в целом, звучит как призыв к национальному паломничеству:

Во мугрите кога ги растури исток
по небото темно златистите зракои,
штом сонцето тргне проблеснато, чисто
по пресните следи на ноќта и мракот…
…тогаш дојди в Охрид…[309]

Для националистического дискурса в его поэтическом варианте в литературе СР Македонии проявлялся и своеобразный окцидентализм, представленный европейскими образами:

Богохулно, грешно и без срам
сека вечер мислам покрај Сена:
*што би сторил да **e Notre Dame***
чудом млада и убава жена?...
***О** не, нема!.. Штом огрее ден*
ќе ме втаса крај мирната река:
*Поведи ме во **Boulogne i Vincennes,***
столетија јас тебе те чекам…
*Нема каде: преку **Babylone***
*да одлутам на **Pigalle** и вечер.*
Барем да сум само една ноќ
едно кубе на нејните плеќи![310]

Вероятно, Ацо Шопов – один из наиболее окциденталистских македонских поэтов 1950-х годов:

*По булеварот **Saint-Germain***
верглата минува секој ден.
Старата позната песна здушено в неврат се слива.
Досадна сива магла, досадна песна сива.
*По булеварот **Saint-Germain***
сликарот стар е секај ден.
На** булеварот **Saint-Germain
облачен, матен, зимен ден.
Верглата мрмори глуво и глуво мрмори Сена.

---

[309] Тодоровски Г. Дојди в Охрид / Г. Тодоровски // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. – С. 142. В творческом наследии Владо Урошевича (Владо Урошевиќ) есть стихотворение «Охрид». См. подробнее: Урошевиќ В. Охрид / В. Урошевиќ // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije / eds. P. Kepeski, Br. Glumac. – Zagreb, 1979. – С. 286.

[310] См.: Шопов А. Notre Dame / А. Шопов // Шопов А. Слеј се со тишината / А. Шопов. – Скопје, 1955. – С. 15.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Сликарот бавно стана и празен поглед крена[311].

Не исключено, что македонские националистически ориентированные интеллектуалы позиционировали себя в качестве европейцев. Европейские мотивы, в свою очередь, были призваны способствовать формированию своеобразного культурного и политического европеизма и окцидентализма. Европеизм мог играть роль и своеобразного интеллектуального протеста против авторитарного режима. Подводя итоги, отметим, что литературные тексты в СР Македонии были важным каналом для развития национальной идентичности и широко использовались для поддержания националистического дискурса в культурной и интеллектуальной жизни. В этом контексте сама македонская литература стала большим национальным проектом, претендующим на полную выработку идентичности. Поэтому, в литературных текстах, создаваемыми македонскими интеллектуалами на македонском языке, формировался особый комплекс национально маркированных нарративов. Литература поддерживала и питала идею создания македонской независимой государственности.

Литературные тексты способствовали утверждение идентичности и национализации географического пространства, что вело к формированию концепта новой Македонии, созданной сначала усилиями интеллектуалов, а позднее через образование, как важнейший канал социализации, предложенный македонцам. С другой стороны, активно полемизируя с болгарскими и греческими интеллектуалами, соотнося свои тексты с политическими концептами и, кроме этого, будучи не в состоянии открыто выдвигать политические требования, македонские интеллектуалы и националисты культивировали идею и македонской независимой государственности.

[311] Шопов А. Верглата / А. Шопов // Шопов А. Слеј се со тишината / А. Шопов. – Скопје, 1955. – С. 28.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ МАКЕДОНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Македонская нация, в отличие от соседних наций сербов и болгар, развивалась между двумя мировыми войнами в условиях почти полного отсутствия признаваемой и непреслеудемой (болгарскими и югославскими властями) национальной интеллигенции, как силы способной кодифицировать традиционные и архаичные крестьянские идентичности, трансформировав их в современные модерновые идентичности. В период национального возрождения на Балканах националисты как носители «высокой культуры» в качестве одной из основных и важнейших задач ставили трансформацию крестьянских и городских говоров в стандартизированный литературный язык[312], пригодный не только для народных песен и записи сказок и легенд, но и для ведения эффективной политической борьбы против своих оппонентов, большинство из которых нередко были иноязычными.

Хорватские националисты, создав хорватский литературный язык, получили эффективное орудие для борьбы против венгерского доминирования. Болгарские националисты выполнили аналогичную задачу, выработав болгарскую литературную норму с тем отличием, что болгарский литературный язык активно использовался в борьбе против вызовов тюркизации и эллинизации. Македонские литературные нормы появились гораздо позднее. К тому времени в культурном и интеллектуальном дискурсе Сербии и Болгарии доминировали соответственно сербский и болгарский язык. Ситуация осложнялась тем, что носители говорившие на тех диалектах, которые македонские националисты стремились интегрировать в то, что они обозначали термином «македонский язык», проживали одновременно на территории трех государств – Югославии, Болгарии и Греции – подвергаясь политике сербизации, болгаризации и эллинизации.

Сербские националисты были склонны видеть в языке македонцев говоры сербского, болгарские – диалекты болгарского, а греческие – историческое недоразумение, связанное с пребыванием в этом регионе славян. В такой ситуации перед македонскими националистами стояли не только сложные задачи кодификации национального языка, но борьбы против сербской, болгарской и греческой пропаганды, которые отказывали македонцам в самом праве на существование. Унификация македонского языка была невозможна в

---

[312] О связи языка и национализма см.: Hutton C.M. Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue, Fascism, Race and the Science of Language / C.M. Hutton. – L. – NY., 1999; Joseph J.E. Eloquence and Power: the Rise of Language Standards and Standard Languages / J.E. Joseph. – L. – NY., 1987; Joseph J.E. Language as Fiction: Writing the Text of Linguistic Identity in Scotland / J.E. Joseph // English Literatures in International Context / eds. H. Autor, K. Stierstorfer. – Heidelberg, 2000. – P. 77 – 84; Биллинг М. Нации и языки / М. Биллинг // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С.44 – 70; Сильверстейн М. Уорфианство и лингвистическое воображение нации / М. Сильверстейн // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С.71 – 115; Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни / Дж. Фишман // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 116 – 124.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Югославии в период между двумя мировыми войнами в силу доминировавшего великосербского национализма.

Со значительными препятствиями попытки выработки литературной нормы сталкивались в Болгарии, где болгарские националисты видели в языке македонцев испорченный болгарский, который изменился по вине сербских националистов, захвативших, по их мнению, исторические болгарские земли в районе Скопье, Охрида и Велеса. Унификация македонского языка стала возможной только по завершении второй мировой войны, когда на базе старой межвоенной Югославии была создана новая Югославия, построенная на социалистических и федеральных началах. В Социалистической Республике Македония, которая входила в состав Югославии, македонский язык получил статус государственного, что привело, с одной стороны, к росту национального самосознания и значительному укреплению идентичности македонцев, а, с другой, к существенному обострению отношений между Югославией и Болгарией, которая так и не признала македонский язык, крайне негативно восприняв создание македонской автономии на тех землях, которые болгарские националисты считали исторически, культурно и в языковом отношении болгарскими.

Кодификация македонского языка, его активное использование в сфере государственного управления, образования и культуры стали важными стимулами, которые позитивно повлияли на развитие македонской идентичности. Поэтому, настоящий раздел будет посвящен языковому национализму и языковому воображению как средствам создания идентичности и модернизации общества. Американский исследователь национализма Джон Джозэф, комментируя связь национализма с языком, подчеркивает, что «отсутствие национального языка является одним из наиболее серьезных препятствий, которые необходимо преодолеть при создании национальной идентичности»[313].

Кодификация и создание македонского литературного языка стали возможны только во второй половине 1940-х годов[314], что было связано не только с политическими переменами и федерализацией югославского политического пространства, но и с тем, что постепенно «простые граждане становились важной составляющей государства». Это привело к тому, что возникла потребность не просто в соответствии, но и совпадении письменного и разговорного языка в виду того, что «граждане начали читать и писать на нем»[315]. Кодификация македонского языка связана с деятельностью целого поколения македонских интеллектуалов (Блаже Конески, Славко Яневски, Ацо Шопов…), которые составили и первое поколение интеллигенции СР Ма-

---

[313] См. подробнее: Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Дж. Джозеф // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 9.

[314] См. подробнее издание «Македонское правописание», которое стало важным шагом на пути к усилению лингвистического тренда в македонском национализме. См.: Македонски правопис. Изработен от комисијата за јазик и правопис при Министерството на народната просвета. – Скопје, 1945.

[315] Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 35.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

кедония, будучи не только македонскими националистами, но и учеными, поэтами и прозаиками, которые создавая македонские языковые нормы активно использовали их не только для написания художественных, но и научных текстов.

Значительную роль в кодификации сыграл Блаже Конески, который известен не только как македонский поэт, но и автор первой грамматики македонского языка[316]. Именно поэтому Блаже Конески является одним из излюбленных объектов критики со стороны болгарских националистов, а так же зарубежных авторов, которые принимают болгарскую точку зрения. Блаже Конески известен как историк и исследователь македонского языка. С другой стороны, Б. Конески являлся и кодификатором, одним из создателей македонского литературно языка. Любой национальный язык в подобной ситуации представляет «культурную конструкцию»[317].

Блаже Конески воспринимал македонский язык (македонскиот јазик) как независимый славянский язык, который сформировался на базе славянских говоров населения, которое проживает на территории Македонии, а так же в некоторых регионах Болгарии и Греции[318]. По мнению Б. Конески, для них македонский язык являлся родным (мајчин јазик)[319]. Блаже Конески полагал, что македонские говоры (македонските говори) развивались как целостное явление, отличное от соседних языков южных славян[320]. Подчеркивая то, что носители македонского языка проживают на территории трех государств, Блаже Конески не просто акцентировал внимание на исторической несправедливости, которая не позволила македонцам объединить все македонские территории в рамках одного государства, но и подчеркивал единство македонского языка, полемизируя тем самым с болгарскими националистами, склонными видеть в македонском совокупность болгарских диалектов.

При этом Б. Конески констатировал, что в прошлом территория распространения и доминирования македонских диалектов была более широкой[321], но постепенно они были вытеснены болгарским, сербским, албанским и греческим языком, носители которых ассимилировали

---

[316] См. работы Блаже Конески, посвященные различным аспектам и проблемам македонского языка: Конески Б. Грамматика на македонскиот литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952 – 1954; Конески Б. За македонскио литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952; Конески Б. Кон македонска преродба. Македонските учебници од 19 век / Б. Конески. – Скопје, 1959; Конески Б. Македонскиот јазик во развојот на славенските литературни јазици / Б. Конески. – Скопје, 1968; Конески Б. Од историјата на јазикот на словенската писменост во Македонија / Б. Конески. – Скопје, 1975.

[317] Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность. – С. 10.

[318] Конески Б. Историја на македонскиот јазик / Б. Конески. – Скопје, 1986. – С. 9.

[319] Конески Б. Историја на македонскиот јазик. – С. 9.

[320] Там же. – С. 12.

[321] Там же. – С. 9. Македонские интеллектуалы уделяли значительное внимание македонцам вне Македонии, хотя официально СР Македония не предъявляла соседям территориальных претензий. См.: Голомб З. Два македонски говори (на Сухо и Висока во Солунска). Јазична обработка / З. Голомб // Македонски јазик. – 1960 – 1961. – Т. XI – XII. – № 1 – 2. – С. 113 – 182; 1962 – 1963. – Т. XIII – XIV. – № 1 – 2. – С. 173 – 276.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

македоноязычное население[322]. Для националистов вопрос о границах и языке имел принципиально важное значение. Американский исследователь национализма Дж. Джозэф, комментируя лингвистическое воображение, полагает, что, кодифицируя народные говоры и создавая на их базе литературный язык, националисты стремятся «определить границы, предотвратив их изменение»[323].

Блаже Конески интерпретировал македонский язык не просто как исследователь, но и как македонский националист. Если сербские и болгарские оппоненты македонских авторов наставили на том, что македонский язык сформировался в результате искажения и неправильного развития сербских или болгарских диалектов и, являясь вторичным продуктом развития уже существовавших славянских языков, соответственно не может быть признан в качестве независимого языка, то македонские исследователи констатировали непосредственный и прямой континуитет между праславянским языком-основой (прасловенскиот јазичен тип), славянскими диалектами на Балканах, древнеславянским языком (старословенскиот јазик) и современным македонским литературным языком[324].

Для интерпретаций Блаже Конески был характерен значительный примордиалистский тренд. Проводя континуитет между праславянским, славянским и македонским, он полагал, что «македонские славяне» (македонските Словени) обладали своими особыми диалектами, на базе которых в IX столетии сложилась «македонская основа» (македонска основа)[325], отраженная в македонской письменности[326], но отличная как от языков, носителями которых являлись «бугарските Словени» и «спрските Словени»[327], но в целом связанная с балканской языковой общностью, представленной языками южных славян. Конески не отрицал, что на протяжении истории македонский язык активно контактировал с соседними славянскими языками, болгарским и сербским, объясняя вместе с тем наличие сербизмов и болгаризмов в македонском языке как результат политического доминирования на территориях, населенных македонцами, Сербии или Болгарии[328].

В этом отношении лингвистическое воображение македонского национализма в значительной степени отличалась от национальных практик Центральной и Восточной Европы, где местные националисты уделяли значительное внимание «спорам о том, какой язык лучше». Если восточноевропейские националисты с трудом допускали «мысль о том, что национальный язык многое заимствовал у соседей»[329], македонские

---

[322] Об этом см. подробнее: Голомб З.За «механизмот» на словенско-романските односи Балканскиот Полуостров / З. Голомб // Македонски јазик. – 1970. – Т. XXI. – С. 5 – 18; Јаштар-Настева О. Влијанието на македонскиот јазик врз албанските и турските говори во Македонија / О. Јаштар-Настева // Македонски јазик. – 1957. – Т. VIII. – № 2. – С. 147 – 164.
[323] Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность. – С. 15.
[324] Конески Б. Историја на македонскиот јазик. – С. 9.
[325] Там же. – С. 9.
[326] Там же. – С. 10.
[327] Там же. – С. 11.
[328] Там же. – С. 10.
[329] Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность. – С. 14.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

интеллектуалы пытались представить языковые контакты как один из важнейших факторов, который способствовал развитию уникальной македонской идентичности. В дальнейшем, по мнению Б. Конески, македонский язык развивался как преимущественно «народный язык» (народниот јазик)[330], обладая устной формой.

Блаже Конески полагал, что современная грамматическая структура македонского языка сформировалась к XV веку как уже принципиально отличная от болгарской и сербской[331]. В связи с этим в македонском научном дискурсе констатировалось, что элементы македонского языка современного типа прослеживаются в церковной литературе XVI столетия[332]. Интерес к истории македонского языка для Блаже Конески как националиста примордиалистского толка не был случаен. Македонский язык стал в СР Македония удачным национальным проектом консолидации и интеграции. Иными словами, македонские националистически ориентированные интеллектуалы фактически создали македонский язык. Но в этом контексте история была необходима для македонских националистов как средство для создания «веры в то, что нация не была изобретена». Комментируя подобные националистические интеллектуальные практики Дж. Джозэф констатирует, что изобретение нации постепенно забывается. Именно поэтому исследования истории македонского языка в СР Македонии имели своей целью создать «миф о естественности и подлинности нации»[333].

Конески полагал, что позднее македонский язык в его народной форме активно использовался и некоторыми авторами начала XIX века, например – Йоакимом Крчковски (Јоаким Крчковски) и Кирилом Пейчиновичем (Кирил Пејчиновиќ)[334]. С другой стороны, он констатировал, что несмотря на опыт применения македонского языка в письменных текстах, в XIX столетии не сложилась единая македонская литературная норма, обозначаемая Конески как «еден општ литературен јазик»[335], в силу того, что македонский язык конкурировал с более развитыми языками – церковнославянским, болгарским и греческим[336]. Предпосылки для формирования литературной нормы Блаже Конески связывал с национальными движениями македонцев и болгар, которые боролись против греческой религиозной гегемонии и турецкого политического доминирования.

Принадлежа к примордиалистскому тренду в македонской гуманистике Б. Конески, констатировал, что основной целью македонцев в этой борьбе было утверждение «полностью самостоятельного национального развития» (наполно самостоен национален развој)[337], то есть создание независимого национального государства. При этом Блаже Конески не смущало то, что в XIX столетии не существовало модерной политической македонской идентичности и

---

[330] Конески Б. Историја на македонскиот јазик. – С. 10.
[331] Там же. – С. 10.
[332] Там же. – С. 16.
[333] Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность. – С. 23.
[334] Конески Б. Историја на македонскиот јазик. – С. 16.
[335] Там же. – С. 16.
[336] Там же. – С. 16.
[337] Там же. – С. 17.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

гражданского национализма. С другой стороны, это не мешало Б. Конески весьма критически оценивать болгарский национальный проект, направленный на интеграцию в болгарский исторический и языковой контекст македонского языка[338]. Блаже Конески полагал, что реальные предпосылки для языковой консолидации сложились в начале XX века, когда была издана книга Крсте Мисирикова «За македонските работи» («О македонских делах»)[339]. Мисириков, которого болгарские националисты позиционируют как болгарского националиста и революционера, преподносился как македонский националист и один из первых кодификаторов македонского языка[340].

Дальнейшие события, по мнению Б. Конески, негативно повлияли на тенденции интеграции македонского языка: после первой мировой войны македонские территории оказались разделенными Королевством СХС (Югославией), Болгарией и Грецией. Конески констатировал, что несмотря на запрет македонского языка в этих странах македонское национальное движение оказалось достаточно мощным, чтобы сохранить язык и консолидировать политический дискурс, добившись после второй мировой войны изменения статуса Македонии, что оказало существенное влияние и на положение македонского языка. Прослеживая столь отдаленные исторические корни и сложные политические перипетии развития македонского языка, Блаже Конески признавал и то, что литературный македонский язык сформировался относительно недавно – после завершения второй мировой войны на основе западно-македонских говоров[341]. Окончательная унификация македонского языка была связана с принятием македонской азбуки (3 мая 1945 года) и правописания (7 июня 1945 года)[342], что постепенно способствовало размыванию границ между отдельными говорами и диалектами[343], а так же окончательному оформлению македонского литературного языка[344].

Македонский язык имел принципиально важное значение для развития македонской национальной идентичности, способствуя модернизации традиционных сообществ. Для македонских националистов в СР Македонии дискурс языка нередко совпадал с дискурсом идентичности, конструируясь как сама идентичности, как определенных концепт инаковости, отличный от идентичностей соседних наций. Македонские националисты понимали это и, поэтому, усиленно и активно придавались лингвистическому воображению, отделяя и отдаляя македонский язык от сербского и болгарского, институционализируя тем самым македонскую идентичность.

---

[338] Там же. – С. 17.
[339] См. подробнее: Корубин Б. Јазикот на Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1956.
[340] Конески Б. Историја на македонскиот јазик. – С. 17.
[341] Там же. – С. 15.
[342] Видоески Б., Димитровски Т., Конески Б., Угринова-Скаловска Р. Правопис на македонскиот литературен јазик со правописен речник. – Скопје,1969; Конески Б., Тошев К. Македонски правопис со правописен речник / Б. Конески, К. Тошев. – Скопје, 1950.
[343] См. подробнее: Видоески Б. Северните македонски говори / Б. Видоески // Македонски јазик. – 1954. – Т. V. – № 1. – С. 1 – 30; Видоески Б. Основни дијалектни групи во Македонија // Македонски јазик. – 1960 – 1961. – Т. XI – XII. – № 1 – 2. – С. 13 – 31.
[344] За македонскиот јазик / ред. Т. Димитровски, Б. Конески, Т. Стаматовски. – Скопје, 1978.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Утверждение македонского языка, а так же развитие македонской литературы способствовали не только укреплению македонской идентичности, но и ее постепенной визуализации и аудизации, что было важнейшим аргументом для македонских националистов в их полемике с болгарскими авторами. В СР Македонии македонский язык стал не просто звучать как язык аграрной периферии или язык города. В СФРЮ македонский язык обрел политический статус, трансформируясь постепенно в политический язык македонского национализма.

В СР Македонии применение македонского языка не ограничивалось сферой управления, образования и культуры – язык стал важным политическим фактором, который делал существование македонской нации с ее уникальной идентичностью не просто реальным, но и легитимным. В Македонии македонский язык стал важным элементам в политике правящих элит, которые стремились выработать особую политическую идентичность, легитимность, идею гражданства, обеспечивая существование македонской нации в настоящем и, тем самым, гарантируя ее будущее.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК В ГРУЗИНСКОЙ ССР КАК МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В отношении республик советского Закавказья и Прибалтики, вероятно, наиболее важным фактором, который играл значительную роль при определении идентичности и отделении / отдалении местных интеллектуалов от русской интеллигенции был национальный язык[345]. Конституции союзных республик содержали отдельные статьи о национальных языках, но только Конституция Грузинской ССР декларировала статус грузинского языка как государственного на территории всей республики.

В советский период грузинская интеллигенция, в отличие от интеллигенций других республик, созданных по национальному признаку, не только усиленно и активно защищала статус и права грузинского языка, но и сохранила грузинскую графику в то время, когда некоторые другие нации пожертвовали сначала арабским письмом, а позднее и латиницей, замененной кириллицей.

Грузинский язык, который и в советский период применял свою оригинальную графику, был важным средством поддержания и культивирования национальной идентичности[346]. Язык и алфавит играли вместе с тем и роль национально консолидирующих факторов. Грузины, жители Грузинской ССР, которые владели грузинским языком, имели гораздо больше шансов быть воспринятым своими, чем выходцы из других республик, для которых основным языком общения нередко был русский. Это вовсе не означало того, что Грузия была закрыта для мигрантов из других союзных республик – советская миграционная политика, наоборот, способствовала некоторому притоку русскоязычного населения в национальные республики, что обличалось в идеи «дружбы народов» и «интернационализма».

С другой стороны, Грузинская ССР, например, в отличие от Украинской, Белорусской и Молдавской имела ярко выраженные национальные особенности, которые отличали ее от других союзных республик, проявляясь, в том числе, и в языке. Но подобно тому, как в прибалтийских республиках, обладавших значительной спецификой, русские до распада СССР не проявляли особой заинтересованности в изучении местных языков, в Грузинской ССР они в своем большинстве не декларировали никакой готовности изучать грузинский язык. Не исключено, что именно то, что отпугивало русских (грузинский алфавит, который радикально отличался для знакомой и понятной для русских

---

[345] О языковом факторе и лингвистическом воображении в развитии национализма и идентичностей см.: Хобсбом Е. Нации и национализъм от 1780 до днес: Програма, мит, реалност / прев. от англ. М. Пипева и Е. Георгиев. – София, 1996; Brennan G. Language and Nationality: the role of police toward Geltic language in the consolidation of Tudor Power / G. Brennan // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – No 3. – P. 317 – 338; Fishman J. Language and Nationalism / J. Fishman. – Rowley, 1973; Kamusella T. Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe / T. Kamusella // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – No 2. – P. 235 – 251.

[346] О национальном языке как важном элементе национального воображения и националистического инструментария см.: Haav K. What are the repercussions of using language as a political tool by nationalist elites? / K. Haav. – Budapest, 2006 (Master Thesis); Bourdieu P. Language and Symbolic Power / P. Bourdier. – Cambridge, 1991; Hroch M. The Social Interpretation of Linguistic Demands in European National Movements / M. Hroch. – Florence, 1994.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

кириллицы) было одним из условий национальной консолидации, что позволяло грузинским интеллектуалам осознавать свою уникальность и идентичность, противопоставляя себя другим национальным интеллигенциям.

Тем не менее перед грузинской интеллигенцией в Грузинской ССР, которая отличалась значительной степенью развития и проявления национальной идентичности, стояла задача приобщения к грузинской культуре периодически пребывающих в союзную республику негрузин. Значительная часть негрузин имела русское (или славянское) происхождение, позиционируя в качестве языка общения русский. Приобщение к грузинской культуре происходило, в первую очередь, через изучение грузинского языка в силу того, что для грузинской интеллигенции была характерна весьма устойчивая традиция соотносить идентичность именно с языком.

Задачу приобщения новых жителей Грузинской ССР к грузинскому языку были призваны решить не только доминирования надписей и вывесок на грузинском языке, численное преобладание грузин среди сотрудников советских предприятий и учреждений, но и учебники русского языка, которые делились на две категории. Первая категория представлена учебниками, по которым в школах Грузинской ССР учились дети, которые говорили на грузинском языке. В значительной степени эти учебники играли роль идентичную учебникам русского языка в большинстве школ РСФСР. Вторая категория была представлена учебниками, предназначенными специально для негрузин – лиц, которые не владели грузинским языком.

При написании этого раздела автор использовал учебник грузинского языка для негрузин, предназначенный для лиц владеющих русским языком. С другой стороны, принимая во внимание многонациональный характер СССР в целом и Грузинской ССР в частности, вероятно, применялись учебные издания, где русский язык не играл роли языка объяснения и описания особенностей и грамматических норм грузинского языка. В центре настоящего раздела – дискурсы политической идентичности и лояльности, представленные в одном из изданий, предназначенных для русских проживавших в Грузинской ССР. Автор остановится на втором издании «Учебника грузинского языка»[347] Давида Джавахии[348], изданном в середине 1960-х годов[349].

Учебник был призван не только научить грузинскому языку, содействуя некоторой позитивной языковой ассимиляции (в силу предполагаемой возможности, в случае успешного освоения материала учебника, использовать более сложную литературу исключительно на грузинском языке), но и сформировать особый тип политической лояльности и идентичности, интегрированный в советский дискурс.

Учебник 1965 года отличался значительным национальным сентиментом. В частности, открывался он разделом, посвященным грузинскому алфавиту, а особое внимание уделялось запоминанию произношения и написания

---

[347] ქართული ენის სახელმძღვანელო არაქართველთათვის [Kartuli enis sahelmdzgvanelo ara-kartveltatvis]

[348] დავით ჯავახია [Davit Dzhavahia]

[349] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. Краткий курс / Д.А. Джавахия. – Тбилиси, 1965.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

грузинских букв, что было сложно для русскоговорящих жителей Грузинской ССР, которые привыкли использовать кириллицу. Национальная ориентированность проявлялась и в названиях учебных разделов, русские варианты, которых неизбежно сопровождались грузинскими аналогами: например, «Грузинский алфавит» – «ქართული ანბანი»[350]; «Звуки и буквы» – «ბაერები და ასოები»[351]; «Грузинская рукопись» – «ქართული ხელნაწერი»[352]; «Гласные и согласные звуки» – «სმოვანი და თანსმოვანი ბგერები»[353] и т.д.

Вероятно, одной из важнейших задач учебника было и поддержание советской идентичности и политической лояльности. Именно поэтому в тексте учебника мы находим немало политической лексики и устойчивых выражений, которые играли роль политических лозунгов, призванных подчеркнуть лояльность и верность советскому строю и коммунистической партии. Среди подобный политических выражений – «გაუმარჯოს მშვიდობას»[354] («Да здравствует мир!»[355]), «ამხანაგებო, იბრძოლეთ მშვიდობისათვის»[356] («Товарищи, боритесь за мир!»[357]). Другие выражения, предлагаемые для заучивания, были призваны подчеркнуть преимущество советского строя, акцентируя внимание на благосостоянии советских граждан – «მე ვყიდულობ ძროხას, ხარს, ქათამს»[358] («Я покупаю корову, быка, курицу»[359]).

Советский политический язык имел значительный социально-экономический бэк-граунд. Поэтому, в советский период в языках народов СССР особую роль начинает играть лексика, связанная с самим экономическим функционированием Советского Союза. Эта лексика отличалась не только значительным разнообразием, но и политической маркированностью. С другой стороны, в учебниках грузинского языка середины 1960-х годов значительное внимание уделялось изучению лексики, связанной именно с трудовыми и производственными отношениями. Именно поэтому мы находим слова типа «ზეინკალი»[360] («слесарь»[361]), «ქარხანა»[362] («завод»[363]), «მკერავი»[364] («швея»[365])…

---

[350] ქართული ანბანი [kartuli anbani]
[351] ბაერები და ასოები [baerebi da asoebi]
[352] ქართული ხელნაწერი [kartuli helnatseri]
[353] ხმოვანი და თანხმოვანი ბგერები [hmovani da tanhmovani bgerebi]
[354] გაუმარჯოს მშვიდობას [gaumardzhos mshvidobas]
[355] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 21.
[356] ამხანაგებო, იბრძოლეთ მშვიდობისათვის [amhanagebo, ibrdzolet mshvidobisatvis]
[357] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 65.
[358] მე ვყიდულობ ძროხას, ხარს, ქათამს [me vkidulob dzrohas, hars, katams]
[359] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 23.
[360] ზეინკალი [zeinkali]
[361] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 24.
[362] ქარხანა [karhana]
[363] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 24.
[364] მკერავი [mkeravi]
[365] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 24.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Кроме этого изучающим грузинский язык предлагалось перевести с русского на грузинский идеологически верный текст, который выглядел следующим образом: «колхозники убирают урожай машинами. Машины облегчают тяжелый труд людей. Колхозники собирают богатый урожай. Богатеет и крепнет родная страна»[366]. Для перевода предлагались и тексты, которые, с одно стороны, были призваны подчеркнуть преимущества социализма, а, с другой, критиковали и обличали капитализм: «раньше крестьянин сеял и молол, а хлеб попадал к помещику на стол… советские люди орошают безводные степи»[367]. В значительной степени учебник отражает и ту лексику, которая возникла в Грузии в результате советизации и была призвана описывать особенности советского политического строя и общественной жизни. Это, например, относится к таким понятиям, которые устойчиво ассоциируются именно с советской эпохой, как «საბჭოთა კავშირი»[368] («Советский Союз»[369]), «მწერალთა კავშირი»[370] («Союз писателей»[371]), «პიონერთა ორგანიზაცია»[372] («пионерская организация»[373]), «კომკავშირის ორგანიზაცია»[374] («комсомольская организация»[375]), «მუშათა კლასი»[376] («рабочий класс»[377]).

Учебники национальных языков в СССР были одним из каналов пропаганды идей пролетарского интернационализма и дружбы народов. В этом контексте не является исключением и учебник грузинского языка 1965 года, содержащий текст «ჩვენი სამშობლო»[378] («Наша Родина»[379]), который, с одной стороны, декларировал, что «ჩვენ გვიყვარს ჩვენი სამშობლო»[380] («Мы любим нашу Родину»[381]), а, с другой, утверждал, что «ქართველები, რუსები, სომხები, აზერბაიჯანელები ძმურად ცხოვრობენ»[382] («Грузины, русские, армяне и азербайджанцы по-братски живут»[383]).

Одной из целей учебника было способствовать формированию особой политической идентичности и лояльности, что достигалось за счет создания позитивного имиджа СССР. В частности, этому должны были способствовать

---

[366] Там же. – С. 29.
[367] Там же. – С. 66.
[368] საბჭოთა კავშირი [sabchota kavshiri]
[369] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 28.
[370] მწერალთა კავშირი [mtseralta kavshiri]
[371] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 28.
[372] პიონერთა ორგანიზაცია [pionerta organizatsia]
[373] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С.28.
[374] კომკავშირის ორგანიზაცია [komkavshiris organizatsia]
[375] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 196.
[376] მუშათა კლასი [mushata klasi]
[377] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 28.
[378] ჩვენი სამშობლო [chveni samsholbo]
[379] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 28.
[380] ჩვენ გვიყვარს ჩვენი სამშობლო [chven gvikvars chveni samsholbo]
[381] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 28.
[382] ქართველები, რუსები, სომხები, აზერბაიჯანელები ძმურად ცხოვრობენ [kartvelebi, rusebi, somhebi, azerbaidzhanelebi dzmurad ts'hovroben]
[383] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 29.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

многочисленные выражения типа «სსრ კავშირის მოქალაქეებს აქვთ განათლების უფლება»[384] («Граждане СССР имеют право на образование»[385]), «სსრ კაშირში ყველგან შემოღებულია საყოველთაო სავალდებულია რვაწლიანი განათლება 7-დან 15 – 16 წლის ასაკამდე ბავშვებისა და მოზარდებისათვის»[386] («В СССР повсеместно введено всеобщее обязательное восьмилетнее образование для детей и подростков в возрасте от 7 до 15 – 16 лет»[387]).

Изучающим грузинский язык для перевода предлагались следующие фразы, которые имели ярко выраженный социальный и политический бэк-граунд. Речь идет о таких фразах как «Победа социалистической революции в Грузии положила начало новой эпохи в истории грузинского народа», «За период Советской власти Грузия достигла огромных успехов», «В социалистической Грузии созданы и получили большое развитие металлургическая, машиностроительная, горнорудная, электротехническая, химическая и другие отрасли промышленности», «Расцветает культура грузинского народа – национальная по форме, социалистическая по содержанию», «В дружной семье народов нашей страны, под руководством Коммунистической партии, грузинский народ борется за новые успехи в развернутом строительстве коммунистического общества»[388]…

Кроме формирования позитивного образа СССР значительное внимание в учебнике было уделено культивированию аттрактивного и положительного образа самой Грузии. В частности, изучающим грузинский язык в качестве примеров предлагалось запомнить следующее выражение: «საქართველო უძველესი მაღალი კულტურის ქვეყანაა, რომელიც თავისი არსებობის სამ ათასეულ წელზე მეტ ხანს ითვლის»[389] («Грузия – страна древней высокой культуры, насчитывающей более трех тысячелетий свого существования»[390]). Особое внимание было уделено формированию позитивного образа грузинского языка: «ქართულ ენაზე არის მდიდარი ძველე, ახალი და უახლესი ლიტერატურა»[391] («На грузинском языке имеется богатая, древняя, новая и новейшая литература»[392]), «ქართული ენა ერთ-ერთი უძველესი

---

[384] სსრ კავშირის მოქალაქეებს აქვთ განათლების უფლება [SSR kavshiris mokalakeebs akvt ganatlebis upleba]

[385] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 194.

[386] სსრ კავშირში ყველგან შემოღებულია საყოველთაო სავალდებულია რვაწლიანი განათლება 7-დან 15 – 16 წლის ასაკამდე ბავშვებისა და მოზარდებისათვის [SSR kavshirshi kvelgan shemohebulia sakoveltao savaldebulia rvatsliani ganatleba 7-dan 15 – 16 tslis asakamde bavshebisa da mozardebisatvis]

[387] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 194.

[388] Там же. – С. 206 – 207.

[389] საქართველო უძველესი მაღალი კულტურის ქვეყანაა, რომელიც თავისი არსებობის სამ ათასეულ წელზე მეტ ხანს ითვლის [sakartvelo udzvelesi magali kulturis kvekanaa, romelits tavisi arsebobis sam ataseul tselze met hans itvilis]

[390] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 205.

[391] ქართულ ენაზე არის მდიდარი ძველი, ახალი და უახლესი ლიტერატურა [kartul enaze aris mdidali dzveli, ahali da uahlesi literatura]

[392] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 205.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

დამწერლობის ენაა, მდიდრულად დოკუმენტირებული 15 საუკუნის მანძილზე»[393] («Грузинский язык – один из древнейших языков, богато документированный на протяжении 15 веков»)[394]…

Учебник грузинского языка 1965 года сопровождался словарем, в состав которого вошла лексика, возникшая или обретшая свое особое значение в советский период и, поэтому, отражавшая специфику советского общества. Это, например, относится к таким словам как «გეგმა»[395] («план»[396]), «გეგმიანი»[397] / «საგეგმო»[398] («плановое»[399]), «თვითკრიტიკა»[400] («самокритика»[401]), «მეთაური»[402] («передовая статья»[403]), «საბჭოთა»[404] («советский»[405]), «ყრილობა»[406] («съезд»[407])…

Языковый дискурс в Грузинской ССР был дискурсом не столько чисто языковым, лингвистическим, сколько политическим и социально маркированным. На протяжении существования Грузинской ССР язык в республике не только сохранял свой официальный государственный статус, но и подвергался сознательной политизации, что привело к политизации всей сферы использования и доминирования грузинского языка. В рамках языкового дискурса в целом возник своеобразный политический суб(под)дискурс, призванный описать политические и социальные явления, порожденные исключительно советской действительностью.

Этот дискурс развивался в условиях значительного влияния со стороны русского языка, который в СССР, вероятно, в наибольшей степени подвергся принудительной (и, поэтому, негативно на него повлиявшей) политизации. В тексте анализируемого учебника много национально и социально маркированных образов, некоторые из которых тесно переплетены и взаимосвязаны. В этой ситуации трудно прийти к однозначному выводу, формированию какой идентичности должен был способствовать учебник – национальной или политической.

Вероятно, именно первой в силу того, что был рассчитан на неносителей грузинского языка. Формированием второй занимались другие советские

---

[393] ქართული ენა ერთ-ერთი უძველესი დამწერლობის ენაა, მდიდრულად დოკუმენტირებული 15 საუკუნის მანძილზე [kartuli ena ert-erti udzvelesi damtserlobis enaa, mdidrulad dokumentirebuli saukunis mandzilze]

[394] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 205.

[395] გეგმა [gegma]

[396] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 214.

[397] გეგმიანი [gegmiani]

[398] საგეგმო [sagegmo]

[399] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 214, 235

[400] თვითკრიტიკა [tvitkritika]

[401] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 222.

[402] მეთაური [metauri]

[403] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 227.

[404] საბჭოთა [sabchota]

[405] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 235

[406] ყრილობა [kriloba]

[407] Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. – С. 243.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

политические и социальные институции. Контент этого учебника был призван содействовать успешной социализации негрузин в Грузинской ССР, готовить их к восприятию коммунистической идеологии и сформировать у них особую политическую идентичность и лояльность.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

МАКЕДОНСКИЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КОНЦА 1960-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В XX столетии, несмотря на политизацию масс, на национальные и политические революции, рост социальных движений, выражение и транслирование националистического нарратива оставалось привилегией носителей «высокой культуры». С другой стороны, «высокая культура» на протяжении XX столетия подверглась значительным изменениям. К середине века она радикально отличалась от высокой культуры предыдущих эпох. «Высокая культура» стала более массовой и серийной. Изменились каналы и способы приобщения к традициям «высокой культуры».

Носителями «высокой культурной» традиции оказались не аристократы, а интеллектуалы. Развитие высшего образования стало гарантией роста интеллектуального сообщества и постоянного воспроизводства численности носителей «высокой культуры». С другой стороны, как и ранее, «высокая культура» не утратила своих связей с националистическим политическим дискурсом. Носители «высокой культуры», интеллектуалы были не только основой гуманитарной интеллигенции, но и выразителями, сторонниками, а иногда и создателями национальной и / или националистической идеи. Ко второй половине XX века изменился и социальный облик восточноевропейского интеллектуала.

Эти социальные перемены достигли и Балканского региона, где в политику и культуру пришло новое поколение интеллектуалов, националистов и носителей «высокой культуры», которые до этого были или профессиональными революционерами, или партизанами, которые боролись против своих политических оппонентов вооруженными методами. Для Югославии, воссозданной после завершения второй мировой войны, подобная ситуация была характерна, вероятно, в наибольшей степени. Политическое руководство страны в период войны руководило партизанским движением. Не являлись исключением и национальные республики, которые вошли в состав новой Югославии. СР Македонию возглавили бывшие лидеры местного партизанского движения.

Примечательно то, что македонские националисты, которые со второй половины 1940-х годов контролировали и определяли политический и культурный дискурс, всего несколькими годами раннее в глазах правящих политических элит и интеллектуальных сообществ Югославии и Болгарии являлись маргиналами и террористами. После того, как вчерашние маргиналы и террористы взяли в Македонии власть они приложили немалые усилия к подчинению и унификации культурного и политического дискурса на началах македонского национализма втиснутого в югославский вариант социалистической идеологии. Ранняя послевоенная Югославия была авторитарным государством и, поэтому, в национальных республиках, которые входили в ее состав, возникли своеобразные местные и национальные варианты авторитаризма. СР Македония не являлась исключением.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Авторитаризм местных коммунистов был связан с македонским национализмом. Национализм в СР Македонии был важным фактором культурной и политической жизни республики. Несмотря на то, что правящие элиты декларировали свои верность левой политической идеологии, многие их действия были результатом их принадлежности, прежде всего, к националистическому, а не политически-идеологическому левому дискурсу. В центре настоящего раздела – проблемы функционирования националистического дискурса в работах Коле Чашуле – одного из лидеров македонской гуманистики конца 1960-х – середины 1980-х годов.

Коле Чашуле, будучи македонским националистом, не был склонен абсолютизировать и идеализировать пребывание СР Македонии в составе СФРЮ, подчеркивая и акцентируя внимание на том, что Социалистическая Республика Македония является «государством македонского народа»[408]. С другой стороны, по мнению К. Чашуле, для СР Македонии были характерны все атрибуты национального государства – не только наличие языка и культуры, но и «нашата национална и државна територија»[409], территориальное единство («Македонија е територијална, политичка и културна целина»[410]), что было особенно важно на фоне территориальных аспираций части болгарского интеллектуального сообщества, которая была склонна видеть в Македонии искусственно отторгнутые исторически и этнически болгарские территории.

Стремясь доказать, что СР Македония в составе СФРЮ является македонским национальным государством Коле Чашуле акцентировал внимание и на том, что Македония играет значительную роль в формировании югославской внешней политики[411]. Значительное внимание в своей публицистике Коле Чашуле уделял проблемам македонского языка и литературы, как одних из важнейших проявлений македонской национальной идентичности. Нарративы Коле Чашуле в целом интегрированы в идеологический политический дискурс. Именно поэтому значительное внимание он уделял критике капиталистического строя как не просто несправедливого социального порядка, но и как строя, при котором невозможно решение национального вопроса и, как результат, немыслимо равноправное существование наций и языков.

В одном из своих выступлений перед македонскими коммунистами в 1969 году Коле Чашуле настаивал на том, что национальные права македонцев в межвоенной Югославии не признавались не только в виду значительной роли сербского национализма, но и по причине того, что Югославия была капиталистическим государством. Развивая этот нарратив, К. Чашуле предполагал, что борьба македонцев «за истинную независимость, за полный суверенитет» являлась не просто национальным и освободительным движением,

---

[408] Чашуле К. Уште еднаш за Македонија (Говор на Пленум на ЦК) / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата / К. Чашуле. – Скопје, 1985. – С. 50.
[409] Чашуле К. Плебисцитите во Пиринска Македонија / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1969. – 14 февруари.
[410] Чашуле К. Уште еднаш за Македонија (Говор на Пленум на ЦК). – С. 52.
[411] Чашуле К. Говорот на V Конгрес на КПМ / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С. 90.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

а «борьбой за социализм»[412]. В этом контексте история Македонии, по мнению Коле Чашуле, не просто история борьбы за национальное освобождение, но и история классовой борьбы.

С другой стороны, Коле Чашуле был не склонен идеализировать социалистический вариант решения национального вопроса в виду того, что в СССР была создана модель «иерархии наций», которая искусственно навязывалась странам советского блока – в том числе, и Югославии, что могло сказаться на статусе Македонии. Примечательная и сама оценка македонским автором статуса РСФСР в составе СССР: признавая значительную роль самой крупной республики Советского Союза, он указывал и на отсутствие целого ряда принципиально важных национальных атрибутов, таких как собственная коммунистическая партия в то время, когда в других союзных республиках существовали свои партийные организации.

По мнению Коле Чашуле, СФРЮ смогла избежать подобных затруднений, добившись установления реального как национального, так и языкового равноправия[413]. Значительное внимание Коле Чашуле в своей публицистике уделял македонской истории. В рамках своих исторических интерпретаций Коле Чашуле указывал на то, что на протяжении истории территория Македонии разделялась Болгарией, Сербией и Грецией, которые игнорировали права македонцев на создание независимого и национального государства. Согласно концепции К. Чашуле, в период пребывания македонских территорий в составе других балканских стран македонцы подвергались принудительной ассимиляции и денационализации[414].

В данном контексте заметно сочетание мощного примордиалистского тренда (для Чашуле жители этих территорий были македонцами, несмотря на то, что македонская идентичность к тому времени не сформировалась) с попытками формирования образа чужого[415]. Чашуле, как македонский националист, внес свой вклад в развитие македонского исторического воображения, создав образ македонской истории как истории национальной революции: «македонская история в наименьшей степени является историей царей, королей, вельмож,

---

[412] Чашуле К. Балканската политика / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С. 88.

[413] Чашуле К. Равноправноста на јазиците? / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С. 25 – 43.

[414] Чашуле К. Уште еднаш за Македонија (Говор на Пленум на ЦК). – С. 51.

[415] О формировании нарративов, связанных с образом «чужого» в балканских национализмах см. подробнее: Ајдачић Д. Књижевно обликовање представа о противнику у бугарско-српским ратовима / Д. Ајдачић // http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/umetnost/knjizevnost/studije/dajdacic; Конева Р. Съседът между мира и войната. Българската литература за своя съсед в края на XIX – началото на XX в. / Р. Конева // Балкански идентичности. – София, 2001 – Т. 2. – С. 243 – 272; Кожухарова-Велкова С. Славянският съсед и гръцкият национален “образ аз” (1912-1941) / С. Кожухарова-Велкова. – София, 2002; Нягулов Б. Румънците и Румъния в българската книжнина / Б. Нягулов // http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=niagolov; Тодоров В. «Знам ги аз тях!». Сърбия и сърбите в българската литература / В. Тодоров. – София, 2000 (Варна, 2002). Стојанчевић В. Срби и Бугари: 1804-1878: чланци и расправе / В. Стојанчевић. – Нови Сад, 1995.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

династической борьбы, захватнических войн и походов против чужой свободы… это – история восстаний»[416].

Коле Чашуле акцентировал особое внимание на революционной истории македонцев, культивируя политический имидж Македонии как наиболее радикальной и последовательной революционной европейской нации[417]. С другой стороны, для Коле Чашуле македонская история – история национальной борьбы. В этом контексте македонская история (македонска историја) – «конкретное церковное, языковое, политические действие» (конкретна црквена, јазичка и политичка акција)[418]. Анализируя Илинденское восстание, которое, по мнение Коле Чашуле, было частью македонской национальной истории, македонский интеллектуал акцентировал внимание на том, что македонские революционеры пытались создать республику (Крушеская республика), основанную на социалистической идее[419].

В своих исторических рефлексиях Коле Чашуле уделял особое внимание Церкви[420]. Он полагал, что Церковь принадлежала к числу наиболее национальных институций в македонской истории, существование которой подтверждает континуитет македонского исторического процесса. Именно поэтому в прошлом исторические противники Македонии – Болгария, Сербия и Греция – в первую очередь стремились подчинить македонцев именно в религиозном плане. В этой ситуации, как полагал К. Чашуле, создание автокефальной Македонской Православной Церкви было шагом на пути к созданию «единого, свободного, суверенного, национального, государственного и церковного организма»[421].

Восприятие истории К. Чашуле было причиной для его полемики с болгарскими историками, которые были склонны позиционировать деятелей македонского движения в качестве героев исключительно болгарской истории. В частности среди таких фигур, за которые развернулось интеллектуальное противостояние македонских и болгарских интеллектуалов, был Гоце Делчев[422]. Для Коле Чашуле Гоце Делчев именно македонский политик, «македонски революционер» (македонский революционер)[423]. Мотивируя тем, что

---

[416] Чашуле К. Запис за двата Илиндена / К. Чашуле // Комунист (Скопје). – 1975. – 4 август.
[417] Чашуле К. Историја и политика / К. Чашуле // Комунист (Скопје). – 1968. – 2 август.
[418] Чашуле К. За «Македонското прашање» / К. Чашуле // Комунист (Скопје). – 1968. – 21 јуни.
[419] Комунист (Скопје). – 1975. – 4 август.
[420] Значительное внимание к церковным и религиозным вопросам – отличительная особенность развития национализмов на Балканах. См.: Унија. Политика Римокатоличке Цркве према православним словенима / приредио Зоран Милошевић. –Београд: Институт за политичке студије, 2005; Милошевић З. Чија је Босна? / З. Милошевић // Искушења православља у Босни и Херцеговини. – Брчко, 2002. – С. 91 – 108; Grjak Z. Politička djelatnost vrhbosansskog nadbiskupa Josipa Stadlera / Z. Grjak. – Zagreb, 2001; Krišto J. Prešučena povijest. Katolička Crkva i hrvatska politika, 1850-1918 / J. Krišto. – Zagreb, 1994; Krišto J. Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj / J. Krišto. – Zagreb, 2001; Krišto J. Hrvatski katolički pokret / J. Krišto. – Zagreb, 2004; Данопулос К. Односите меѓу црквата и државата, националниот идентитет и безбедноста во Грција по студената војна / К. Данопулос // New Balkan Politics. – 2002. – № 4 – 5.
[421] Чашуле К. Македонска црква / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1967. – 30 јули.
[422] Чашуле К. Мислата на Ѓорче / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1969. – јуни.
[423] Чашуле К. Чиј е Гоце Делчев / К. Чашуле // Политика. – 1967. – јануари 26.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«македонский народ не может относиться равнодушно к тому, как изучают его историю, борьбу его сынов за свободу, язык и литературу», К. Чашуле дискутировал с болгарскими историками, которые интегрировали деятельность Гоце Делчева исключительно в болгарский исторический контекст[424].

Кроме этого Коле Чашуле акцентировал внимание на непосредственной политической и генетической связи, «революционному македонскому континуитету» (революционерен македонски континуитет) между македонскими восстаниями начала XX века и участием македонцев в борьбе против фашизма во второй мировой войне[425]. В целом для восприятия истории Македонии для К. Чашуле был характерен примордиалистский тренд, а сама история интерпретировалась с националистических позиций в условиях напряженной полемики между македонскими историками и их болгарским коллегами, многие из которых отрицали сам факт существования особой македонской истории. С другой стороны, присущий для македонских националистических интерпретаций истории примордиализм смыкался с концептами политической лояльности и особой политической идентичности, которая имела левый бэкграунд.

По мнению Коле Чашуле наличие македонской литературы было одним из «наиболее действенных и сильных доказательств самобытности македонской нации», которая сталкивалась с критикой со стороны тех, кого К. Чашуле определял как «противници на македонската нација», явно имея в виду болгарских оппонентов. Чашуле решительно не принимал точку зрения болгарских авторов, которые, по его мнению, пытались доказать, что македонская нация «не является результатом македонских восстаний, героической борьбы, народноосвободительной войны, победы македонской и югославской революции, результатом боевого содружества македонцев с другими народами Югославии»[426].

Именно македонская литература, как полагал Коле Чашуле, полемизируя с болгарскими националистами, выражает два таких явления как «македонското национално битие» (македонское национальное бытие) и «македонскиот дух» (македонский дух). Чашуле указывал на то, что основной угрозой существования македонской нации являются «узконациональные интересы и аннексионистские аппетиты» Софии[427]. По мнению Чашуле, основным объектом критики со стороны болгарских националистов являлся македонский язык. Чашуле полагал, что болгарские националисты, несмотря на то, что в Болгарии по сравнению с межвоенным периодом радикально изменился политический режим, продолжают вести борьбу против «македонского национального духа»[428].

Попытку ассимиляции македонцев, по мнению Коле Чашуле, болгарские националисты предприняли в период второй мировой войны, оккупировав Македонию. По мнению К. Чашуле, болгарский генерал Иван Маринов на

---

[424] Разгледи. – 1967. – Бр. 7.
[425] Комунист (Скопје). – 1975. – 4 август.
[426] Чашуле К. Запис за нацијата, литературата и обврските / К. Чашуле // Македонија од распаѓата кон иднината. – Скопје, 1969. – С. 189.
[427] Чашуле К. Запис за нацијата, литературата и обврските. – С. 190 – 191.
[428] Там же. – С. 191.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

территории Македонии проводил политику террора против македонцев. Чашуле полагал, что преследования македонцев болгарский генерал сочетал с произнесением «трогательных од и тирад во славу Гитлера»[429]. Именно подобная политика правящих элит Болгарии в период второй мировой войны дала повод македонским интеллектуалам определить Болгарию как «активного гитлеровского жандарма на Балканах»[430].

Анализируя национальную политику Болгарии и межнациональные отношения в самой Болгарии, Коле Чашуле полагал, что внешняя политика и национальные отношения в СФРЮ в целом и в СР Македонии в частности базируются на совершенно иных ценностях, сложившихся в результате революции и утвердившей принципы равноправия как между государствами, так и нациями[431]. Полемизируя с болгарскими интеллектуалами, Коле Чашуле ставил под сомнение факт политической независимости Болгарии до конца второй мировой войны, полагая, что в болгарские элиты отличались прогерманской ориентацией и, поэтому, были не в состоянии проводить независимую внешнюю политику. Несмотря на политические перемены в Болгарии, македонский интеллектуал полагал, что в среде болгарской интеллигенции сохранились симпатии в отношении «великоболгарской идеологии»[432], а некоторые ее представители подвержены влиянию со стороны «великоболгарского национализма и истерии» (великобугарскиот шовинизам и хистерија)[433].

Помимо болгарского национализма в македонском националистическом дискурсе, представителем которого являлся Коле Чашуле, критике подвергался и греческий национализм[434]. По мнению македонских интеллектуалов, греческие власти преследовали македонское население в Греции, проводя политику постоянной деславянизации, направленной на эллинизацию македонцев[435]. Кроме этого македонские националисты культивировали нарратив и о том, что Греция стремится аннексировать территории СР Македонии, уничтожив тем самым и македонское государство, и македонскую нацию. Поэтому, в качестве

---

[429] Чашуле К. Херојот генерал Маринов и левосектантот Георги Димитров / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1969. – февруари 13.

[430] Чашуле К. Која ли гума ќе ја избрише окупацијата / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1969. – февруари 12.

[431] Чашуле К. Мостови на широка и најискрена балканска соработка / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1969. – 20 јули.

[432] Чашуле К. Говорот на V Конгрес на КПМ. – С. 93; Чашуле К. Добрососедство / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С. 96 – 108.

[433] Чашуле К. За што, всушност, се робити? / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С. 137.

[434] Об этом аспекте в истории македонского национализма см. подробнее разделы «“Греческие”: нарративы в македонском интеллектуальном дискурсе второй половины 1960-х годов» и «“Греческие” нарративы в македонском интеллектуальном дискурсе 1990-х годов: антигреческий национализм и национальные интерпретации античной истории» в настоящей монографии.

[435] О проблеме Эгейской Македонии в македонском националистическом дискурсе см.: Чашуле К. Дневнички запис / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С.164 – 185.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

одной из целей внешней политики Греции македонские националисты были склонны видеть «захват Македонии, захват части югославской территории»[436].

Основой македонского националистического дискурса в том виде в котором он представлен в текстах коле Чашуле было утверждение нарратива о существовании отдельной, уникальной македонской идентичности, которая в значительной степени отличалась от болгарской и сербской идентичностей. С другой стороны, националистический нарратив Коле Чашуле опирался на три доктрины – примордиализм, социализм и национальный революционаризм. Коле Чашуле, как и большинство националистов, был примордиалистом. Македонская нация и, как результат, македонская история для него были внеисторическими явлениями, изначально существующими феноменами. В этом контексте утверждение македонской идентичности базировалось на радикальном отделении от других идентичностных проектов, в первую очередь – болгарского.

Помимо примордиализма македонская идентичность в понимании Коле Чашуле была связана с социализмом, что совершенно естественно, если принять во внимание, что сама СР Македония была институционализирована в рамках авторитарного государства, выбравшего в качестве идеологической модели одну из редакций левой доктрины. Поэтому воспроизводство национальной идентичности было и воспроизводством политической лояльности – как македонской этнической, так и югославской политической. Политическая македонская идентичность была связана с революционаристской доктриной.

В этом контексте само создание СР Македонии позиционировалось как институционализация македонского политического протеста и националистического движения. Македонский национализм в такой ситуации развивался как гражданский с политическим бэк-граундом при условии значительной роли этнических трендов. Этнический компонент македонского националистического движения в СФРЮ сознательно подавлялся правящими элитами как Белграда, так и Скопье, которые достигли негласного компромисса.

Создание СР Македонии позиционировалось как наивысшее достижение македонской истории. Македония контролировалась политически, культурно и интеллектуально местными элитами. Белград старался не вмешиваться во внутренние дела республики в обмен на удержание националистического дискурса в рамках политических и культурных границ. Но это не спасло македонский националистический дискурс от радикализации, что имело место поле распада СФРЮ и появления на политической карте независимой Македонии.

[436] Чашуле К. Предизвикан запис / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. – С.109 – 114.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ГРУЗИНСКОЙ ССР 1920-Х ГОДОВ

В Грузинской ССР, которая представляла собой после смерти И.В. Сталина и до распада Советского Союза, авторитарный тип государственности в рамках советской модели федерализма культурная деятельность, интеллектуальный труд, принадлежность к творческим организациям, работа в высшей школе (особенно – преподавание на гуманитарных факультетах) было своеобразной формой политической оппозиционности и национального протеста. Именно гуманитарии составляли основу диссидентского движения, которое в Грузии, как и других этнически выделенных республиках, развивалось под национальными лозунгами.

Активизации грузинского национального движения способствовало несколько факторов, а именно – память о непродолжительном периоде независимого политического развития в начале 1920-х годов; сильная, организованная и национально ориентированная интеллигенция, которая занимала активную гражданскую позицию, противостоя попыткам русификации; непохожесть (в первую очередь – в языковой сфере) на русских, составлявших большинство населения Советского Союза, а так же и то, что значительная часть представителей правящей политической элиты, связанной с КП Грузии, сохранила грузинскую национальную идентичность[437].

Вероятно, именно грузинский язык и стремление не только к его сохранению, но и развитию составили идейную основу национального движения. Грузинская ССР была единственной союзной республикой в Союзе ССР, в Конституции которой был прописан государственный статус грузинского языка. С языковой идентичностью были связаны три направления исследовательской деятельности грузинских интеллектуалов-гуманитариев, которые существенным образом влияли на развитие, сохранение и укрепление идентичности. Этими направлениями были изучение грузинского языка, грузинской истории и грузинской литературы. Два вторых направления непосредственно были связаны с культивированием грузинского языка в силу того, что значительное число работ, посвященных этой проблематике, выходило именно на грузинском языке.

В грузинском интеллектуальном и культурном дискурсе советского периода установилась устойчивая связь между понятиями «грузинская литература» и «грузинский язык». Подобная лингвистическая и национальная окрашенность была характерна и для исторических исследований, но сама дихотомия «грузинская история» / «грузинский язык», вероятно, была менее очевидной и политизированной, рассматриваясь грузинскими интеллектуалами как естественное явление: история Грузии могла быть только грузинской и написанной на грузинском языке. В наибольшей степени национальные

[437] О феномене национального коммунизма см. подробнее: Gavrila B. The Political Discourse of National-Communism 1971-1979 / B. Gavrila. – Budapest, 2004 (Master Thesis); Comparing Communist Nations / ed. Chalmers Johnson. – Stanford, 1970; Verdery K. National Ideology Under Socialism – Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania / K. Verdery. – Berkeley, 1995.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

устремления грузинских интеллектуалов проявлялись в грузинском литературоведении.

История и теория грузинской литературе в грузинском интеллектуальном дискурсе советского периода были теми каналами, которые активно использовались грузинскими интеллектуалами дабы показать своим коллегам и своим соотечественникам, а так же русским коллегам (через русские переводы), что грузины является сложившейся и великой нацией в великой историей и культурой. За этим сигналом скрывались и другие «посылы», которые русские советские интеллектуалы, вероятно, понимали.

Они сводились к следующему: грузинская идентичность является самодостаточной и поэтому любые попытки ассимиляции не имеют смысла; грузинская культура в процессе своего развития испытала мощнейшее европейское влияние при сохранении национальной специфики; и, поэтому, негрузинам не следует заниматься изучением грузинской культуры с целью показать ее младший братский статус в семье советских национальных культур. С другой стороны, попытки изучения грузинской истории и литературы с научных позиций негрузинами в грузинском интеллектуальном дискурсе приветствовались. Но в целом грузинский интеллектуальный дискурс функционировал как гомогенный и грузинский, а грузинский европеизм / окцидентализм был одной из наиболее популярных форм подчеркивания своей, грузинской, идентичности.

Вероятно, наиболее грузинским, акцентирующим свою сопричастность с европейскими культурными традициями, грузинский интеллектуальный дискурс был в 1920-е годы. Период политической независимости Грузии оказался крайне непродолжительным, но его интеллектуальное значение было огромно. Грузия, в отличие от республик Балтии, уже в начале 1920-х годов была занята Красной Армией и инкорпорирована в состав СССР, будучи сначала частью ЗСФСР, а позднее – Грузинской ССР. Канадский украинский историк Зенон Когут полагает, что «благодаря суверенитету и независимости на первый план выходят новые исторические темы»[438]. Вероятно, потеря независимости и суверенитета так же в значительной степени стимулирует интеллектуальную рефлексию, делая популярными те проблемы, изучение которых может подчеркнуть оппозиционность режиму.

На данном этапе подобной проблемой был окцидентализм (позднее подобные тенденции были характерны и для упомянутых выше балтийских стран[439]), который набрал особую силу в грузинской публицистике, литературной критике, литературоведении. Ярким примером этой окцидентальной культурной традиции, сопричастности грузинских интеллектуалов с культурными ценностями Запада стало исследование грузинского поэта Иосифа

---

[438] Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 231.

[439] См. подробнее: Кирчанов М.В. Европейская идея в интеллектуальной истории стран Балтии и проблемы сохранения национальной идентичности в советский период / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2007. – Вып. 9. – С. 11 – 25.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Гришашвили (იოსებ გრიშაშვილი)[440] «Литературная богема старого Тбилиси»[441] (მველი თბილისის ლიტერატურული ბოჰემა), написанная в 1926 – 1927 годах и ставшая для последующих поколений грузинских интеллектуалов своеобразным участком социальной, культурной, исторической и национальной памяти. Появление подобной книги именно во второй половине 1920-х годов было связано не только с относительно свободным интеллектуальным климатом в советской Грузии, но и с тем, что в результате советизации в республике произошли радикальные перемены, связанные с функционированием традиционных форм и проявлений национальной идентичности[442], а так же с тем, что в среде грузинской национально ориентированной интеллигенции изменилось отношение в прошлому грузинской нации.

На протяжении длительного времени книга Иосифа Гришашвили (Мамулаишвили, 1889 – 1965) не переиздавалась на грузинском языке в силу идеологических и цензурных соображений, что автоматически делало невозможной ее перевод на русский язык. В Грузинской ССР грузинская версия книги стала библиографической редкостью. Перевод на русский и ряд переизданий на грузинском языке стали возможны только в период перестройки, совпавшей с национальной активизацией грузинской интеллигенции. Именно эта книга как участок памяти будет в центре авторского внимания в настоящем разделе.

Значительную роль в тексте «Литературной богемы» играют интеллектуальные оппозиции Ориент \ Окцидент и Европа \ Азия. Именно поэтому книга открывается притчей о мудрости грузин и коварстве их завоевателей. В данном случае – персидских мусульман[443]. По мнению грузинских интеллектуалов место Грузии было среди европейских западных народов. Поэтому, величайшая трагедия в грузинской истории – соседство с восточными народами и завоевание мусульманами – персами и турками. Эти вынужденные контакты с Востоком привели к не менее вынужденной ориентализации культурного и политического пространства в Грузии.

Текст «Литературной богемы» изобилует географическими описаниями, что имело символически важное значение, способствуя укреплению и развитию образа Грузии как национального воображаемого сообщества. Иосиф Гришашвили полагал, что в прошлом исторический ландшафт Грузии подвергся насилию со стороны соседей: исконно грузинские исторические и культурные

---

[440] იოსებ გრიშაშვილი [Iosif Grishashvili]

[441] მველი თბილისის ლიტერატურული ბოჰემა [Mveli tbilisis literaturuli bohema]

[442] В теоретическом плане об этом см.: Nora P. Das Abenteuer der “Les Lieux de Mémoire” / P. Nora // Nation und Emotion. Deutschland und Frankriech in Vergleich 19. und 20. Jahrhundert / eds. É. François, J. Vogel, H. Siegrist. – Göttingen, 1995. – S. 83 – 92. см. так же: Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? / Э. Франсуа // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 29 – 43; Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора. Чьи места? Чья память? / Т. Джадт // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 44 – 71; Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них / М. Лоскутова // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 72 – 84; Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен / И. Нарский // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 85 – 88.

[443] Гришашвили И. Литературная богема старого Тбилиси / И. Гришашвили / пер. с грузинского Н. Тархнишвили, ред. Г.Ш. Цицишвили. – Тбилиси, 1989. – С. 7 – 8.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

центры и города разрушались, а грузинские названия вытеснялись, заменяясь иноязычными. Это, по мнению И. Гришашвили, относилось в частности и к исторически важной грузинской крепости Кала, которая позднее называлась Нарикала: «Нарикала - название не древнее. Верно, дано оно в честь какого-нибудь иранского правителя или вельможи, одного из последних разорителей города»[444].

Кала – крепость важная для грузинской интеллигенции в символическом плане в силу того, что позднее именно Кала стала одной из частей будущей национальной столицы – Тбилиси. Тбилиси, определяемый автором как «колыбель поэзии, беспечная богема, трепетное сердце Грузии»[445], не просто национальный образ и символ для грузинских интеллектуалов того времени. Город символизировал и олицетворял различные пласты и срезы национальной идентичности.

Один из этих идентичностных дискурсов – религиозный. Иосиф Гришашвили способствовал развитию связи между христианской идентичностью грузин и Тбилиси как местом памяти, олицетворяющим эту идентичность: «…были здесь церкви великие, ныне они разрушены… есть в Кала церковь великая и прекрасная… где пребывает католикос. Есть Анчисхати, большая патриаршая… в Исни на вершине скалы церковь Метехи с куполом прекрасной постройки… южнее моста – могила святого Або, который принял смерть за веру. В Кале есть церковь римская и монахи-католики…»[446].

Примечательно то, что религиозная идентичность предстает как фрагментированная, сочетающая элементы православия и западного католицизма. Вероятно, это свидетельствует о попытках окцидентализации грузинского интеллектуального пространства усилиями грузинской интеллигенции, стремившейся вписать культурную историю Грузии в европейский контекст. С другой стороны, Иосиф Гришашвили констатировал, что для старого Тбилиси был характерен синтез элементов Востока и Запада: «…на Майдане представлен весь город: персиянин с воловьими глазами, в рыжеватой бараньей шапке, с красной от хны бородой и с крашенными ногтями, в широком атласном кафтане. Армянин в чохе и московском картузе, угрюмый лезгин и грузин в шапке…»[447].

В этой ситуации наиболее европейскими образами были, вероятно, грузинские и в меньшей степени образы армянские, что свидетельствовало о стремлении грузинских интеллектуалов вписать историю кавказских христиан (грузин и армян) в европейский контекст. Относительно восточности Иосиф Гришашвили полагал, что грузинский культурный контекст впитал в себя некоторые элементы восточных культур и традиций: «…величествен Восток. Жгуч и протяжен его знойный полдень… а ведь Грузия – часть Востока! Восток – колыбель наша. Драгоценна Европа, но мы не можем уступить ей Востока… Грузия – часть Востока…»[448]. В этом контексте показательно то, что ориенталистские мотивы представлены на фоне окцидентальной рефлексии.

---

[444] Гришашвили И. Литературная богема старого Тбилиси. – С. 9.
[445] Там же. – С. 103.
[446] Там же. – С. 10.
[447] Там же. – С. 12.
[448] Там же. – С. 48.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Не исключено, что именно окцидентальные нарративы и европеизм формировали «интеллектуальное пространство»[449] советской Грузии во второй половине 1920-х годов. С другой стороны, становится очевидной и особая историческая миссия Грузии: донести до европейского Запада некоторые восточные традиции, которые могут быть интегрированы в окцидентальный культурный канон.

Принадлежность Грузии к Востоку для И. Гришашвили не была причастностью к варварству и отсталости. Восток грузинскими интеллектуалами того времени прочитывался и осознавался как колыбель культуры и в этом отношении интеллектуальная рефлексия над восточными корнями (Грузия исторически формировалась и развивалась как западная европейская в культурном, религиозном и историческом смыслах, но является при этом причастной к древней восточной истории) грузинской культуры была, вероятно, проявлением европейского политического национализма грузинской интеллигенции.

Позднее этот «большой» европейский нарратив[450] был одним из доминирующих в грузинской интеллектуальной традиции, значительно потеснив ориентальные мотивы. Подобная ситуация, вероятно, свидетельствует о справедливости предположения Л. Хэйна и М. Сэкдэна[451], предположивших, что национальные нарративы представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и реинтерпретации. Для Гришашвили грузинская культура развивалась как европейская – именно отсюда проистекают многочисленные сравнения европейской (к которой он относили и русскую классическую литературу) и грузинской культур.

В частности, подчеркивая принадлежность грузинской литературной традиции к Европе, Иосиф Гришашвили давал весьма емкие определения: «…Бараташвили[452] – поэт-пессимист, грузинский Байрон, Церетели[453] – поэт-оптимист, грузинский Пушкин. Не больше, не меньше…»[454]. Иосиф Гришашвили полагал, что принудительная ориентализация в прошлом, господство мусульман не смогли изменить европейского характера грузин. Поэтому, процесс европеизации, приобщения к европейским ценностям («Тифлис и в самом деле становится европейским городом, однако далеко не бурно и не сразу»[455]) в Тбилиси казался для грузинского интеллектуала совершенно естественным. Гришашвили полагал, что проявлением принадлежности грузин к

---

[449] О термине см.: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 222.

[450] Нарративные источники имеют принципиально важное значение для изучения функционирования и трансформации националистического дискурса. О нарративе в контексте национализма см.: Nation and Narration / ed. Homi K. Bhabha. – NY., 1990.

[451] Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

[452] ბარატაშვილი [Baratashvili]

[453] წერეთელი [Tsereteli]

[454] Гришашвили И. Литературная богема старого Тбилиси. – С. 49.

[455] Там же. – С. 19.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

европейскому культурному дискурсы была традиция проведения «каэноба» (კაენობა)[456] – аналога европейских городских карнавалов[457].

Тбилиси, по мнению Иосифа Гришашвили, постепенно становился более грузинским в демографическом плане, что в итоге позволило городу стать культурной столицей Грузии: «…душа у города единою стала, говорил он на едином своем городском языке… речь эта звучала истинно по-грузински… многие века Тбилиси оттачивал слова-алмазы чужого языка… они поддались, вписались в грузинскую речь…»[458]. Большинство жителей Тбилиси для грузинских интеллектуалов 1920-х годов в период грузинизации – примордиально и исторически грузины. Иосиф Гришашвили не был исключением: «не следует забывать, что в большинстве тбилисцы грузины своим языком, духом, сердцем и традициями»[459].

На смену городу, где жили турки, иранцы, армяне пришел грузинский Тбилиси – центр не только грузинской культуры, но и грузинского национального движения. Этот процесс сопровождался и изменениями в культурном дискурсе Грузии – на смену доминированию «высокой культуры» приходила культура различных социальных слоев, которые в процесс социальных и культурных трансформаций образовали грузинскую нацию. Этот процесс постепенного размывания «высокой культуры» отразился и на отношении к книгам.

Иосиф Гришашвили полагал, что в средневековой и ранней модерной Грузии книга ассоциировалась почти исключительно с «высокой культурой», связанной с политическими элитами: «…от отца к сыну, от поколения к поколению переходили драгоценные рукописи. Похвалялись своими библиотеками цари и вельможи, платили переписчикам огромные деньги…»[460]. Постепенно ситуация изменилась, а сама книга из предмета роскоши, который подчеркивал принадлежность владельца к высокому культурному дискурса, стала продукцией массовой и, поэтому, доступной широким слоям грузинского населения, по крайней мере – той его части, которая умела читать: «…в семидесятых годах прошлого века книга подешевела. Появились первые издатели, первые массовые издания: романы, рассказы, сборники стихотворений. Десятками тысяч экземпляров они выходили в народе, выдерживая по четыре, пять изданий…»[461]. Именно эти социальные трансформации, связанные с развитием националистического дискурса и трансформацией социальных традиций и коммуникаций[462], потреблением литературы и печатной продукции, привели к существенным культурным изменениям, что вылилось в консолидацию разрозненных сообществ, которые объединились вокруг новой грузинской (модерной) идентичности.

---

[456] კაენობა [kaenoba]
[457] Гришашвили И. Литературная богема старого Тбилиси. – С. 19.
[458] Там же. – С. 11.
[459] Там же. – С. 14.
[460] Там же. – С. 63.
[461] Там же. – С. 63.
[462] Об этом см. подробнее в теоретическом плане: Гелнър Ъ. Нации и национализъм / Ъ. Гелнър / прев. Ив. Ватова и Алб. Знеполска. – София, 1999; Гелнър Ъ. Срещи с национализма / Ъ. Гелнър / прев. Ивелина Ватова. – София, 2002; Гелнер Ъ. Условията на свободата: Гражданското общество и неговите съперници / Ъ. Гелнър / прев. от англ. Л. Шведова. – София, 1996.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Текст «Литературной богемы старого Тбилиси», написанный в 1926 – 1927 годах, стал своеобразным местом памяти для грузинских интеллектуалов, отразив, с одной стороны, идейные искания грузинской интеллигенции в ранней советской Грузии, где еще была жива память о коротком периоде независимости и, с другой, показав, что интеллектуальный дискурс во второй половине 1920-х годов в Грузинской ССР развивался и функционировал в условиях относительной свободы. Вероятно, десятью годами спустя появление подобной книги было бы уже просто невозможно.

Во второй половине 1920-х годов грузинские интеллектуалы наслаждались последними годами творческой свободы, которые протекали в атмосфере дискуссий. Культурный дискурс Грузии отличался значительной для того времени фрагментированностью и разнообразием. Грузинские интеллектуалы, с одной стороны, были вынуждены принять советскую власть, участвуя в построении советского варианта советской государственности. С другой стороны, в обмен на политическую лояльность грузинской интеллигенции было позволено дискутировать относительно модернизма и футуризма, реализма и социалистического реализма, возможных путях развития грузинской культуры, которая год от года подвергалась все большей советизации.

Эти дискуссии развивались на фоне интеллектуальной неопределенности, несделанного интеллектуального выбора между Западом / Окцидентом и Востоком / Ориентом. Вероятно, значительная часть грузинской интеллигенции была склонна позиционировать себя в качестве европейских интеллектуалов. Не исключено, что в 1920-е годы к ним примыкал и Иосиф Гришашвили. Но в Советском Союзе было весьма проблематично быть европейским интеллектуалом и одновременно советским интеллигентом. В 1930-е годы грузинских интеллектуалов вынудили сделать выбор, принудительно интегрировав в советскую интеллигенцию.

В новой культурной обстановке, в интеллектуальном климате советского тоталитарного (до середины 1950-х годов) государства книги подобные «Литературной богеме старого Тбилиси» были частью репрессированной памяти грузинской национально ориентированной интеллигенции. И позднее, на протяжении 1960 – 1970-х годов тексты подобные публицистике Иосифа Гришашвили составляли важный элемент функционирования оппозиционного национального (националистического) дискурса в Грузинской ССР.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ГРУЗИЯ – ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В процессе развития, сохранения и поддержания идентичности того или иного сообщества значительную роль играет национальная память и связанные с ней типы наррации – историческая и мемуарная. Историческая литература и научные исторические исследования принадлежат к числу одних из наиболее важных каналов поддержки и транслирования идентичности. Историческое знание в современных обществах подвергнуто институционализации, играя консолидирующую роль в развитии идентичности, формируя и предлагая национальную память того или иного сообщества, представленную в виде академических и / или популярных нарративов. Другой тип наррации – мемуарный – в большей степени свободен от внешних формул написания и преподнесения текста.

Вместе с тем, мемуарная наррация обладает не меньшим национально консолидирующим потенциалом, чем научное академически оформленное историческое знание. Историческая научная и историческая мемуарная наррация являются в такой ситуации различными дискурсами национальной исторической памяти. Именно историческая память формирует сообщество, являясь одной из гарантий его воспроизводства. Проблемы исторической памяти[463] имеют принципиально важное значение для изучения национализма. Под исторической памятью, вероятно, следует понимать «аутентичное переживание исторического опыта, в котором рассказывается правда и который приближен к реальности человеческого бытия»[464].

Отражение различных дискурсов памяти в разного рода нарративных источниках и культурных практиках – важный источник для изучения любого национализма, в том числе – и грузинского. С другой стороны, историческая память, как и память социальная, подвержена различным внешним влияниям и трансформациям. Память связана и с тем типом политического режима, в условиях которого функционирует то или иное национальное сообщество. Специфическим трансформациям память подвергается в рамках авторитарного и / или тоталитарного общества.

В подобном обществе историческая память представляет собой особый дискурс гуманитарного опыта и / или знания, который вовсе не идентичен академически институцонализированной исторической науке. В авторитарном / тоталитарном обществе историческая наука, подчиненная нуждам и требованиям идеологического государства, пребывает в состоянии подозрительности в отношении исторической и национальной памяти в силу того, что та может не вписываться в официальный идеологический дискурс.

---

[463] О феномене исторической памяти см.: Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? / Э. Франсуа // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 29 – 43; Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора. Чьи места? Чья память? / Т. Джадт // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 44 – 71; Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них / М. Лоскутова // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 72 – 84; Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен / И. Нарский // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 85 – 88.

[464] Есть ли у империи «память»? Приглашение в дискуссии // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – С. 13.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Комментируя подобную ситуацию, Пьер Нора полагает, что «история неизменно подозрительна к памяти и ее подлинной миссией является подавление и уничтожение ее»[465].

Тоталитаризм / авторитаризм существенно влияет на историческую память, подвергая ее преследованиям и периодической цензуре с целью культивирования особого типа политической идентичности и связанной с ней лояльности. В этой ситуации формируются новые типы памяти – память репрессированная и память преследуемая, которая составляют особые дискурсы идентичности – неофициальной и / или оппозиционной. На протяжении XX столетия несколько крупных европейских наций, в том числе – и грузинская, испытали подобные политические и социальные метаморфозы со своей национальной памятью. Несколько событий определили развитие и функционирование грузинской национальной памяти в XX веке, которая, вероятно, стала «результатом конструирования и перманентной интерпретации образа прошлого»[466].

Следует отметить, что этим событиям предшествовало грузинское национальное движение, которое сформировало особый, окцидентально ориентированный, идентичностный дискурс среди носителей «высокой культуры». Непосредственное влияние на функционирование исторической памяти грузинской политической нации оказало несколько событий, а именно – революция 1917 года и связанный с ней непродолжительный период независимого политического развития; советизация и последовавшие за ней политические репрессии 1930-х годов; осуждение культа личности и активизация национального движения, которое столкнулось с советской политической машиной, урон от которой несравним с довоенными репрессиями, но оказался весьма значительным; национальное возрождение во второй половине 1980-х и восстановление политической независимости в начале 1990-х годов; политическая катастрофа начала 1990-х, связанная с сепаратизмом Южной Осетии и Абхазии, направленным против доминирования грузинской политической нации и связанная с ним национальная катастрофа, приведшая к политическому и экономическому кризису, а так же внешнеполитическому лавированию между Западом, к которому грузинские интеллектуалы традиционно питали симпатии, и Россией с растущими (нео)имперскими амбициями, направленными на недопущение подлинно независимого развития постсоветских республик.

Значительная часть этих событий (вероятно, за исключением связанных с распадом СССР и постсоветским развитием Грузии) нашло свое отражение в мемуарах значительной части грузинских интеллектуалов XX века, среди которых был и Иракли Абашидзе (ირაკლი აბაშიძე[467], 1909 - 1992), родившийся в Российской Империи, живший в независимой Республики, ставший признанным писателем в Грузинской ССР и умерший во вновь независимой и свободной Грузии. Именно воспоминания Иракли Абашидзе доступные в

[465] См. подробнее: Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire / P. Nora // Representations. – 1989. – No 26. – P. 9.

[466] Есть ли у империи «память»? Приглашение в дискуссии. – С. 14.

[467] ირაკლი აბაშიძე [Irakli Abashidze]

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

русском переводе как «Колокол из тридцатых годов. Исповедь сына века» в контексте развития и трансформации грузинской национальной памяти будут в центре настоящего раздела.

Вероятно, одной из целей написания воспоминаний было если не формирование, то поддержание пантеона лидеров нации – ведущих деятелей грузинской культуры, литературы и искусства в XX веке, которые формировали сложную, многоуровневую и противоречивую грузинскую идентичность того времени. В этом стремлении был и мощный политический, антитоталитарный, подтекст: многие деятели грузинской культуры в XX веке погибли в период репрессий 1930-х годов, определяемых Иракли Абашидзе как «великая трагедия»[468], или подвергались позднее политическим преследованиям. Пик репрессий в Грузии, как и в СССР в целом, пришелся на 1937 год, который Иракли Абашидзе в грузинской культурной истории определили как «черный год, подорвавший идею социализма у нас и во всем мире… погребальный звон по идее социализма»[469].

Значительную роль в функционировании грузинской исторической памяти в XX столетии играл комплекс воспоминаний, связанных с событиями 1920-х годов, последовавших после советской аннексии Грузии и ее включения в состав СССР. Комментируя эту эпоху Иракли Абашидзе писал, что «…после бурных 1920-х годов стрелка барометра, казалось бы, предвещает Грузии ясную погоду. Позади остался период советизации. Позади осталось трагическое лето 1924 года, позади страшный для многих грузинских семей лозунг: “Сведем к нулю численность грузинской знати”…»[470]. Для будущего грузинского классика реализация подобного лозунга могла закончится трагически: своего происхождения он не скрывал, а в воспоминаниях констатировал, что «…в Имеретии[471], в оскудевшей дворянской среде, закончилась моя юность…»[472].

Грузия была интегрирована в Советский Союз принудительно, а многие проблемы, которые и до этого существовали в республике остались нерешенными, что, в первую очередь, по мнению Иракли Абашидзе, относилось к национальным проблемам. Иракли Абашидзе полагал, что несмотря на все официальные декларации и широко культивируемую в СССР в целом и в союзных республиках в частности, идею «дружбы народов», национальные проблемы в Грузинской ССР оставались напряженными. Именно поэтому распад Советского Союза, по словам И. Абашидзе, обернулся для Грузии «локальными войнами»[473].

Но среди мемуарных нарративов И. Абашидзе постсоветские мотивы крайне редки. Основное внимание им сосредоточено на 1920 – 1930-х годах. Период 1920-х годов был для грузинской интеллигенции (которая, по словам

---

[468] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. Исповедь сына века / И. Абашидзе // Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. Воспоминания. Стихотворения / И. Абашидзе / пер. с грузинского Э. Джалиашвили. – СПб., 2005. – С. 17.
[469] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 120.
[470] Там же. – С. 17.
[471] იმერეთი [Imereti]
[472] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 18.
[473] Там же. – С. 118.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Иракли Абашидзе, находилась в оппозиции советской власти[474]) временем относительно свободы, дискуссий и творческих поисков («…пока еще фактически не ограничена свобода слова, на проспекте Руставели эпатируют публику футуристы… грузинские символисты клянутся в дружбе Сергею Есенину, в кинотеатрах с аншлагом идут грузинские фильмы…»[475]), которым через несколько лет принудительно будет положен конец, а участие в этой свободной и неподконтрольной властям литературной жизни станет поводом для политического преследования.

Иракли Абашидзе полагал, что в период 1920-х годов грузинская культура, в первую очередь – литература, развивалась в рамках европейского культурного контекста, и именно «под влиянием мирового модернизма и авангардизма новая грузинская литература и искусство борются за право на существование»[476]. Именно в подобной атмосфере относительной свободы заканчивал школу Иракли Абашидзе, в воспоминаниях которого отражены те трансформации, которые претерпела тогда грузинская интеллигенция, насильственно подвергнутая политической советизации, принудительно интегрированная в советский культурный и интеллектуальный канон. Сотрудничество грузинских интеллигентов с советским режимом для многих обернулось репрессиями со стороны советской власти.

Начало репрессий Иракли Абашидзе связывал со спецификой развития российской политической культуры. Он, подобно другим грузинским европейски ориентированным интеллектуалам того времени, полагал, что «Россия к демократии не готова… она готова принять любую диктатуру, будь то Иван Грозный или Петр Великий – Россия Романовых всегда была и будет готова к диктатуре»[477]. Политические репрессии сопровождались и значительными социальными изменениями, порожденными принудительной коллективизацией. С одной стороны, были подорваны основы и устои традиционного общества[478] («…начался и в годы коллективизации завершился распад традиционной семьи в больших городах и в провинции…»[479]); с другой, изменилась демографическая ситуация в Тбилиси, куда устремились грузины, спасавшиеся от коллективизации («…из Кутаиси, Батуми, Чиатур, из других маленьких городков в Тбилиси массово устремилась интеллигенция, численность которой росла год от года… резко увеличилось грузинское население Тбилиси, в городе чаще стала звучать грузинская речь…»[480]).

Иракли Абашидзе крайне негативно оценивал процесс коллективизации, видя в нем сознательную попытку советской власти уничтожить индивидуалистские тренды в грузинской идентичности («…коллективизация… была по

---

[474] Там же. – С. 19.
[475] Там же. – С. 18 – 19.
[476] Там же. – С. 19.
[477] Там же. – С. 36.
[478] О традициях и идентичностях в теоретическом плане см.: Бърк П. Народната култура в зората на модерна Европа / П. Бърк. – София, 1997. О трансформации традиций и идентичностей см.: Дичев И. От принадлежност към идентичност. Политика на образа / И. Дичев. – София, 2002.
[479] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 20.
[480] Там же. – С. 20.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

сути попыткой государства упразднить личность, попыткой превращения человека в члена коллектива. Скрытая сущность происходящего была очевидна многим…»[481]), перестроив ее на новых тоталитарных началах, полностью интегрировать в советский официальный канон, лишив уникальности и национальной неповторимости. Анализируя аграрную историю Грузии в XX веке, Иракли Абашидзе сравнивал ее с аналогичными процессами в Европе, стремясь подчеркнуть, что, будучи в культурном и хозяйственном отношении более близкой к Западу, Грузия была страной мелких собственников[482], то есть той страной, где коллективизация была ошибочной.

Процесс трансформации Тбилиси в грузинский город был порожден той тоталитарной моделью модернизации в форме индустриализации, на которую опирался советский режим в 1930-е годы: «…со всех уголков Грузии в Тбилиси устремились люди, поднятые коллективизацией – новым заводам и фабрикам требовались рабочие руки… город, пятнадцать веков бывший торговым центром Среднего Востока, город с по-восточному пестрым населением теперь заговорил по-грузински…»[483]. Анализируя культурную жизнь этого нового Тбилиси, Иракли Абашидзе констатировал, что западный мир был основным центром притяжения для грузинской интеллигенции («…мы рвали друг у друга из рук книги “На западном фронте без перемен” Ремарка, “Прощай, оружие” Хемингуэя, “Большое стадо” Жионо, “Путешествие на край ночи” Селина, “Огонь” Барбюса…»[484]), которая с интересом принимала новую европейскую и американскую прозу, активно переводя ее на грузинский язык.

Одним из наиболее активных проводников и популяризаторов европейской культуры в Грузии был старший современник Иракли Абашидзе – Паоло Яшвили[485]. Характеризуя его вклад в развитие грузинской культуры, И. Абашидзе указывал, что Паоло Яшвили «в молодости жил в Париже, учился в Институте искусств при Лувре. Из Европы он вернулся обогащенным новыми приемами художественной выразительности и привнес в грузинскую поэзию свежее поэтическое слово»[486]. Проявлением культурного окцидентализма в межвоенной Грузии был интерес интеллигенции к творчеству Фридриха Ницше, которое грузины, получившие образование в Европе, «открыли» для себя самостоятельно, без посредничества русской интеллигенции, что было характерно для других западных учений[487].

Воспоминания Иракли Абашидзе демонстрируют дискурс репрессированной и преследуемой памяти. Среди героев книги – деятели грузинской литературы и науки, ставшие жертвами политических репрессий. Среди них – «видный ученый, литературовед и социолог» Симон Хундадзе[488]. Хундадзе в молодые годы был федералистом, с установлением в Грузии советской власти

---

[481] Там же. – С. 28.
[482] Там же. – С. 30.
[483] Там же. – С. 22.
[484] Там же. – С. 27.
[485] პაოლო იაშვილი [Paolo Iashvili]
[486] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 53.
[487] Там же. – С. 82 – 83.
[488] სიმონ ხუნდაძე [Simon Hundadze]

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

сотрудничал с ней, закончил в Москве Коммунистическую Академию. В Грузии он активно занимался литературными исследованиями. В 1930-е годы, по воспоминаниям Иракли Абашидзе, против профессора Хундадзе началась травля: «…травили везде – в Тбилисском университете, где в ту пору была развернута широкая кампания против “старой профессуры”, в Союзе писателей. В газетах и журналах публиковались статьи, разоблачающие “ошибки” ученого. Хундадзе лишился возможности работать… в 1933 году его не стало… ему было всего тридцать шесть лет…»[489]. Среди пострадавших был и крупный исследователь грузинской литературы Иванэ Джавахишвили[490], обвиненный в «проведении исследований с идеалистических позиций»[491]. Подвергался гонениям и философ Шалва Нуцубидзе[492], которого в период гонений вынудили оставить занятия философией, переключившись на изучение истории литературы[493].

С другой стороны, будучи не просто западными интеллектуалами, но и советскими интеллигентами грузинские писатели были вынуждены в своих произведениях отражать процесс строительства новой, социалистической, действительности. Поэтому, Иракли Абашидзе с горечью констатировал, что «грузинские писатели, к сожалению, поддержали коренную перемену в сельском хозяйстве»[494]. Это стало результатом того, что после непродолжительного периода относительной свободы грузинская интеллигенция была интегрирована в советский канон, чему предшествовали «…бои в университетских стенах и в Союзе писателей…», что вылилось в «борьбу против буржуазной литературы»[495], в рамках которой за пределы дискурса вытеснялось все, что не вписывалось в советский контекст. Этот процесс Иракли Абашидзе определил как «политизацию литературы»[496].

Позднее, в 1950 – 1980-е годы, национальная оппозиционность грузинских интеллектуалов, не согласных с необходимостью описывать свершения социалистического строительства, вынуждала их заниматься отдаленной историей Грузии и изучением грузинской литературы. Иракли Абашидзе определил такую стратегию национального выживания грузинской интеллигенции как «путь “по следам Руставели”»[497]. Именно используя эту тактику, грузинская интеллигенция смогла добиться организации научной экспедиции в Палестину, проведение празднования 800-летия Руставели, издание многотомной грузинской энциклопедии[498].

С другой стороны, используя ограниченные уступки грузинской интеллигенции и мероприятия, связанные, например, с юбилеем Руставели, к которому приурочили «множество статей об истории Грузии, о духовной культуре

---

[489] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 110 – 111.
[490] ივანე ჯავახიშვილი [Ivane Dzhavahishvili]
[491] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 111 – 112.
[492] შალვა ნუცუბიძე [Shalva Nutsubidze]
[493] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 113.
[494] Там же. – С. 31.
[495] Там же. – С. 34.
[496] Там же. – С. 59.
[497] Там же. – С. 44.
[498] Там же. – С. 45.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

грузинского народа, об архитектуре, искусстве, языке, фольклоре, древней музыке»[499], Сталин, по инициативе которого была существенно (с национальных, но социально маркированных, позиций) переписана история Грузии (что, например, отразилось в докладе 1934 года председателя Союза писателей Грузии М. Торошелидзе[500], который отказался от написания истории грузинской литературы, начиная с XIX века в пользу более древних корней литературы в V столетии[501]), смог успешно интегрировать грузинских интеллектуалов в официальный советский канон.

Мемуарный нарратив Ираклии Абашидзе представляет собой уникальную рефлексию грузинского интеллектуала относительно событий в Грузии между двумя мировыми войнами. Тот дискурс грузинской национальной памяти, который мы наблюдаем в тексте воспоминания Ираклии Абашидзе, связан с тем особым типом грузинской этнической идентичности и политической лояльности, который развивался в рамках Грузинской ССР 1920 – 1930-х годов. В интеллектуальном климате Грузинской ССР национальная память выступала в качестве мощного национального консолидирующего фактора.

С другой стороны, эта память в значительной степени была фрагментированной, распадаясь на памяти разных поколений грузинской интеллигенции. За старшим поколением грузинских писателей, которые вступили в литературу в период существования Империи стола не просто своя идентичность, которая, вне сомнения, была грузинской, но и свой политический опыт и, как результат, своя уникальная историческая память. Новое, молодое поколение грузинских интеллектуалов, подобно поколению старшему, так же не было чуждо грузинского политического национализма, но этот национализм был уже вынужденно ими и властями интегрирован в новый советский политический контекст.

Политизация интеллектуального пространства, его подчинения требованиям политического заказа и политической лояльности существенным образом повлияли на историческую память грузинской интеллигенции, особенной той ее части, что была связана с литературой и гуманитарными науками и делала свои первые самостоятельные шаги в 1920 – 1930-е годы. Политизация исторической / национальной памяти имела и другие результаты, вылившись в принудительную интеграцию грузинского интеллектуального сообщества в советский контекст и, как результат, вытеснение за пределы официального дискурса всего того, что в этот дискурс было невозможно вписать и интегрировать.

Именно в этой ситуации в Грузинской ССР возник феномен подавленной и / или репрессированной памяти, который, вероятно, представляет двойственный феномен. С одной стороны, это и опыт тех грузинских интеллектуалов, которые подверглись репрессиями, но смогли позднее вернуться в грузинскую культуру. С другой, это – и мемуарно-публицистическая наррация о тех, кого грузинское интеллектуальное сообщество потеряло устами тех, кто репрессиям не подвергся или подвергся в незначительной степени. Мемуарный нарратив Ираклии Абашидзе, вероятно, принадлежит именно ко второму типу. Эта проблема имеет и другое измерение – проблему сохранения и востребованности памяти.

---

[499] Там же. – С. 124.

[500] ტოროშელიძე [Toroshelidze]

[501] Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. – С. 124.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Вероятно, если бы в Советском Союзе не началась перестройка, национальное возрождение в союзных республиках и не распался бы СССР, появление литературного текста, который затрагивал пласты не просто национальной, но репрессированной, памяти было бы невозможно. Мемуары Ираклии Абашидзе смогли быть опубликованы только в независимой Грузии. Это свидетельствует о том, что они принципиально не вписывались в советский канон, не были интегрируемы в советскую модель грузинской памяти в силу того, что она в первую очередь была именно советской и уже во вторую – грузинской.

В национальный интеллектуальный дискурс независимой Грузии начала 1990-х национально ориентированная наррация И. Абашидзе, вероятно, оказалась более интегрируемой. Таким образом, память раннее репрессированная и репрессируемая, преследованная и преследуемая поменяла свой статус, став частью официально признанной исторической традиции национального вспоминания.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ

В культурной и интеллектуальной истории Советского Союза мы можем выделить особый этап, определяемый как «высокий сталинизм». Относительно хронологических границ «высокого сталинизма» в исследовательской литературе не существует единого мнения, а сама проблема имеет дискуссионный характер. Вероятно, под «высоким сталинизмом» следует понимать не только период, но и совокупность явлений в культурной жизни советского государства в период после завершений Великой Отечественной войны до смерти Иосифа Сталина в 1953 году.

Смерть советского диктатора не означала конца эпохи сталинизма, в том числе – и в культуре, где некоторые элементы «высокого» культурного дискурса в сталинской редакции продолжали существовать и функционировать до начала 1960-х годов. Высокий сталинизм представлял собой сложный феномен, одновременно сосуществовавших и софункционировавших трендов в культурной и научной жизни страны. Именно поэтому «высокий сталинизм» в одинаковой степени проявлялся и в гуманитарных науках (в истории и литературоведении), и в тех отраслях культуры (в первую очередь – в художественной литературе), которые эти науки были призваны изучать.

Анализируя феномен «высокого сталинизма» следует принимать во внимание его многонациональный характер – высокий сталинизм функционировал и в национальных республиках Советского Союза, существенно меняясь и завися от местных национальных особенностей. «Высокий сталинизм» в Украинской ССР отличался от аналогичных культурных трендов в Латвийской ССР, а «высокий сталинизм» в Грузинской ССР обладал рядом уникальных характеристик, которые отличали его от похожих культурных и интеллектуальных тенденций, например, в Молдавской ССР. Но все национальные формы «высокого сталинизма» развивались вокруг фигуры Иосифа Сталина, культ личности которого обладал значительным интегрирующим потенциалом, способствуя функционированию и развитию ряда нарративов, связанных, как с требованиями политической лояльности, так и проявлением того, что было дозволено в рамках идентичностей наций в советских республиках.

Особым феноменом «высокий сталинизм» оказался в Грузинской ССР – родине самого Иосифа Сталина. Грузинские интеллектуалы вплоть до начала 1960-х годов неоднократно подчеркивали грузинское происхождение советского лидера, а фигура Сталина их усилиями была интегрирована не просто в советскую историю, но и в национальную историю грузин. Играя на грузинском происхождении Сталина, грузинские интеллектуалы добились особых условий для функционирования грузинского интеллектуального сообщества, и хотя во второй половине 1930-х годов оно пострадало от политических репрессий, позднее представители грузинской гуманитарной интеллигенции позволяли себе то, что было недопустимо в других национальных республиках.

В наибольшей степени это проявлялось в отношении к т.н. «буржуазному национализму». Подобно другим союзным республикам местные партийные

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

власти в Грузинской ССР периодически организовывали идеологические компании для борьбы с пережитками национализма, но в целом националистический дискурс в советской Грузии был более устойчив и очевиден в культуре и науке, чем аналогичные явления в других республиках. Грузинская (и соседняя с ней – Армянская) ССР избежали в отличие от других республик массовых миграций русского населения и, поэтому, грузины составляли большинство населения. Кроме этого грузинский язык сохранил реальное значение не только в сфере образования и культуры, но и в государственном управлении.

Грузинская ССР принадлежала к числу тех республик, где «высокий сталинизм» был окрашен в ярковыраженные национальные тона. Выше автор констатировал, что одной из сфер доминирования культурного дискурса эпохи «высокого сталинизма» были литературные исследования и сама литература, которая развивалась в условиях жесткого идеологического и цензурного контроля. С другой стороны, особенностью функционирования культурного дискурса в национальных республиках было то, что власти были вынуждены периодически «приручать» и подчинять дискурс[502], так как местные интеллектуалы время от времени пытались освободиться от культурного влияния.

В Советском Союзе этот процесс подчинения дискурса имел разные формы – от репрессий и физического уничтожения интеллигенции до своеобразного самоподчинения и интеллектуального самобичевания писателей и поэтов, писавших на национальных языках. Первый тип подчинения практиковался в 1930-е годы, когда власти подчиняли культурный дискурс, который существовал относительно свободно и бесконтрольно на протяжении 1920-х годов. Второй тип подчинения имел место после завершения Великой Отечественной войны. Несмотря на отказ от открытой репрессивной политики местные национальные сообщества были вынуждены заплатить высокую цену за свое существование, поступившись некоторыми правами, отказавшись от ряда тем и сюжетов, приблизив национальный культурный контекст к советскому культурном канону.

Одна из подобных компаний по подчинению культурного дискурса в Грузинской ССР эпохи «высокого сталинизма» проходила в 1946 году, в период Третьего съезда советских писателей Грузии, состоявшегося 9 сентября 1946

---

[502] Автор затрагивал эту проблематику в своих ранних статьях, не касаясь сюжетов, связанных с Грузией. См. подробнее: Кирчанов М.В. Формируя советский канон в чувашской литературной критике (Н. Васильев-Шубоссини и его «Краткий очерк истории чувашской литературы») / М.В. Кирчанов // Формирование советского дискурса в чувашском литературоведении / сост. и вступительная статья М.В. Кирчанов. – Воронеж: НОФМО, 2007. – С. 3 – 10; Кирчанов М.В. Чувашский интеллектуальный дискурс эпохи «высокого сталинизма» (некоторые проблемы интерпретации творчества Мишши Сеспеля в конце 1940-х годов) / М.В. Кирчанов // Сеспель Мишши в советской традиции «высокого сталинизма» / сост. и вступительная статья М.В. Кирчанов. – Воронеж: НОФМО, 2007. – С. 3 – 8; Кирчанов М.В. Советизация чувашского текста, формовка интеллектуалов (дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 – 1930-е гг.) / М.В. Кирчанов // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – С. 6 – 15; Кирчанів М.В. Літературознавчий дискурс чуваської інтелектуальної історії (від «раннього» до «високого» сталінізму, 1930 – 1949) / М.В. Кирчанів // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 6. – С. 30 – 41. Электронные версии доступны на http://ejournals.pp.net.ua

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

года. К середине 1940-х годов советские власти уже прочно и надежно контролировали[503] культурный дискурс в национальных республиках. Поэтому, вероятно, следует вести речь о не борьбе за контроль над дискурсом, а о его некоторой корректировки, инициированной властями. В период съезда был заслушан доклад «Пути развития грузинской советской литературы», автором которого стал П. Шария (შარია[504]). Сам текст доклада, который, вероятно, следует рассматривать как своеобразное место социальной памяти в культурной истории советской Грузии, наметил основные границы обновленного культурного дискурса, четко разделив и разграничив дозволенное и недозволенное.

Доклад открывался традиционными для советской эпохи констатациями той высокой роли, которую играет литература в «духовной жизни народа» и признание того, что развитие советской литературы было бы невозможно без заботы со стороны Коммунистической партии и советской власти. В начале доклада мы сталкиваемся с почти ритуальным упоминание В.И. Ленина – центральной фигуры советского идеологического и политического пантеона. В этом контексте Шария констатировал, что именно ленинизм представляет собой «высшее достижение в развитии человеческого мышления». Но по канонам развития советского культурного дискурса в сталинскую эпоху фигура Ленина должна была развиваться в контексте Сталина и, поэтому, имя Сталина упоминается уже на второй странице выступления П. Шарии. Сталин предстает не просто как советский лидер и борец против «глашатаев реакции, против оппортунистов и ревизионистов всех мастей», но и как деятель национальной грузинской культуры: «товарищ Сталин, создавая подлинно революционную литературу в Грузии и Закавказье, опирался на традиции грузинской литературы»[505].

В своем докладе П. Шария стремился укрепить границы официального советского культурного (литературного) дискурса, подвергая уничижительной критике тех, кто не вписывался в советский канон развития литературы в контексте «общей ленинско-сталинской генеральной линии большевистской партии с перспективой победы социализма и коммунизма»[506]. В первую очередь критика была направлена против тех, кто не принял социалистический реализм, но «встретил революцию враждебно, отрекся от нее и стал искать убежище в различных новых “измах”». Шариа обрушился на тех, кто «оказался неисправимым, укрылся в норах и щелях». Подчеркивая свою лояльность советскому канону, Шария констатировал, что такими чуждыми авторами являются Зощенко и Ахматова, которые «озлобились вследствие крушения всякой надежды на “воскрешение” их затхлого идейного мирка»[507].

---

[503] О феномене неконтроля культурного дискурса, например, в Украинской ССР см.: Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 329 – 343.

[504] შარია [Sharia]

[505] См. подробнее: Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. Доклад на III съезде советских писателей Грузии 9 сентября 1946 года / П.А. Шария. – Тбилиси, 1946. – С. 3 – 4.

[506] Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. – С. 7.

[507] Там же. – С. 5.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

С другой стороны, он призывал окончательно очистить советскую литературу, в том числе – и грузинскую, от литературных течений прошлого, например – символизма, остатки которого, по мнению П. Шарии, следовало «выкорчевать»[508] из грузинской литературы. После этих ритуальных деклараций верности коммунистической партии и критики ее противников П. Шария (начиная с восьмой страницы) переходил непосредственно к грузинской литературы. Если на первых страницах П. Шария – именно советский писатель, то после того, как речь зашла о грузинской культуре в его тексте стал заметен национально маркированный и ориентированный контент.

По мнению П. Шарии, грузинская литература занимала одно из центральных мест в развитии того, что современные грузинские авторы определяют как «идентичность». Подчеркивая роль литературы в развитии Грузии, П. Шария констатировал, что литературные традиции грузин развивались в контексте его уникальных «духовных качеств и исторической судьбы»[509]. В этом контексте П. Шария, констатировавший, что «высококультурному, но малочисленному и миролюбивому грузинскому народу приходилось на протяжении многих веков вести длительные жестокие войны против бесчисленных завоевателей, которые по сравнению с грузинским народом стояли на более низком культурном уровне»[510], выступал как грузинский националист, подчеркивающий примордиальность грузинской национальной истории и самой нации, которая была призвана, по его мнению, доминировать (хотя бы культурно) среди соседей.

Именно с коварством этих соседей П. Шария связывал и то, что средневековая Грузия утратила свою политическую независимость, «не устояв против сокрушительного напора вражеских орд». В условиях отсутствия независимости именно литература, как полагал П. Шария, стала основой национальной идентичности. С другой стороны, Шария был вынужден умолчать о том, что включение Грузии в состав России так же стало потерей независимости, но обойти вниманием сам факт он не смог. Но и в этом контексте интерпретация явно национально ориентирована: в понимании П. Шарии грузинская литература в России «стояла во главе национально-освободительной борьбы»[511].

Развитие грузинской литературы после 1917 года П. Шария интерпретировал в рамках советского канона, полагая, что ее история была историей постепенного утверждения метода социалистического реализма и временем изживания и исчезновения чуждых ему форм и течений. Грузинские академисты, по мнению П. Шарии, были буржуазными националистами, которые «прикрываясь национальным знаменем, проводили реакционные идеи». Группа «Голубые роги» интерпретировалась им «декадентско-нигилистская». Отличительной чертой грузинского футуризма объявлялось «художественное убожество»[512].

---

[508] Там же. – С. 44.
[509] Там же. – С. 8.
[510] Там же. – С. 8 – 9.
[511] Там же. – С. 9.
[512] Там же. – С. 10 – 11.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Текст выступления П. Шарии интересен в контексте не просто культа личности И. Сталина, но и своеобразных культов руководителей национальных республик. П. Шария, в частности, констатировал, что «бурный рост грузинской советской литературы и культуры Советской Грузии начался именно с того периода, когда во главе большевиков Грузии стал товарищ Лаврентий Берия»[513], с деятельностью которого, по его мнению, было связано и то, что литература в Грузинской ССР стала важным фактором «коммунистического воспитания молодого поколения»[514].

Принимая участие в компании по «приручению» культурного и интеллектуального дискурса в Грузинской ССР П. Шария был вынужден уделить значительное внимание критике «нездоровых тенденций»[515], что вылилось в критику того, что в советском официальном каноне именовалось буржуазным национализмом. П. Шария обрушился с критикой на национализм, который, по его мнению, проявлялся в «безыдейных, весьма слабых в художественном отношении и лишенных всякого общественного звучания стихотворений»[516]. Шария настаивал, что национальная ориентация грузинской интеллигенция оказывает вредное влияние на молодежь, «порождая нездоровые настроения, внося своего рода дезориентацию в его духовный мир»[517]. Шария полагал, что приверженность грузинской интеллигенции национальным ценностям не совместима с моралью коммунистической партии.

В связи с этим им подчеркивалось, что национально ориентированные произведения «не могут отвечать устремлениям нашего народа, не может содействовать мобилизации его духовных сил на выполнение величественных планов четвертой сталинской пятилетки»[518]. Подобные декларации, вероятно, свидетельствовали о расколе среди грузинской интеллигенции, в рамках которой, несмотря на сильную идентичность, наметился раскол и начало складываться в первую очередь политическое течение, ориентированное на постепенную денационализацию культурного дискурса в Грузинской ССР.

В докладе «увлечение исторической тематикой»[519] так же было квалифицировано как проявление национализма. П. Шария выступил с критикой известных в середине 1940-х годов грузинских авторов, которых обвиняли в написании и издании «идейно неприемлемых, мистически-клерикальных упадочнических произведений»[520]. Алио Машашвили (ალიო მაშაშვილი[521]) был обвинен в отходе от социалистического реализма в сторону «странной смеси безыдейности и доморощенной философии»[522]. Григолу Абашидзе (ღრიღოლ

[513] Там же. – С. 11.
[514] Там же. – С. 15.
[515] Там же. – С. 12.
[516] Там же. – С. 13.
[517] Там же. – С. 15.
[518] Там же. – С. 15.
[519] Там же. – С. 13.
[520] Там же. – С. 17.
[521] ალიო მაშაშვილი [Alio Mashashvili]
[522] Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. – С. 14.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

აბაშიძე[523]) приписывалось не только «производство литературного брака», но и «дурное влияние на молодое поколение»[524]. Поэту Шатберашвили (შატბერაშვილი[525]) П. Шария вообще посоветовал «просто молчать»[526]. В то время как в рамках Советского Союза главными объектами для критики стали журналы «Звезда» и «Ленинград», то в Грузинской ССР роль главных жертв была отведена журналу «მნატობი»[527] и газете «ლიტერატურა და ხელოვნება»[528], которые, по мнению П. Шарии, «запестрели беспомощными и бессодержательными стихами»[529].

В своем выступлении на съезде П. Шария был вынужден лавировать между требованиями советского идеологического культурного канона и устойчивыми национальными настроениями грузинской интеллигенции. Проявляя политическую лояльность, которая порой граничила с национальным нигилизмом (о чем речь шла выше), П. Шария акцентировал внимание и на значительной национальной уникальности грузинской культурной истории и литературы, ее близости к античному наследию («средневековая Европа еще не знала корифеев античной Греции, когда основные произведения некоторых из них были переведены на грузинский язык»[530]).

Шария констатировал и некоторую позитивную роль христианства в истории Грузии, полагая, что «для грузинского народа и государства христианство было не столько вопросом религии, сколько вопросом культурно-исторической ориентации». По мнению П. Шарии в средневековой Грузии христианство играло положительную роль, будучи основой «национальной культуры и цивилизации»[531]. Шария отвергал мнение о том, что грузинская проза не имеет исторических традиций как ошибочное, указывая на то, что «грузинская проза является древнейшей в мире христианской цивилизации»[532].

Но, с другой стороны, Шария предостерегал грузинских писателей от абсолютизации древности грузинской литературы, в чем видел проявление буржуазного национализма. Не менее опасным явлением, по его мнению, был и интерес грузинских авторов к исторической проблематике. По мнению П. Шарии, историческая тема в грузинской литературе должна иметь второстепенный характер[533]. В этом контексте главной жертвой критики П. Шарии стал Константинэ Гамсахурдиа. Роман «Похищение луны» был назван «самым слабым»[534] произведением писателя. Среди прегрешений К. Гамсахурдиа перед советской литературой были названый и неверное ото-

---

[523] ღრიღოლ აბაშიძე [Grigol Abashidze]
[524] Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. – С. 14.
[525] შატბერაშვილი [Shatberashvili]
[526] Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. – С. 15.
[527] მნატობი [Mnatobi]. Редактором журнала был упомянутый выше Алио Машашвили.
[528] ლიტერატურა და ხელოვნება [Literatura da helovneba]
[529] Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. – С. 15.
[530] Там же. – С. 72.
[531] Там же. – С. 32.
[532] Там же. – С. 24.
[533] Там же. – С. 27.
[534] Там же. – С. 26.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

бражение исторического прошлого, и чрезмерное описание истории правящих классов, а не «простого народа»[535], и значительное использование архаизмов и интерес к древнему грузинскому язычеству[536] (в чем цензура была склонна видеть проявление национализма), и увлечение порнографическими сюжетами[537].

Писателям, увлекавшимся историческими сюжетами, П. Шария противопоставлял произведения, посвященные современности, которые «достойно отражают советскую действительность»[538]. С другой стороны, П. Шария все же был вынужден указать, что именно К. Гамсахурдиа является одним из «лучших писателей исторического жанра в советской литературе»[539]. Несмотря на подобные оценки, подход П. Шарии к грузинской литературе был в целом интегрирован в советский идеологический дискурс. Поэтому, он констатировал, что грузинская литература, наравне с другими литературами СССР, отражает процесс строительства нового общества. С другой стороны, в этих интерпретациях мы все же можем обнаружить элементы и национального нарратива. В частности, анализируя проблемы грузинской поэзии, в частности – той ее части, что связана с «образом нашего великого вождя», П. Шария констатировал, что наибольших успехов в этом направлении достигла именно грузинская литература[540].

Подводя итоги настоящего раздела, следует уделить внимание нескольким проблемам, связанным с функционированием культурного дискурса в Грузинской ССР во второй половине 1940-х годов. Грузинская литература той эпохи была литературой «высокого сталинизма» – литературой, которая развивалась в условиях жесткого идеологического контроля и диктата. Во второй половине 1940-х, как и раннее, основной удар советской идеологической цензуры был направлен против тех национальных авторов, которые подозревались в «буржуазном национализме». В этом контексте грузинская идентичность развивалась как преимущественно политическая, отмеченная значительными тенденциями к денационализации, что было связано, в свою очередь, с необходимостью проявления политической лояльности.

С другой стороны, в рамках грузинского культурного дискурса второй половины 1940-х годов существовали и национально ориентированные тренды, связанные с приверженностью идеям защиты грузинской культуры и национальной идентичности. Официальные и оппозиционные течения в рамках культурного дискурса Грузинской ССР взаимно сосуществовали и конкурировали. После смерти Сталина в 1953 году и начавшейся позднее десталинизации в грузинском культурном дискурсе возобладали национальные тренды, в то время как третий съезд советских писателей Грузии 1946 года остался одним из ярких эпизодов в борьбе за контроль над культурным дискурсом.

---

[535] Там же. – С. 33.
[536] Там же. – С. 30, 31.
[537] Там же. – С. 29.
[538] Там же. – С. 26.
[539] Там же. – С. 29.
[540] Там же. – С. 38.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОНЦА 1940-Х – НАЧАЛА 1960-Х ГОДОВ

Советское общество было обществом авторитарным, а авторитаризм представляет своим гражданам крайне ограниченное число возможностей для проявления своей национальной идентичности. С другой стороны, Советский Союз был и федерацией, построенной по национальному признаку, и проблемы проявления идентичности были тесно связаны с тем как национальные республики и их элиты проявляли и демонстрировали свою лояльность. Мы неоднократно констатировали, что Грузинская ССР в значительной степени отличалась от других республик в виду того, что местные политические элиты смогли сохранить Грузинскую ССР как некое национальное государство грузин в составе Советского Союза.

Поэтому, особую роль в политической и культурной жизни республики играл грузинский национализм. Роль и значение национализма проявлялись в официальном статусе грузинского языка в том, что значительная часть научной литературы первоначально выходила именно на грузинском языке. Русские версии были, как правило, не оригинальными исследованиями, а переводами с грузинского. Выше автор отметил, что Советский Союз был авторитарным государством – авторитаризм ограничивает политическое участие граждан, резко сужая каналы для проявления идентичности.

Несмотря на то, что, по словам В.А. Шнирельмана, «в СССР была создана достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией»[541] национальные / националистические нарративы и настроения все же играли определенную роль. Следует помнить, что грузинская гуманитарная интеллигенция была «частью советского интеллектуального сообщества, ей были в равной мере присущи унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора»[542]. В такой ситуации важным каналом для проявления и подчеркивания национальной идентичности в СССР были гуманитарные исследования, в том числе – литературоведение и история литературы. Грузинская ССР не была исключением.

Гуманитарные исследования в национальных республиках были обречены быть националистическими. Не являлась исключением и Грузинская ССР – республика с ярко выраженной национальной и политической уникальностью. Изучение истории грузинской литературы было важным средством для поддержания, сохранения и стимулирования национальной идентичности в виду того, что «дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры»[543].

---

[541] Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 20.

[542] Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3. – С. 351.

[543] Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // Ab Imperio. – 2003. – No 1. – С. 157.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

С другой стороны, национальные интеллигенции в СССР, по словам П. Варнавского, были «вынуждены адоптировать специфику националистической риторики к требованиям советского идеологического текста»[544]. Грузинская интеллигенция не была исключением. Литературные штудии были не только проявление идентичности – они были интегрированы в официальный идеологический канон[545], и поэтому, научные нарративы должны были выстраиваться в соответствии с нормами функционирования этого канона и требованиями лояльности, а так же цензуры.

В настоящем разделе мы остановимся на исследованиях по истории грузинской литературы конца 1940-х – начала 1960-х годов. На данном этапе эти исследования несли на себе значительный отпечаток культурной атмосферы «высокого сталинизма», что оказывало существенное влияние на их содержание и направленность.

«История грузинской литературы. Краткий очерк», опубликованная на русском языке в 1952 году и начинающаяся цитатой, открываемой словами «как учит товарищ Сталин»[546], представляет собой яркий образчик научного творчества эпохи «высокого сталинизма». Издание 1952 года представляет значительный интерес в контексте изучения того, как менялся и трансформировался грузинский интеллектуальный дискурс, как соотносились национальные и официальные тренды. При наличии некоторых национальных нарративов, связанных с борьбой грузин против иноземных захватчиков, заметен значительный официальный тренд, связанный с образом Сталина.

В частности, раздел, посвященный творчеству Руставели сопровождается иллюстраций, названной «Молодой И.В. Сталин читает Шота Руставели»[547]. Чтобы у читателей не было сомнения, что в руках Сталина книга именно Руставели, на открытой странице (примерно в середине книги, судя по рисунку), угадывается портрет Руставели, похожий на иллюстрацию размещенную до несколько страниц до портрета читающего Сталина. Кроме этого, раздел, посвященный Руставели, содержит и цитату из Сталина относительно развития языка[548]. Примечательно и то, что раздел завершается цитатой из А.А. Жданова, посвященной борьбе с «безродными космополитами»[549]. Спустя почти десять

---

[544] Варнавский П. Границы советской бурятской нации. – С. 157.

[545] О литературе и литературных исследованиях как сфере доминирования националистического дискурса см.: Ичевска Т. Митичното в българската литература – светове и форми / Т. Ичевска. – Пловдив, 2000; Молов Т. Мит – Епос – История. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992 – 1092 – 1492) / Т. Молов. – Варна, 2002; Даскалова К. Женската идентичност: норми, представи, образи в българската култура от XIX – началото XX век / К. Даскалова // http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=daskalova; Кирова М. Между Пътя и Мястото: към проблема за родовата (Gender) идентичност на текста – Багряна / М. Кирова // http://liternet.bg/publish2/mkirova/pytiat.htm; Русева В. Конструираната идентичност / В. Русева // Култура и критика / съст. А. Вачева, Г. Чобанов Варна, 2003. Т. 3 (Краят на модерността?). С. 111 – 118.

[546] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. Краткий очерк / А. Барамидзе, Ш. Радиани, В. Жгенти. – М., 1952. – С. 3.

[547] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 43.

[548] Там же. – С. 44.

[549] Там же. – С. 45. В издании 1951 года цитируется следующее: «интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интерна-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

лет из исследований, посвященных грузинской литературе исчезают т.н. сталинские нарративы. На смену им пришла констатация того, что «культ личности породил в литературе художественно беспомощный стиль панегеризма»[550].

Для грузинского литературоведения анализируемого периода характерен значительный националистический тренд, связанный с примордиализмом и, соответственно, грузинским национализмом, хотя национальные симпатии некоторых грузинских гуманитариев «не могли поколебать силу официального дискурса»[551], в рамках которого национализм не приветствовался. Для грузинских интеллектуалов литературы была важным элементом национальной идентичности и почти внеисторическим феноменом. В частности, Ф. Бегиашвили[552] в конце 1940-х годов подчеркивал, что история грузинской литературы не только имеет «многовековую давность», но и, несмотря на «опустошительные войны и разорение страны» негрузинами грузинская литература и грузинский язык сохранились.

Грузинские интеллектуалы часто акцентировали внимание на необычайной древности и устойчивости грузинской литературы в контексте других литератур Советского Союза, утверждая вместе с тем дихотомию «грузинская литература / грузинский язык»[553]. Ф. Бегиашвили подчеркивал и внеисторичность грузинского языка, акцентируя внимания на его особой роли в развитии грузинской идентичности. По мнению Ф. Бегиашвили особая роль грузинского языка была осознана в средневековой Грузии, что проявилось в развитии особой теории, сторонники которой утверждали, что «страшный суд во время второго пришествия будет вестись на грузинском языке»[554]. Основные вызовы и угрозы грузинской идентичности, по мнению Ф. Бегиашвили, имели внешний характер, исходя от врагов Грузии.

Авторы русскоязычного краткого очерка «Истории грузинской литературы» (1952) культивировали нарратив о том, что «на протяжении веков грузинскому народу приходилось самоотверженно отстаивать свою жизнь и свободу от многочисленных иноземных завоевателей»[555]. Ф. Бегиашвили, придаваясь национальному вообоажения и формиуря образ «другого»[556], полагал, что основными историческими противниками Грузии, которые стремились разрушить грузинскую идентичность, уничтожив язык, были персы, арабы и

ционализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину – означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами» (Советская музыка. – 1948. – № 1. – С. 20).

[550] Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы / С. Чилая / пер. с грузинского Б. Абуладзе, В. Татишвили. – Тбилиси, 1960. – С. 125.

[551] Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // Ab Imperio. – 2003. – No 2. – С. 364.

[552] ბეგიაშვილი [Begiashvili]

[553] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков / Ф. Бегиашвили. – Тбилиси, 1949. – С. 5.

[554] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 85.

[555] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 3.

[556] О формировании образов «другого» / «чужого» и его роли в развитии национализма в теоретическом плане см. подробнее: Бозтемур Р. Национализмът и другият – създаването на нация и национална държава на Балканите / Р. Бозтемур // http://www.ilit.bas.bg/bi/bostemur.html

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

турки. В первой половине 1950-х годов они открыто именовались исследователями «ненавистными иноземными завоевателями»[557].

Первыми историческими противниками, как полагал Ф. Бегиашвили, были персы. В этом контексте он писал о позитивной роли христианства, как основе национальной идентичности. Христианство анализировалась как важнейший фактор, способствовавший интеграции грузин и их сохранению как отдельного сообщества. Ф. Бегиашвили в персидской политике в отношении грузин видел угрозу ассимиляции, утверждая, что «принятие персидского огнепоклонства вызвало бы ассимиляцию и национальное ослабление»[558]. Полагая, что военные конфликты грузин с персами порой перерастали в «религиозные войны»[559].

В то время когда историки других национальных республик СССР были вынуждены в процессе написания национальных историй всячески занижать роль религиозного фактора, грузинские авторы (и, вероятно, их армянские коллеги), наоборот, акцентировали внимание на его позитивной роли. В ряде случаев текст исследований Ф. Бегиашвили не совсем интегрируется в советский идеологизированный историографический канон. Комментируя, например, борьбу с персами, он писал, что грузинская литература того времени культивировала идеи «укрепления христианской морали» и готовности верующих «отдать жизнь во имя христианства»[560]. Ф. Бегиашвили позволял себе и более радикальные заявления, утверждая, что «проповедь христианства являлась национальным делом в борьбе против персов»[561].

В кратком очерке «Истории грузинской литературы» в отношении христианства доминирую абсолютно отличные идеи. В частности А.Г. Барамидзе[562] акцентировал внимание на классовом характере христианства, предпочитая писать не о его прогрессивной роли в деле национальной консолидации, но о «безраздельном господстве церкви и церковно-религиозной идеологии». Сама церковь в этом контексте определялась не иначе как «порождение феодального строя»[563]. Именно антиперсидские настроения среди грузинской аристократии, по мнению грузинских авторов конца 1940-х годов, способствовали тому, что в Грузии начинает формироваться национальное самосознание.

Таким образом, Ф. Бегиашвили не только формировал образ врага, но и сознательно выстраивал особую грузинскую идентичность, делая ее более древней и акцентируя внимание на той важной роли, которую в ее функционировании играли религиозные тренды. Ф. Бегиашвили создает в своих исследованиях и крайне непривлекательный образ арабов: «арабы самовластно хозяйничали в стране, попирали национальную самобытность, всячески старались свести ее на нет, принуждая грузин отрекаться от христианской веры и изменить народным традициям»[564].

---

[557] Там же. – С. 4.
[558] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 45.
[559] Там же. – С. 42.
[560] Там же. – С. 44.
[561] Там же. – С. 44.
[562] ბარამიძე [Baramidze]
[563] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 25.
[564] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 50.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Ф. Бегиашвили полагал, что арабы сыграли крайне негативную роль, пытаясь распространить ислам[565], а турки виновны в отторжении от Грузии «лучшей ее провинции» – Тао-Кларджети. В «Истории грузинской литературы» (1952) турок обвиняли и в том, что они, захватив Константинополь, способствовали разрыву Грузии с Западом[566]. Создавая негативный образ турка, Ф. Бегиашвили писал, что османы «подвергали монастыри осквернению и полному разорению», а так же «насильственно заставляли население принимать магометанство»[567]. В начале 1950-х годов политика персов и турок в Грузии не определялась иначе как «дикий произвол»[568]. Нарративы, связанные с описанием врага, в грузинском литературоведном дискурсе конца 1940-х – начала 1950-х годов менялись.

Если Ф. Бегиашвили писал просто о врагах, то авторы краткого очерка «Истории грузинской литературы» пренебрежительно писали об «ордах» и «полчищах»[569] мусульманских завоевателей. В этом контексте для концепции Ф. Бегиашвили характерен устойчивый антиисламский нарратив и попытки конструирования неаттрактивного образа чужого[570], в данном случае – мусульманина. Если в конце 1940-х годов, по мнению Ф. Бегиашвили, основные вызовы грузинской культуре в средние века исходили именно с исламского Востока, то в начале 1950-х годов грузинские историки, видимо подчеркивая свою лояльность, расширили список исторических противников Грузии, констатируя, что «во имя сохранения своей народности и культуры грузинским племенам приходилось героически выдерживать натиск иноземных поработителей *с Востока и Запада* [курсив мой – М.К.]»[571].

По мнению Ф. Бегиашвили, грузинский язык отличался столь значительной устойчивостью и связью между литературной и разговорной нормой, что современный для него грузин «почти свободно ориентируется в литературном языке XII века»[572]. В этом контексте он противопоставлял грузинской литературе армянские и греческие литературные традиции, полагая, что грузинская культура не знает радикального разрыва между древностью и современностью. В этом заметны элементы характерного для концепции Ф. Бегиашвили примордиализма. Нарратив, предлагаемый Ф. Бегиашвили не ограничивался исключительно примордиализмом. По мнению Ф. Бегиашвили, грузинская средневековая культура была органической частью не просто христианской цивилизации, но и была неотъемлемым участником культурных процессов в Византии и на католическом Западе[573].

---

[565] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 48.
[566] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 46.
[567] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 24.
[568] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 47, 56.
[569] Там же. – С. 11.
[570] О роли образов «чужого» / «другого» в контексте развития национализма и идентичностей в теоретической перспективе см.: Представата за “Другия” на Балканите: Сборник на докладите от интердисциплинарна конференция, София, 1992 г. / ред. кол. Надя Данова, В. Димова, М. Калицин. – София, 1995.
[571] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 10.
[572] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 13.
[573] Там же. – С. 16 – 17.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

С другой стороны, четкой границы между культурой восточного и западного христианства Ф. Бегиашвили не проводилось, что было вызвано стремлением вписать грузинскую культурную традицию в европейский контекст. Спустя три года грузинские интеллектуалы предлагали принципиально иное прочтение истории грузинской литературы: связи с Западом для них не играли основной роли в виду значительной важности социального компонента в грузинской литературе. Именно поэтому в издании «Истории грузинской литературы» 1952 года авторы предпочитали писать о неразрывной связи литературы с освободительной и классовой борьбой, о социальной сознательности грузинских писателей прошлого[574].

Вписывая грузинскую историю в европейский контекст, Ф. Бегиашвили стремился показать, что социальные процессы на территории средневековой Грузии были идентичны тем, что протекали на европейском Западе. Бегиашвили исходил из того, что грузинский феодализм имел много общего с феодализмом европейского Запада, что, в частности, проявилось в развитии отношений вассалитета. Социальную историю Ф. Бегиашвили так же был склонен сближать с историей Запада, полагая, что в средневековой Грузии возникло и рыцарское сословие, которое «во многих отношениях сходно с западно-европейским»[575].

В обмен на культивирование национально ориентированных нарративов грузинские интеллектуалы были вынуждены проявлять лояльность режиму. Сферой проявления этой лояльности было изучение истории советской грузинской литературы. В Грузинской ССР грузинская литература воспринималась как именно национальная литература национальной республики: «развитие грузинской советской литературы происходит на самобытной национальной почве. Оно отразило и отражает своеобразие Советской Грузии»[576]. С другой стороны, особое внимание уделялось развитию идеи национального континуитета и прямой преемственности между различными этапами в истории грузинской литературы, в чем просматривался грузинский национализм, и хотя в Советском Союзе 1950-х годов национальные и националистические настроения не приветствовались и пресекались, грузинские исследователи настаивали на том, что грузинская советская литература является лишь одним из этапов в многовековом развитии литературы[577].

Грузинские авторы предпочитали акцентировать внимание на уникальности грузинского литературного процесса, пытаясь таким образом укреплять и стимулировать грузинскую национальную идентичность, точнее – ее официальный советский дискурс. В начале 1950-х годов, демонстрируя свою лояльность грузинские интеллектуалы подчеркивали, что советская литература в Грузии является не просто часть многонациональной советской литературы, но и одной из наиболее динамично развивающихся литератур. В связи с этим декларировалось, что «расцвет и неуклонный рост грузинской советской ли-

[574] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 4.
[575] Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков. – С. 83.
[576] Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы. – С. 7.
[577] Там же. – С. 7.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

тературы – яркое проявление мудрой ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии»[578].

В рамках советского канона изучения литературы Грузинской ССР было принято акцентировать внимание на том, что «советская литература расцвела под мудрым руководством Коммунистической партии, постоянно проявляющей к ней огромное внимание»[579]. Изучение истории советской литературы было одним из поводов подчеркнуть лояльность в виду того, что позволяло критиковать те литературные тренды и направления, которые не вписывались в официальный культурный и идеологический канон. В частности, в «Истории грузинской литературы» (1952) особое внимание было уделено К. Гамсахурдиа, И. Гришашвили и П. Ингорокве не как крупным авторам, но как консерваторам, которые выражали «националистические устремления остатков реакционных классов»[580].

Спустя несколько лет отношение к ним среди грузинских интеллектуалов в условиях некоторого ослабления цензуры и начавшейся реабилитации, постепенно меняется. Относительно К. Гамсахурдиа признается, что писатель отличается ярким и бесспорным талантом, хотя и констатировалось и то, что в определенные периоды свое деятельности он «с трудом преодолевал груз прошлого»[581]. Кроме этого было признано, что И. Гришашвили является самобытным автором и оригинальным исследователем, хотя и ему в вину вменялось то, что он «не сразу пришел к полному и ясному пониманию советской действительности»[582]. Но и в начале 1960-х годов грузинские интеллектуалы были вынуждены констатировать, что «партия сурово поправляла каждого, кто отходил от магистрального пути развития советской литературы»[583].

Анализируя деятельность упомянутых авторов, принадлежавших к академизму, а так же группы «Голубые роги», грузинские исследователи начала 1950-х годов предпочли сослаться на авторитет Л. Берии. Дважды процитировав его выступления, посвященные критике «буржуазно-декадентской литературы»[584]. Спустя почти десять лет, работы и выступления Л. Берии уже не цитировались, хотя и признавалось, что появление группы «Голубые роги» стало проявлением «загнивания буржуазной культуры»[585]. С другой стороны, предполагалась и то, что советская грузинская литература в целом далека от «глубокого и полного отображения великой Сталинской эпохи»[586].

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Гуманитарные исследования в Грузинской ССР, как авторитарном обществе, были одним из немногочисленных доступных каналов социальной и культурной коммуникации, при помощи которых грузинские

---

578 Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 245.
579 Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы. – С. 6.
580 Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 251.
581 Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы. – С. 110.
582 Там же. – С. 133.
583 Там же. – С. 6.
584 Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 251.
585 Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы. – С. 22.
586 Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. – С. 272.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

интеллектуалы могли развивать (транслировать), а так же укреплять и стимулировать свою национальную идентичность. Занимаясь гуманитарными исследованиями, например – историей литературы, грузинские интеллектуалы сталкивались с двумя диаметрально противоположными вызовами.

С одной стороны, будучи часть советской интеллигенции, они были интегрированы и в советский идеологический канон. Включенность в него автоматически означала и то, что грузинские интеллигенты были вынуждены действовать в рамках (само)цензуры, что существенно влияло на выбор тем исследований. Таким образом, интеллектуальное поле в рамках гуманитарных наук в Грузинской ССР искусственно конструировалось и выстраивалось в соответствии с нормами и требованиями советского идеологического и цензурного дискурса. Принадлежность к этому дискурсу оказывала существенное влияние не только на тематику, но и на стиль выполнения самих литературных (тем более – обобщающих) исследований.

С другой стороны, грузинская интеллигенция была национальной и, поэтому, грузинские интеллектуалы были вынуждены соотносить свои выводы и построения с грузинским национализмом и грузинской национальной идентичностью. На официальном уровне грузинский национализм не приветствовался, хотя в среде гуманитарной и творческой интеллигенции он получил широкое распространение. Национальная ориентация грузинских гуманитариев в большей степени проявлялась в исследованиях, посвященных средневековой литературе.

Именно изучение средневековой литературы затрагивало несколько принципиально важных для национальной идентичности грузин тем, среди которых были необычайная устойчивость грузинского языка и культуры, борьба средневековых грузин против иноверцев. На этом фоне совершенно особую роль играли нарративы, связанные с христианством и образом Грузии и грузин как христианской (православной) страны и нации. Изучение средневековой грузинской культуры вместе с тем было и благоприятной почвой для развития примордиальных трендов в грузинском национальном и историческом воображении.

В целом, гуманитарные исследования в Грузинской ССР развивались в условиях доминирования национальной парадигмы написания и описания истории, в том числе – и истории грузинской литературы. Это способствовало постоянному воспроизводству националистического дискурса, что впоследствии создало и позитивный политический бэк-граунд для активизации национального движения во второй половине 1980-х годов. Таким образом, национальные нарративы предложенные в рамках гуманитарного литературного исследовательского дискурса конца 1940-х – начала 1960-х годов имели «отложенное», но все же значительное, политическое воздействие.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СФЕРА ДОМИНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ПРИМОРДИАЛИСТСКОГО ИСТОРИОНАПИСАНИЯ

Историческое знание или представления об истории являются сферами доминирования и проявления национализма. История используется для институционализации идентичностей, для обоснования претензий на территории. Сфера применения истории в рамках националистического дискурса отличается значительным разнообразием. История в зависимости от ситуации может стать средством мобилизации масс в националистическом движении. История и национализм, таким образом, являются тесно связанными между собой. История национализма, как полагает британский исследователь Энтони Смит, это в такой же степени история тех, кто о нем повествует[587]. Историки в СР Македонии играли выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Македонские историки внесли весомый вклад в развитие национализма.

История делает существование нации законных и легитимным[588]. Это осознавалось македонскими интеллектуалами. Поэтому именно македонскими историками был заложен моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в Социалистической Республике Македонии. Македонские историки, наряду с филологами, исследуя историю и предлагая определенные исторические концепции своим соотечественникам, самыми разными способами подготовили институционализацию македонской нации, создав условия для укрепления и консолидации македонской национальной идентичности в федеративной Югославии. В СР Македонии историческое знание подверглось институционализации, что диктовалось желанием властей создать эффективный механизм контроля и управления историческими исследованиями. В СР Македонии (подобно другим авторитарным социалистическим странам) были созданы свои научные институции – Македонская Академия наук и искусств (Македонска академија на науките и уметностите), Архив Македонии (Архив на Македонија) Институт национальной истории (Институт за национална историја), Институт социологических и политико-правовых исследований (Институт за социолошки и политичкоправни истражувања), Институт македонского языка (Институт за македонски јазик) – призванные конструировать, контролировать и направлять развитие научного и интеллектуального дискурса.

---

[587] Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

[588] Об этом подробнее см.: Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 467.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Эти институции в различной степени были вовлечены в процесс формирования исторического знания – от собственно политической истории Македонии до истории македонского языка и литературы. В рамках институционализированных академических и университетских структур дискурс национальной памяти было гораздо легче контролировать и направлять чем в том случае, если такие структуры отсутствовали. С другой стороны, «в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы»[589]. СР Македония была национализирующимся (со)обществом, для которого история была не просто наукой и сферой знания, но и важным мобилизационным ресурсом, управление которым политические элиты не сочли возможным оставить исключительно ученым.

Для македонских интеллектуалов история являлась представлением о прошлом, «тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент»[590]. Следует принимать во внимание и то, что история подвержена мифологизации и идеологизации в виду того, что является систематизированным «представлением о прошлом связанным с утверждением идентичности в настоящем»[591]. Вероятно, именно поэтому исторические исследования не смогли избежать влияния со стороны македонского националистического дискурса. Настоящий раздел будет посвящен анализу той роли, которую в СР Македонии играли исторические исследования в существовании и функционировании националистического дискурса.

Значительную роль в конструировании национальной идентичности традиционно играют обобщающие исторические исследования, которые представляют собой попытки выработать единую схему написания и интерпретации истории того или иного сообщества. В СР Македонии монополия на написание и издание подобных работ принадлежала Институту национальной истории. Одна из крупных попыток создания такой общей схемы македонской истории была предпринята в середине 1970-х годов, что связано с выходом нескольких томов македонской истории на македонском языке, а так же синтетической и сокращенной версии на русском, которая представляла собой своеобразный экспортный вариант македонской истории, подготовленный усилиями академического Института истории, а так же ведущими македонскими интеллектуалами из других научных институций.

Что же представляла собой концепция македонской истории, предложенная македонскими интеллектуалами в середине 1970-х годов? История Македонии открывалась экскурсом в географию, в рамках которого констатировалось, что современная на тот момент СР Македония занимает лишь 37 % территории исторической Македонии в то время, как остальные македонские земли входят в состав Болгарии и Греции[592]. В структурном плане концепция македонской

---

[589] Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

[590] Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

[591] Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 43.

[592] История македонского народа / ред. М. Апостолски (пред), Д. Зографски, А. Стояновски, Г. Тодоровски; пер. с макед. А. Губанов. – Скопье, 1975. – С. 5.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

истории в середине 1970-х годов была выдержана по хронологическому принципу. Именно поэтому история Македонии начиналась с истории первобытного общества и рабовладельческого строя. Анализируя ранние этапы истории, македонские интеллектуалы 1970-х годов позиционировали Македонию как один из древних очагов цивилизации, где встречались эгейско-анатолийские, балканские и среднеевропейские культуры[593]. Об этом писали и их предшественники в начале 1970-х годов, указывавшие на то, что Македония была ярковыраженной контактной зоной между Западом и Востоком[594].

Государственная традиция в Македонии, как полагали македонские интеллектуалы середины 1970-х годов, начинается с появлением Македонского Царства. Анализируя его историю, македонские авторы акцентировали внимание на том, что македонцы в значительной степени отличались от соседних греков[595], не наделяя их тем не менее славянскими чертами. Македонские интеллектуалы понимали, что специфика и уникальность современной им Македонии своими корнями уходит в Средневековье и связана с появлением в Балканском регионе славянских племен. Формирование идентичности протекает в рамках интерпретации исторических событий[596]. Описывая проникновение славян на Балканы и колонизацию ими балканских земель, македонские авторы акцентировали внимание, что в прошлом славяне занимали более широкие территории, проживая, в том числе, на побережье Эгейского моря, а так же на Пелопоннесе[597] и Эпире[598].

Македонскую интеллектуальную традицию отличало и стремление создать позитивный образ македонских славян как людей более гуманных чем греки-византийцы. В связи с этим акцентировалось внимание на том, что к пленным македонские славяне «относились как к свободным»[599]. Македонские интеллектуалы полагали, что после проникновения славян на территорию Македонии в регионе сложилась уникальная культурная и языковая ситуация: на ранних этапах славяне соседствовали с местным, дославянским, населением, которое постепенно ассимилировалось ими: «заселение славянами Македонии привело к глубоким социальным и этническим переменам. Часть автохтонов погибла в борьбе, некоторые переселились в приморские города и горные районы, а оставшиеся были покорены и включены в славянский симбиоз, оставляя в наследство много элементов своей материальной культуры»[600].

---

[593] История македонского народа. – С. 7.
[594] Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 7.
[595] История македонского народа. – С. 10 – 17.
[596] Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Gottingen, 1999.
[597] История македонского народа. – С. 23, 25.
[598] Антоляк Ст. Приход славян на Балканский полуостров / Ст. Антоляк // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 21. См. так же: Антоляк Ст. Самуиловата држава / Ст. Антоляк. – Скопје, 1969.
[599] Антоляк Ст. Приход славян на Балканский полуостров. – С. 17.
[600] История македонского народа. – С. 27.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Для македонской историографии середины 1970-х годов был характерен мощный примордиалистский тренд. Македонские интеллектуалы настаивали на том, что славяне, которые поселились на территории исторической Македонии были именно македонскими славянами (македонските словени), отличными от соседних славянских племен в виду того, что в их рамках протекали процессы постепенной консолидации, связанные с попытками захватить Солунь[601]. В этом контексте македонские интеллектуалы второй половины 1970-х годов продолжали развитие более ранней историографической традиции. В частности, к тому времени уже вышли примордиалистские по своей природе Орде Иваноски, посвященные «македонским славянам» от их проникновения на Балканы до начала государственной консолидации. Орде Иваноски акцентировал внимание на континуитете македонской истории на протяжении тринадцати столетий[602].

С другой стороны, О. Иваноски акцентировал внимание на том, что миграция славян на Балканы, в том числе – и в Македонию, имела прогрессивное историческое значение в виду того, что славянизация Балкан привела к завершению рабовладельческого периода и феодализации региона[603]. Орде Иваноски конструировал героический образ македонских славян, которые постоянно боролись со своими противниками, стремившихся подчинить славян. Главным историческим противником славян, по мнению Орде Иваноски, была Византия, которая организовывала постоянные нападения на македонских славян[604]. Поэтому ранняя история македонских славян – это история борьбы за «својата племенска свобода»[605].

Образ Византии в македонской интеллектуальной традиции СР Македонии конструировался как образ врага. Например, в начале 1970-х годов Ст. Антоляк полагал, что византийцы стремились уничтожить македонцев, ассимилировав их, «ослабив и разбив этническую монолитность македонских склавиний»[606]. Комментируя подобные исторические построения, имеющие целью формирование образа «другого», Джонатан Фридмэн подчеркивает, что история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности[607].

Для концепции Орде Иваноски, как и для более поздних македонских историков, было характерно наличие мощного примордиалистского тренда: в частности, он полагал, что несмотря на то, что территория Македонии была разделена между греками и болгарами, для македонской истории был характерен континуитет[608]. Будучи примордиалистами македонские историки середины

---

[601] Там же. – С. 27 – 29.
[602] Иваноски О. Македонските словени од VI до IX век / О. Иваноски. – Скопје, 1962. – С. 5.
[603] Иваноски О. Македонските словени од VI до IX век. – С. 15.
[604] Там же. – С. 66.
[605] Там же. – С. 39.
[606] Антоляк Ст. Приход славян на Балканский полуостров. – С. 25.
[607] Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.
[608] Иваноски О. Македонските словени од VI до IX век. – С. 83. О континуитете в македонской интеллектуальной традиции см.: Битоски Кр. Континуитетот на Македонските националнослободителни борби во XIX и почетокот на XX век / Кр. Битоски. – Скопје, 1998.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

1970-х годов настаивали на том, что для македонских славян Средневековья была характерна своя уникальная культура, связанная в том числе и с христианством в виду того, что святые Кирилл и Мефодий[609], а так же Климент Охридский[610] проповедовали на славянском языке, который македонские авторы были склонны определять как одну из ранних форм славянского македонского языка.

В рамках концепции македонской истории, предлагаемой в середине 1970-х годов, особое внимание акцентировалось на виктимизации Македонии: македонские историки полагали, что сначала Македония была захвачена болгарами, потом греками, сербами, а позднее турками, которые игнорировали интересы македонцев, стремясь их ассимилировать, уничтожив македонский язык и культуру. Анализируя греческий период в македонской истории, внимание акцентировалось на борьбе македонцев за сохранение своего языка и традиций: «…когда Охрид попал под византийскую власть, греческие иерархи начали вытеснять славянские письменные документы… славянские названия заменялись греческими… превращенная в эллинский институт Охридская архиепископия вела к уничтожению всех бережно хранимых македонским народом традиций. Но славянскую письменность невозможно было уничтожить, эллинизму не удалось проникнуть глубоко в народ, где говорили на своем родном славянском языке…»[611]. Македонские историки не питали особых симпатий и в отношении турецких завоевателей, указывая на негативные последствия политики колонизации и исламизации. Признавая, что часть македонцев перешла в ислам, македонские интеллектуалы настаивали, что они сохранили «свой родной язык и многие народные обычаи»[612].

Значительное внимание македонские интеллектуалы уделяли проблемам национального возрождения в Македонии. В этом контексте заметен синтез примордиалистских интерпретаций с попытками конструктивистского анализа: признавая уникальность македонской культуры, македонские авторы настаивали на том, что македонцы в процессе национальной активизации были вынуждены подвергнуть ее значительной ревизии, сознательно отдаляя от греческих, сербских и болгарских культурных и языковых норм. Подобные нарративы, с одной стороны, способствовали укреплению примордиалистских интерпретаций, а, с другой, вели к формированию негативного образа грека, что было характерно для македонской интеллектуальной традиции во второй половине XX столетия.

Анализируя проблемы истории национального движения, македонские интеллектуалы полагали, что важнейшей задачей македонских национальных деятелей было освобождение македонцев от греческого влияния. В этом контексте особое внимание акцентировалось на том, что македонские националисты установили контакты с Западом, способствуя частичному

---

[609] О перцепции Кирилла и Мефодия в СР Македония см.: Поленакович Х. Славянские просветители Кирилл и Мефодий / Х. Поленакович // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 27 – 50.
[610] История македонского народа. – С. 31 – 33.
[611] Там же. – С. 52 – 53.
[612] Там же. – С. 85.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

присоединению македонцев к унии[613]. Подобные контакты, как полагали македонские историки второй половины 1970-х годов, свидетельствовали о включенности македонской истории в европейский контекст[614]. Но ни борьба македонских националистов, ни попытки унии не спасли Македонию от превращения в арену для противостояния Болгарии, Сербии и Греции. Именно поэтому, развивая традиционный для македонского национализма нарратив, македонские историки значительное внимание уделяли критике иностранных пропаганд на территории Македонии.

Македонские интеллектуалы полагали, что в подобной политике соседние державы в качестве своей цели преследовали «задержать историческое развитие македонского народа»[615]. По мнению национально ориентированных македонских исследователей, наиболее опасной была греческая пропаганда в виду того, что греческие власти сотрудничали с властями Османской Империи[616]. Подобная тактика Греции, по мысли македонских интеллектуалов в СР Македонии, служила подтверждением, с одной стороны, неевропейского характера греческой государственности, а, с другой, подтверждало ее изначальный антимакедонский и антиславянский характер.

Особое внимание македонских интеллектуалов в рамках написания истории привлекала деятельность ВМРО (Внутренней македонской революционной организации)[617] – первого институционализированного националистического движения в Македонии. Деятельность ВМРО для македонского научного сообщества имела не только конкретно политическое и историческое, но и символическое значение. Это было связано с тем, что в период своего существования ВМРО действовала не только на той территории, которая позднее вошла в состав СР Македонии, но и на других исторических македонских землях, в том числе и на территории Эгейской Македонии – в частности, в Солуне. В связи с этим, акцентировалось внимание, что именно Солунь стала местом проведения конгресса ВМРО 1896 года, в рамках которого

---

[613] Там же. – С. 122.

[614] О роли оксидентализма в развитии македонского интеллектуального и националистического дискурса см. подробнее: Мојсиева-Гушева Ј. Occident versus Orient / Ј. Мојсиева-Гушева // http://bulgc18.com/occidentalism/guseva.htm; Прокопиев А. За комшијата или агата во Истамбул / А. Прокопиев // http://bulgc18.com/roads/bg/Prokopiev-1.htm

[615] История македонского народа. – С. 140.

[616] Там же. – С. 141.

[617] ВМРО в СР Македонии была посвящена значительная литература, в результате чего сформировался уникальный македонский дискурс восприятия истории этой организации, отличный от болгарского. См.: Катаржиев И. Создание и деятельность ВМРО / И. Катарджив // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 119 – 138. См. так же: Весковиќ-Вангели В. Борбата за независна Македонска република од Илинден до АСНОМ / В. Весковиќ-Вангели. – Скопје, 1995; 100 години ВМРО. Златна книга / упоред. А. Тројановски. – Скопје, 1993; Сто години од основањето на ВМРО и 90 години от Илинденското востание / упоред. К. Богоев. – Скопје, 1993; Катарџиев И. Сто години од формирањето на ВМРО / И. Катарџиев. – Скопје, 1993; Тодоровски З. ВМРО, 1924 – 1934 / З. Тодоровски. – Скопје, 1997; Христов А. ВМРО и македонската државност / А. Христов. – Скопје, 1993.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

территория Македонии была поделена македонскими националистами на шесть революционных округов[618].

В этом контексте македонские интеллектуалы акцентировали внимание на том, что во второй половине 1940-х годов СР Македония была создана в урезанном виде, утратив свои исторические территории, вошедшие в состав Болгарии и Греции. Выше мы предположили, что для македонских интеллектуалов было характерно стремление к виктимизации македонской истории. Исторические события в первой половине XX века, которые имели место в Македонии, анализировались ими как череда войн и разделов исторических македонских территорий соседними государствами, которые не признавали за македонцами права на самоопределение, что привело к разделу Македонии между Болгарией, Грецией и пришедшем на смену Сербии Королевством СХС (Югославией).

Для описаний межвоенной македонской истории интеллектуалами СР Македонии характерен значительный националистический нарратив: сербским, болгарским и греческим властям приписывалось стремление проводить политику колонизации и ассимиляции македонцев[619]. В этом контексте присутствует значительный антиболгарский нарратив, что объясняется оккупацией Македонии в период второй мировой войны именно Болгарией, которая, по мнению македонских историков, проводила последовательную политику, направленную на разрушение и уничтожение македонской идентичности и искусственное насаждение болгарского национального самосознания[620]. Дальнейшая история македонских земель, по мнению македонских интеллектуалов, ознаменована ростом национального движения, которое достигло наивысшего подъема в тех македонских землях, которые раннее входили в состав Югославии. Закономерным итогом этого национального подъема в сербской части Македонии было создание СР Македонии. О более поздних событиях в большой истории Македонии, в частности – в русском издании, македонские интеллектуалы предпочитали не писать, вероятно, по причине идеологической конъюнктуры.

Подводя итоги настоящего раздела, акцентируем внимание на нескольких аспектах соотношения исторического знания и национализма в СР Македонии. История как наука и история как вид гуманитарного знания в Македонии в значительной степени оказывали влияние на развитие национализма, националистического движения, существование, функционирование и трансформацию культурных, политических, национальных идентичностей. Это было вызвано тем, что македонские интеллектуалы в полемике с греческими и болгарскими националистами были вынуждены постоянно доказывать свое право на обладание собственной историей. Кроме этого на более ранних догосударственных этапах македонский национализм обрел значительный опыт националистической исторической рефлексии, от которой было непросто отказаться.

---

[618] История македонского народа. – С. 163.
[619] Там же. – С. 233 – 235.
[620] Там же. – С. 344 – 346.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

В этой ситуации было гораздо проще и эффективнее трансформировать националистические рефлексии и спекуляции в академически оформленные схемы описания, написания и преподавания национальной истории. Именно поэтому, история как наука и история как вид национальной памяти в СР Македонии принадлежала к числу тех наук, которые не только отличались своим особым статусом и междисциплинарным характером, но и требовали от национально ориентированных македонских интеллектуалов постоянной работы исторического воображения – поэтому, исторические темы пользовались столь значительной популярности, что дань историческому (мифо)творчеству отдали не только профессиональные историки, но так же македонские писатели, филологи и литературоведы.

История в СР Македонии была мощным средством национальной и политической мобилизации, используясь для обоснования прав независимой Македонии на существование, для легитимации исторических процессов, для придания легитимного статуса состоявшимся политическим изменениям, для придания легитимности существованию в составе Югославии на правах республики той территории, которая в интеллектуальных традициях Греции и Болгарии воспринималась как неотъемлемая часть греческого и болгарского исторического ландшафта. Именно поэтому македонская историография проявляла значительный национализм в описании и интерпретации прошлого. С другой стороны, македонские интеллектуалы, подобно другим националистам, были примордиалистами.

При этом они осознавали наличие определенной дискретности между античной Македонией и славянской Македонией. Но и в такой ситуации интеллектуальное историческое сообщество в СР Македонии функционировало в условиях почти безраздельного доминирования национальной парадигмы. Исторические исследования в СР Македонии развивались в условиях доминирования национального нарратива и этноцентризма, что обеспечивало преемственность в развитии исторических исследований и интерпретаций, выдержанных в национальных тонах вплоть до распада СФРЮ и создания независимой Македонии, в функционировании интеллектуального сообщества которой национализм продолжает играть значительную роль.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

БОЛГАРСКИЕ НАРРАТИВЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СР МАКЕДОНИИ

Европейские национализмы никогда не развивались изолирована друг от друга. Многие европейские национализмы были вынуждены сталкиваться в виду того, что политические интересы носителей «высокой культуры», который создавали и выстраивали нацию сталкивались с интересами носителями других политических культур, которые, в свою очередь, имели планы не только на территорию, но и на нацию мечты первых. Если для одних неграмотные крестьяне были потенциально нацией, то других они тоже были нацией, но соответственно своей и другой.

В этом контексте мы можем свести противостояние национализмов к противостоянию националистических движений и идеологий больших и малых наций, хотя для Балкан такое деление более чем условно[621]. В минувшем XX столетии на роль больших наций претендовали болгары, сербы и хорваты, что неизбежно вело к игнорированию интересов других групп. Сербские националисты полемизировали с хорватскими, предпочитая не замечать словенских и македонских. Болгарские интеллектуалы имели немало противоречий со своими сербскими коллегами, так же не замечая македонских. Кроме этого сербские и болгарские националисты вели острую полемику между собой относительно Македонии.

В рамках сербского и болгарского дискурсов выработались уникальные исторические традиции исторического воображения и восприятия Македонии как соответственно сербской и болгарской территории. Усилиями сербских и болгарских националистов Македония была настолько глубоко интегрирована в национальные памяти, что и в современных Сербии и Болгарии некоторые радикальные националисты склонны воспринимать Македонию как недоразумение, хотя эта тенденция в наибольшей степени характерна для Болгарии. Подобные интеллектуальные и националистические аспирации со стороны болгарских националистов привели к тому, что в рамках македонского националистического дискурса сформировался образ врага, который нередко ассоциировался именно с Болгарией.

Вероятно, для македонских националистически ориентированных интеллектуалов Болгария была наилучшим образом на конструирование образа врага в виду того, что болгарские националисты не только отрицали существования отдельной македонской нации и македонского языка, но и на протяжении XX столетия неоднократно пыталась присоединить македонские земли к территории Болгарии. Угроза быть аннексированной для македонцев в значительной степени сократилась после завершения второй мировой войны и создания СР Македонии в составе Югославии, которая выступила своеобразным гарантом сохранения македонской идентичности в том варианте, который культивировался македонскими, а не болгарскими интеллектуалами.

---

[621] Об особенностях развития балканских национализмов см.: Тодорова М. Балкани, Балканизъм / М. Тодорова. – София, 1999; Тодорова М. Замислувајќи го Балканот / М. Тодорова. – Скопје, 2001.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

С другой стороны, исторический дискурс в НР Болгарии развивался как националистический, что вело к культивированию македонской тематики в болгароцентристском прочтении и понимании. Такая ситуации, разумеется, не радовала македонских интеллектуалов, которые на протяжении всего существования СР Македонии полемизировали с болгарскими историками, обвиняя их в национализме и экспансионистских амбициях. Для македоно-болгарской историографической дискуссии была характерна «высокая степень политизации исторических дебатов»[622], а сам исторический продукт отличался значительной политизацией.

Кроме этого и в НР Болгарии и в СР Македонии исторические исследования развивались в условиях функционирования националистического дискурса как формы организации гуманитарного знания. Преобладание национальной парадигмы в трудах историков подобных обществ, по словам украинского исследователя Ярослава Грыцака, можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке[623]. Именно поэтому в СР Македонии образ Болгарии функционировал и развивался как образ врага. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что значительная часть представителей политической и культурной элиты СР Македонии в период второй мировой войны принимали участие в партизанском движении, направленном против болгарских оккупационных войск.

В настоящем разделе мы остановимся на болгарских нарративах в рамках македонского интеллектуального дискурса в СР Македонии. Антболгарские настроения с особой силой проявлялись в период второй мировой войны, приведшей к оккупации Македонии болгарской армией. В частности в одном из антифашистских манифестов 1943 – 1944 годов декларировалось, что македонские земли были оккупированы не просто Болгарией, но «великоболгарскими фашистами». С другой стороны, авторы Манифеста, занимая националистические и антикапиталистские позиции, предрекали болгарской монархии распад и разложение[624].

После создания НР Македонии антиболгарские настроения продолжали играть немалую роль в функционировании интеллектуального дискурса – особенно в том его сегменте, который был связан с образом «другого» / «чужого»[625]. Антиболгарские нарративы в рамках интеллектуального дискурса в Македонии были представлены в сфере политической публицистики, заметны в литературных текстах. В частности в 1950 году в Скопье по решению Управления информации при НР Македонии вышел сборник произведений македонских авторов, который был призван стимулировать развитие особой

---

[622] О связи исторических исследований с политикой и националистическим дискурсом см.: Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // An Imperio. – 2003. – № 1. – С. 492.

[623] См.: Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // Ab Imperio. – 2003. – No 2. – С. 444.

[624] Цит. по: Апостолски М. Манифест Главного штаба НОВ и ПОМ / М. Апостолски // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 257.

[625] Об образах «других» в македонском интеллектуальном дискурсе см. подробнее: Катарџиев И. Соседите и Македонија. Вчера, денес, утре / И. Катарџиев. – Скопје, 1998.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

политической идентичности и лояльности. В текстах издания заметен и мощный антиболгарский тренд.

Например, в сборник вошел текст Гане Тодоровски «Наш Сандански», который имел подзаголовок «Клеветникам Радии Софии». Тодоровски заочно полемизировал с болгарскими авторами, которые были склонны видеть в Сандански болгарина и болгарского патриота. Именно поэтому Г. Тодоровски наделяет Сандански македонскими национальными революционными добродетелями, возводя его в ранг одного из негласных отцов македонской нации: «За тебе песнава гласи; знам јас, просторот мал е но широк имаме простор: - целата слободна страна, целиот народ те носи наедно срце со Гоце, нашиот народ го сака Сандански – верниот бранач. Земјата твоја е ширна. Земјата твоја е тоа, народот в борбите роден, заветот твој го знае, името твое е кај нас символ на животот среќен, името твое е кај нас жив дел од денот сјаен. В песнава несакам појке за тебе Јане да пишам нашиот живот е сведок како те сакаме ние, в песнава сакам јас машки подлеци срамни да стишам онака гневно и тврдо, ко ти што такви си биел. Клевети смешни и груби вireат в устите туѓи родот наш книжно бил створен, јазик сме немале мајчин. Старите песни се тоа, песни на нашите врагој, рубата нивна е денес скроена на друг начин. Онака гневно и смело, ти. ко што такви си ринел онака својски и мошно, со мојот роден јазик одвраќам: пцетата лајат, керванот сигурно мине, одвраќам: лагите плитки, народот наш ќе ги згази. Сандански – синот на Пирин, синот на нашата страна дел е од животот суров, дел е од нашата сила; го носи в срцето свое народот слободен станат што цени слобода златна, што љуби земја мила»[626].

В интеллектуальном дискурсе СР Македонии на раннем этапе ее существования Болгария воспринималась как деструктивная сила. Именно поэтому македонские интеллектуалы активно культивировали нарратив о Болгарии как разрушительнице македонской культуре, что стимулировалось и потерями, которые понесли македонские националисты в период второй мировой войны в борьбе против болгарских войск на территории Македонии. Определенный антиболгарский сентимент заметен в текстах, написанных по случаю гибели македонских партизан. Это, например, характерно для произведения Гого Ивановски «За ноќата пролет», посвященного Ацо Караманову, погибшему в «народно-освободительной борьбе»: «Пролет, чинам, беше - ноќ, убава, красна, зборевме на сокак со младински жар, за новиот човек што ќе сонце јасно, ќе огрее славно на земниот шар. Млади бевме тогај, со соколски крила, и на својте чувства ке дадевме лет, но земјата родна ни настапи тиран, се што беше добро го фрли во гнет. И од тој ден мрачен не те видов веке... Чув дека си паднал некаде во бој, да го браниш денот на онаа вечер, што трепкаше в љубов sвезденият рој. Пак е пролет сега - нок, убава, красна, како тогај, друже, јас гледам со жар – човекот се раѓа како сонце јасно и огрева славно на земниот шар»[627].

---

[626] См.: Тодоровски Г. Нашиот Сандански. На клеветниците од Радио – Софија / Г. Тодоровски // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 19 – 20.

[627] Ивановски Г. За ноќата пролет. На Ацо Караманов, ученик поет, загинат в народно-ослободителната борба / Г. Ивановски // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 39.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Одной из сфер их доминирования были исторические исследования в виду того, что история Македонии давала македонским интеллектуалам немало поводов для создания негативного образа Болгарии по причине того, что болгарское государство ассоциировалось с национальным угнетением. Не меньше поводов давали и исторические исследования, посвященные Македонии, выходившие в Болгарии. Македонские интеллектуалы нередко были склонны определять исследования болгарских коллег как ненаучные или антинаучные, солидаризируясь в этом контексте со своими сербскими коллегами, так же уделявшими значительное внимание критике «великоболгарского» национализма[628]. Написание истории является и результатом социальных позиций. Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости[629].

В начале 1970-х годов один из ведущих македонских историков Христо Андонов-Полянски констатировал, что болгарские историки «посягают на национальную независимость» и «целостность нашей югославской социалистической родины»[630], отрицая существование отдельной македонской истории. Христо Андонов-Полянски приписывал историографии НР Болгарии автоматическое воспроизведение идей, характерных для болгарской буржуазной историографии, а самой Болгарии – «отрицание самобытности македонского народа»[631]. Македонские интеллектуалы не принимали и отвергали схему этнической истории Македонии, которая предлагалась болгарскими исследователями[632], стремившимися интегрировать историю Македонии в болгарский исторический, культурный и этнический контекст.

История пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности[633]. Комментируя изыскания болгарских историков в этой области, Хр. Андонов-Полянски настаивал, что этнические процессы в Болгарии и Македонии на протяжении истории не имели ничего общего, развиваясь различными путями[634]. Македонские историки не принимали и болгарскую интерпретацию процессов национального возрождения в Македонии, а так же интернационализации

---

[628] Џамбозовски К. Руски дипломата о великобугарском национализму / К. Џамбозовски // Политика. – 1968. – февруари 18.

[629] О соотношении национального и социального при написании истории см.: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 42.

[630] Андонов-Полянски Хр. Сан-Стефанская Болгария. Ненаучное объяснение македонской истории / Хр. Андонов-Полянски // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 93, 94.

[631] Андонов-Полянски Хр. Сан-Стефанская Болгария. – С. 95.

[632] Войнов М. Към въпроса на българската народност в Македония / М. Войнов // Исторически прегдед. – 1966. – № 5.

[633] См. о связи исторических исследований с развитием идентичности подробнее: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.

[634] Андонов-Полянски Хр. Сан-Стефанская Болгария. – С. 95.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

македонского вопроса[635], полагая, с одной стороны, что болгарские исследователи намеренно отрицали уникальность македонского движения, а, с другой, стремились историографически обосновать территориальные претензии[636].

Македонские интеллектуалы не были склонны радикально разделять политику царской и социалистической Болгарии, полагая, что «болгарская великогосударственная политика»[637] оказывала крайне негативное влияние на развитие македонцев. Македонские историки полагали, что для внешней политики Болгарии исторически характерен экспансионизм, а для болгарских политических элит – идеи культурного и политического мессианизма в регионе Балкан[638]. Именно поэтому в интеллектуальном дискурсе СР Македонии политика Болгарии, например, в период балканских войн определялась как «милитаристскую, шовинистическую и провокационную»[639], а сами болгарские власти обвинялись в целенаправленном преследовании македонского населения с целью его ассимиляции[640].

Македонские интеллектуалы полагали, что в период балканских войн Болгария стремилась поработить македонский народ, установив «новое иго с полной экономической и общественной эксплуатацией и денационализацией, конечной целью которого было стремление полностью ассимилировать македонский народ»[641].

Подводя итоги настоящего раздела, следует принимать во внимание нескольких аспектов, связанных с функционированием (анти)болгарских нарративов в македонском националистическом дискурсе. Антиболгарские настроения были сложным феноменом не только этнического, но и политического плана. За полемикой македонских и болгарских интеллектуалов и националистов скрывались не только национальные противоречия, но и попытки македонских интеллектуалов отделить от болгарской исторической схемы ключевые события македонской истории, которые болгарские националисты считали частью только болгарской исторической традиции. Македоно-болгарская полемика покоилась не только в сфере историографических противоречий. Она имела и политические основания. Македонские интеллектуалы в СР Македонии нередко акцентировали внимание и на том, что македонцы в НР Болгарии подвергаются преследованиям и попыткам ассимиляции.

---

[635] Панайотов И. Из дипломатическата история на Сан-Стефанския договор / И. Панайотов // Исторически преглед. – 1966. – № 5; Кратка история на България. – София, 1958; Кратка история на България. – София. 1962.

[636] Андонов-Полянски Хр. Сан-Стефанская Болгария. – С. 97.

[637] Катарджиев И. Создание и деятельность ВМРО / И. Катарджиев // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 135.

[638] Стоянов П. Разделение Македонии на три части / П. Стоянов // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 202 – 203.

[639] Стоянов П. Разделение Македонии на три части. – С. 205.

[640] Там же. – С. 213.

[641] Там же. – С. 215.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Ключевым моментом в полемике между болгарскими и македонскими интеллектуалами было принципиальное несогласие македонцев принимать участие в болгарском национальном проекте, в рамках которого македонская идентичности была только региональной версией общеболгарской национальной идентичности. В такой ситуации македонские национально ориентированные интеллектуалы полагали необходимым институционализировать македонскую идентичность. Критика Болгарии и конструирование неаттрактивных болгарских образов представляла собой эффективную стратегию укрепления македонской идентичности именно как македонской и отличной от болгарской.

Политическая компонента играла важную роль в формировании и функционировании болгарских образов в рамках македонской националистической традиции. Подобные тенденции в македонском националистическом дискурсе доминировали на протяжении существования СФРЮ. После распада Югославии и появления независимой Македонии македоно-болгарская полемика обрела новые формы. В Болгарии действует ряд научных и общественных институций, которые в своей деятельности эксплуатируют македонскую тематику, интерпретируя ее в контексте болгарской истории. Кроме этого в болгарском Интернете существует несколько сайтов македонской тематики, которые культивируют образ Македонии как исторической болгарской территории, отрицая независимый статус македонской нации и языка.

Македонский дискурс в рамках современного болгарского национализма развивается как политический и этнический одновременно. Подобные националистические практики болгарских интеллектуалов не находят понимания в Македонии, способствуя, с одной стороны, этнизации македонских националистических трендов и, с другой, не содействуя улучшению отношений между Македонией и Болгарией на уровне двусторонних отношений.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«ГРЕЧЕСКИЕ» НАРРАТИВЫ В МАКЕДОНСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-Х ГОДОВ

Формирование и развитие национальной идентичности, нормальное функционирование и воспроизводство националистического дискурса невозможно только в условиях постоянной рефлексии относительности самости и уникальности сообщества и нации. Одним из наиболее действенных способов поддержания если не идентичности, то националистического динамики и национального чувства на должном уровне является формирование образа чужого, образа врага. Образ врага является сложным и многоуровневым явление, появление которого, вероятно, не следует связывать с деятельностью исключительно националистов, как носителей «высокой культуры», хотя роль интеллектуалов в формировании концепта чуждости не вызывает сомнений.

Если на ранних этапах развития национализма формированием образов чужого и другого занимались националисты, которые сочетали политическую деятельность с научными штудиями и изысканиями, то на протяжении XX столетия значительный вклад в формирование концептов неаттрактивной чуждости внесла академическая и университетская наука. В новых государствах, которые на политической карте мира появились во второй половине XX века, система высшего образования, представленная университетами, и науки, которая развивалась в рамках тех же университетов, академии и научных институтов была не просто системой образования, но и средством постоянного воспроизводства национальной идентичности, которая стимулировалась и укреплялась в условиях предложения со стороны интеллектуалов студентам образов чужого и чуждости / инаковости.

В 1962 году Д. Томпсон подчеркивал, что в национальных государствах восприятие истории обречено быть националистическим[642]. СР Македония, несмотря на то, что не являлась независимым национальным государством в полном смысле слова, не была исключением. Националистически дискурс доминировал в гуманитарных исследованиях. Учебная литература, а так же научные издания были теми каналами, которые использовались националистически ориентированными интеллектуалами для культивирования образа чужого и его экспорта в массы. Нарративы, призванные сконструировать воображаемую географию чуждого мира формируются исторически, возникая в результате контактов между носителями националиста и их противниками. Основанием для формирования подобных образов может служить иная национальная и / или политическая идентичность другой группы. Образы чуждости и инаковости формируются в результате радикального отделения собственной идентичности от других идентичностных проектов.

Образы чужого не представляют собой статичные конструкты, подвергаясь постоянной ревизии в зависимости от конкретной политической ситуации и

[642] Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

конъюнктуры[643]. Не является исключением и македонский национализм. В рамках македонского националистического дискурса на протяжении XX столетия сформировался образ нарративов, призванных описывать чужое. Создание образов «другого» для балканских национализмов стало универсальным культурным кодом и средством создания особого политического языка[644]. Для развития образа «чужого» в македонском национализме характерна особая динамика. Если в первой половине XX века наилучшими кандидатами для формирования образа врага были сербы, болгары и греки, то во после завершения второй мировой войны и создания в рамках Югославии СР Македонии накал антисербских настроений в македонском националистическом дискурсе заметно снизился.

С другой стороны, антиболгарские и антигреческие нарративы продолжали играть свою роль. В настоящем разделе мы остановимся на (анти)греческом тренде и греческих образах в македонском национализме. Для македонских интеллектуалов македонские территории, оказавшиеся в составе Греции, были неотъемлемой частью Македонии[645], будучи глубоко интегрированными в македонский националистический дискурс. Одновременно греческие националисты полагали, что Македония является исконно греческой территорией, а македонцы – потомками диких славянских племен[646]. Антиславянский нарратив, характреный для греческой историографии, отличается значительной устойчивостью[647]. Антигреческие нарративы стимулировались тем, что из политического проекта, реализуемого в СР Македонии, были исключены исторические македонские территории, которые

---

[643] О развитии образа чужого в рамках балканских (славянских) национализмов в контексте развития «греческих нарративов» см.: Велкова С. «Славянският съсед» и гръцкият национален «образ аз» / С. Велкова. – София, 2002.

[644] В теоретическом плане об этом см.: Nuhoglu Soysal Y., Antoniou V. A Common Regional Past? Portrayals of the Byzantine and Ottoman Heritages from Within and Without / Y. Nuhoglu Soysal, V. Antoniou // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 53 – 72; Stathi P. Dealing with Ottoman past in Greek Chronicles / P. Stathi // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 73 – 80; Anagnostopoulou S. “Tyranny” and “Despotism” as National and Historical Terms in Greek Historiography / S. Anagnostopoulou // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 81 – 90; Kalionski A. Ottoman Macedonia in Bulgarian History Textbooks for Secondary School / A. Kalionski // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 276 – 280; Kalionski A., Kolev V. Multiethnic Empires, National Rivalry and Religion Bulgarian History Textbooks / A. Kalionski, V. Kolev // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 117 – 132.

[645] Егејска Македонија во нашата национална историја. – Скопје, 1951.

[646] О греческом национализме см.: Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми от XIX век / Н. Данова. – София, 1980; Китромилидис П.М. От кръста към флага: Аспекти на християнството и национализма на Балканите / П.М. Китромилидис / състав. Върбан Тодоров. –София, 1999.

[647] Об этом см. подробнее: Vlassidis V. School Celebrations in Greek Macedonia / V. Vlassidis // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 286 – 288; Karakatsani K. The Macedonian Question in Greek History Textbooks / K. Karakatsani // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 289 – 293; Herzfeld M Ours Once More: Folklore, Ideology, and the Making of Modern Greece New York: Pella Publishing Company / M. Herzfeld. – NY., 1985.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

находились на территории Греции[648], а политика греческого правительства, в независимости от политического режима, в отношении македонцев служила причиной почти постоянного раздражения со стороны македонских националистически ориентированных интеллектуалов. В 1992 году Джонатан Фридмэн подчеркивал, что история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент[649].

Греческие нарративы в македонском интеллектуальном дискурсе развивались как феномен, состоявший из двух уровней. С одной стороны, собственно греческое влияние в истории Македонии активно использовалось македонскими интеллектуалами для критики политики Греции, которая рассматривалась как антиславянское государство. С другой стороны, македонские авторы были склонны отделять македонскию сюжеты от греческих. Это разделение не было изобретением исключительно социалистического периода в в македонской интеллектуальной традиции, имея истоки в народной традиционной македонской культуре.

До создания СР Македонии македонские националистически ориентированные интеллектуалы неоднократно предпринимали попытки, опираясь на устную традицию македонского крестьянства, разграничить древню Грецию и древнюю Македонию, сознательно наделив последнюю славянскими чертами, используя тексты, созданные в недрах македонской народной культуры. Иными словами, народный срез славянской культуры демонстрировал один из возможных вариантов интеграции античного наследия и славянской современности. На протяжении XIX века македонские интеллектуалы неоднократно предпринимали попытки славянизировать само понятие «Македония», наделив его славянским культурным, языковым и этническим контентом, поставив тем самым под сомнение греческие претензии на Македонию.

Например, в 1840 году Джорджия Македонски писал: «Славјанското писмо го изучив от татко ми, Дмитрија Маќедонски, која така се вика за што сме Маќедонци, а не Грци, а неговиот татко се викал Јосиф, свјаштеник. И ја прекорот си го зедов Маќедонски, а не по татко ми и дедо ми, за де знае от сме

---

[648] В греческом историческом дискурсе Македония, по мнению А. Улуняна, Македония была лишь «историко-георгафической областью», которая «отождествлялась всегда с греческой национальной историей и греческой государственностью». В соответствии с традициями греческой националистической интерпретации македонской истории А. Улунян описывает Македонию как преимущественно греческий регион, лишь бегло упоминая, что там проживали и славяне, не разделяя их на славян и македонцев. Кроме этого, описывая греческие национальные инициативы и борьбу за объединение территорий, населенных греками, А. Улунян предпочитает не упоминать о планомерной политике греческих властей, направленных на уничтожение идентичности национальных меньшинств. См.: Улунян А.А. Модернизация по-гречески: между переворотами и революциями, монархией и республикой / А.А. Улунян // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века) / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004. – С. 144 – 145. О греческом национализме см. так же: Никитина Т.В., Петрунина О.В. Идея нации и национальное сознание в Греции / Т.В. Никитина, О.В. Петрунина // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. – М., 2005. – С. 459 – 495.

[649] Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Славјани от Маќедонија»[650]. В конце 1840-х годов некий священний Димитрий подчеркивал, что «моето отечество Македонија страда от Грците»[651]. Наиболее четко стремление отделить и разграничить «македонское» и «греческое» характерно для Дж. Пулевски, который в своей книге «Речник на три јазици» указывал, что «Името на нашата татковина е Македонија и ние себе си се нарекуваме Македонци… Македонија била славна уштк од времето на на императорот Александар Велики»[652]. Джорджия Пулевски известен как и автор поэмы «Самовила Македонска». В произведении, написанном в 1878 году, он констатировал:

Дал сте чуле, Македонци, стари луде што говорат:
*Од Македонци по**ј**унаци над них не било –*
Цар Александар Македонски
за триста лет до Христа
со Македонци всю вселену повладал
*Наш Краљ Филип – Слав**ј**анин е,*
*Цар Александар – Слав**ј**анкин,*
*наши баби Слав**ј**анки ги родиле,*
*Македонци сетите се за **ј**унакство македонско*
та спроти старих вие сега да следувате…[653]

В другом своем произведении «Македонцим ув прилог» Ддорджия Пулевски стремился подчеркнуть непосредственную связь и континуитет между древними македонцами и славянами:

*Татковино **ј**е ово место мило Македонцим,*
Кралевина било под краљом Филипом
*Старо царстов **ј**есте от цара Александра*
Наш цар македонски,
познат Александар Велики ув вселени
*он**ј**е наше царство во Полуостров Балкански*
***ј**е го оставил все горским слов**ј**аним…*[654]

Македонские интеллектуалы в СР Македонии, анализируя греческие аспекты, связанные с историей Македонии, продолжая традиции своих предшественников, предлагали комплекс нарративов призванных описать негативную роль Греции в македонской истории. Применение истории в СР

---

[650] См. подробнее: Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. – Скопје, 1981. – Т. 1.
[651] Цит. по: Ristovski B. Macedonian and Macedonian People / B. Ristivski. – Skopje, 1999. – P. 104.
[652] Пуљевски Ђ. Речник от три језика / Ђ. Пуљевски. – Београд, 1875. – Књ. 2. – С. 67.
[653] См. подробнее: Пулевски Ѓ. Славјано-маќедонска општа историја / Ѓ. Пулевски. – Скопје, 2003. – С. XIII.
[654] Цит. по: Додовска И. Будењето на македонскиот национален идентитет во XIX век, преку митот за Филип и Александар Македонски / И. Додовска // Политичка Мисла. – 2006. – № 16. – С. 34.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Македонии не ограничивалось изучением только прошлого. История в македоно-греческой полемике могла быть, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором. Восприятие истории было причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности[655]. Для исторических исследований в Македонии был характерен значительный националистический компонент. Среди историков было немало националистов: «история историков является и их идентичностью»[656]. Крсте Битоски во второй половине 1960-х годов полагал, что греческие власти на протяжении истории XX века в отношении македонцев руководствовались своими националистическими аспирациями, стремясь ассимилировать и эллинизировать македонское население.

Крсте Битоски, в частности, полагал, что греческая православная церковь была орудием в руках греческих националистов, которые стремились к территориальным захватам за счет присоединения славянских территорий. С другой стороны, Кр. Битоски акцентировал внимание и на том, что греческие церковники в регионах населенных славянами, не только стремились ассимилировать македонцев, но и проводили интересы греческой буржуазии. Именно поэтому, Крсте Битоски полагал, что за деятельность греческой церкви скрывался и мощный классовый бэк-граунд в виду того, что церковная организация выступала не только в качестве религиозной институции, но и действовала как «эксплуататор христианского населения»[657]. Таким образом, в концепции, которую предлагал Кр. Битоски, греческая православная церковь предстает не только как национально враждебная для македонцев институция, но и как социально чуждая.

По мнению Кр. Битоски, деятельность греческой церкви имела крайне негативные результаты в силу того, что в контексте и болгарской пропаганды способствовала фрагментации македонского националистического дискурса, выделению в его рамках эллинофильского и болгарофильского течений[658]. Македонские интеллектуалы в СР Македонии приложили немала усилий для конструирования непривлекательного и отрицательного образа грека. Предполагалась, что греческая церковь была антимакедонской институцией в силу того, что служба велась на греческом языке, который активно использовался и в сфере религиозного образования[659]. Использование именно греческого языка в сфере образования, как полагали македонские интеллектуалы, было «главным средством эллинизации македонского населения»[660].

По мнению македонских интеллектуалов второй половины 1960-х годов греческие власти на протяжении 1870 – 1910-х годов в своей политике

---

[655] Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Gottingen, 1999.
[656] Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 52.
[657] См. подробнее: Битоски Кр. Дејноста на Пелангониската Митрополија (1878 – 1912). Грчки религиозно-просветни и вооружени акции / Кр. Битоски. – Скопје, 1968. – С. 30.
[658] Битоски Кр. Дејноста на Пелангониската Митрополија. – С. 5 – 10.
[659] Там же. – С. 15.
[660] Там же. – С. 17.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

руководствовались планами создания Великой Греции, в которой не было бы места для славян. Ради реализации этой цели греческие власти начали пропаганду (в рамках которой стремились доказать, что Македония является исторически греческой территорией, а македонцы – греками, предки которых вынужденно перешли на македонский язык), служившую поводом для критики со стороны македонских интеллектуалов и создания негативного образа Греции[661]. Македонские интеллектуалы в СР Македонии акцентировали внимание и на том, что «антиславянство было главным паролем в деятельности греческой церкви»[662].

Крсте Битоски полагал, что Церковь стремилась эллинизировать Македонию, превратив ее в «твердыню грецизма». По мнению македонских интеллектуалов «за самыми пламенными реализаторами великогреческой политики» стояли деятели греческой Церкви[663]. Греческая Церковь в работах македонских интеллектуалов получала самые негативные оценки, интерпретируясь ими как «носительница и рассадник грецизма и огречивания в Македонии» («носител и расадник на грцзмот и на грцзирањето во Македонија») и «главный носитель греческой пропаганды в Македонии» («главен носител на грчката пропаганда во Македонија»[664]). Поэтому в македонской интерпретации деятельности Греческой Церкви греки предстают как «проводники великогреческой политики в Македонии» («спроводници на великогрчката политика во Македонија»), которые занимались «распространением греческой идеи»[665].

Значительную роль в развитии, функционировании и воспроизводстве греческого националистического дискурса играла Православная Церковь, в частности – Константинопольская Патриархия, которая, по словам, Кр. Битоски представляла собой исключительно греческий проект («Цариградската паријаршија била грчка институција»[666]), в рамках которого интересы верующих, говоривших на македонском языке, игнорировались и во внимание не принимались. Этой тактике греческая церковь наиболее активно следовала в городах, стремясь превратить их в центры ассимиляции и эллинизациии македонцев, где активно действовали «фанатизирани гркомани»[667] – проводники греческой пропаганды.

Подобная греческая политика македонскими интеллектуалами определялась как «великогреческая политика» («великогрчката политика»), «эллинизаторская деятельность» («елинизаторска дејност») и «денационализаторская политика» («денационилизаторска политика»)[668], направленная на недопущение появления у македонского народа (македонскиот народ) его собственной национальной церкви («родна црква»), на насильственное распространение греческого национального самосознания среди

[661] Там же. – С. 79.
[662] Там же. – С. 83.
[663] Там же. – С. 49.
[664] Там же. – С. 17, 40.
[665] Там же. – С. 39 – 40.
[666] Там же. – С. 16.
[667] Там же. – С. 17.
[668] Там же. – С. 16.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

негречнских народов путем распространения греческого языка и литературы[669]. Именно поэтому, по мнению македонских интеллектуалов, греческие священники были наиболее опасными противниками «культурной эмансипации македонского народа» («културна еманципација на македонскиот народ»[670]). В этом контексте заметен мощный примордиалистский тренд македонской традиции историонаписания во второй половине 1960-х годов. Для македонских интеллектуалов греко-македонское противостояние было почти внеисторическим в виду столкновения не столько политических интересов, сколько македонцев и греков как носителей изначально разных идентичностей.

Подводя итоги настоящего раздела, следует принимать во внимание нескольких аспектов, связанных с функционированием антигреческих нарративов в македонском националистическом дискурсе. Антигреческие настроения были сложным феноменом не только этнического, но и политического плана. За полемикой македонских и греческих интеллектуалов и националистов скрывались не только национальные противоречия и попытки македонских интеллектуалов вписать и интегрировать в македонский культурный и исторических контекст моменты, которые греческие националисты считали частью только греческой исторической традиции.

Македоно-греческая полемика имела и политические основания. Македонские интеллектуалы в СР Македонии нередко акцентировали внимание и на том, что македонцы в Греции подвергаются преследованиям и попыткам ассимиляции не только в виду националистической политике македонских правящих элит, но и в силу того, что в Греции, в отличие от Македонии, доминировал капиталистический строй. Политическая компонента играла важную роль в формировании и функционировании греческих образов в рамках македонской националистической традиции. Подобные тенденции в македонском националистическом дискурсе доминировали на протяжении существования СФРЮ.

После распада Югославии и появления независимой Македонии ситуация изменилась. Политические тренды утратили свою актуальность. С другой стороны, националистический дискурс подвергся этнизации и трансформации в сторону этнического национализма. Степень этнизации была не столь значительной в отличие от национализмов в Сербии, Боснии и Хорватии. Поэтому греческие нарративы в македонском националистическом дискурсе продолжили развиваться как преимущественно политические тренды.

---

[669] Там же. – С. 16 – 17, 39.
[670] Там же. – С. 39.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ОКЦИДЕНТАЛИЗМ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ГРУЗИНСКОЙ ССР

Советский Союз середины 1960-х годов представлял собой многонациональное государство с авторитарным политическим режимом, который управлял республиками, созданными по национальному принципу и интегрированными в советскую модель федерализма. По сравнению с 1930 – первой половиной 1950-х годов политическая ситуация в СССР изменилась и хотя репрессии, как метод политического принуждения и управления и как форма сознательного конструирования политического ландшафта, остались в прошлом, в Советском Союзе никто не отменял политическую лояльность. Политическая лояльность в СССР была тесно связана с советской идентичностью, и, вероятно, важнейшими проявлениями политической лояльности для гуманитарных интеллигенций в союзных республиках было членство в коммунистической партии и написание / конструирование своих текстов в соответствии с принятыми канонами. Известно, что в СССР публикация статьи и тем более монографии без обязательных пассажей, связанных с решениями очередного съезда партии или достижениями советского государства, было редким и исключительным явлением. В наибольшей степени советизированной в СССР была русская интеллигенция. Национальные интеллигенции так же подверглись принудительной советизации, но ее степень нередко была различной, варьируясь от одной национальной республики к другой.

Вероятно, второй по уровню советизации и преданности советскому режиму в европейской части СССР была белорусская, наиболее денационализированная, интеллигенция. Меньшую лояльность проявляла украинская интеллигенция, связанная с национальным и диссидентским движением. Самыми национально и / или националистически ориентированными и наиболее строптивыми, доставлявшими значительное число проблем советским органам, связанным с цензурой и идеологией, были интеллигенции периферийных европейских республик – трех балтийских и трех закавказских. Если в Прибалтике была жива память о двадцатилетнем периоде независимого политического развития между двумя мировыми войнами, то для закавказских интеллектуалов в наибольшей степени стимулирующим к оппозиционности и протесту фактором была национальная идентичность[671], которая значительно отличалась от русской советской идентичности[672]. В наибольшей степени это проявлялось в рамках грузинской и армянской национальных интеллигенций. От русского массива они были ограждены, с одной стороны, массивом северокавказских национально-территориальных субъектов РСФСР.

---

[671] Об идентичности в теоретическом плане см.: Смит А. Националната идентичност / А. Смит / прев. Н. Аретов. – София, 2000; Тодоров В. Етнос, нация, национализъм: Аспекти на теорията и практиката. – София, 2000.

[672] См. подробнее: Кирчанов М.В. Европейская идея в интеллектуальной истории стран Балтии и проблемы сохранения национальной идентичности в советский период / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2007. – Вып. 9. – С. 11 – 25.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

С другой стороны, только армяне и грузины (подобно латышам, литовцам и эстонцам) сохранили привилегию не использовать кириллицу. Грузинских интеллектуалов, например, с латышскими или эстонскими, сближало не только это, но и своеобразный окцидентализм, с которым советский канон пытался бороться, но особых успехов в деле борьбы с подобными проявлениями «буржуазного национализма» советские власти не достигли. Прозападные настроения проявлялись в исторических и литературных исследованиях, что было особой формой проявления национализма и оппозиционности[673]. Несмотря на то, что в СССР Грузия не имела, в отличие от Прибалтики, репутации «советского Запада», местная гуманитарная интеллигенция оказалась не чуждой европейских идей и проевропейских симпатий. Именно анализу грузинского интеллектуального окцидентализма 1960 – 1980-х годов в гуманитарных (литературоведческих) исследованиях будет посвящен настоящий раздел. Прежде чем непосредственно обратиться к заявленной выше проблеме, следует сделать несколько вводных замечаний. Грузинский окцидентализм был явление чрезвычайно сложным, многоуровневым интеллектуальным феноменом. В грузинском интеллектуальном дискурсе означенного периода окцидентализм осознавался как европеизм, понимаясь, с одной стороны, как проявление европейского характера грузинской культуры, с другой, интерес к Европе / Западу со сторону грузинских интеллектуалов. В интеллектуальном дискурсе Грузинской ССР особое внимание так же акцентировалось и на том, что Грузия исторически привлекала внимание европейцев – поэтому, особое внимание уделялось изучению корпуса источников, в которых отражены проблемы грузинской истории и культуры.

Истоки грузинского окцидентализма разнообразны. Это, с одной стороны, традиционно присущий грузинской культуре, начиная с эпохи Средних Веков, интерес к Западу, Европе, который в течение длительного времени ассоциировался почти исключительно с религиозными контактами между грузинским православием и европейским католицизмом. Наивысший пик грузинского интереса к Европе пришелся на конец XIX – первую четверть XX столетий. Кроме этого грузинские интеллектуалы того времени могли возможность контактировать с Западом и Европой при посредничестве русской культуры, хотя этот фактор, вероятно, не следует преувеличивать, принимая во внимание, что для грузинской культурной традиции значительный интерес к Западу был характерен и до присоединения к Российской Империи.

Обратимся непосредственно к текстам работ интеллектуалов Грузинской ССР, которые образуют окцидентальный дискурс в советской грузинской

---

[673] Подробнее в теоретическом плане об этом см.: Koren S. Hungarians and Hungarian History in Croatian History Textbooks / S. Koren // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 168 – 190; Koren S. Yugoslavia: a Look in the Broken Mirror. Who is the “Other”? / S. Koren // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 193 – 202; Karge H. Between Euphoria, Sober Realisation and Isolation. “Europe” in the History Textbooks of Former Yugoslavian Countries / H. Karge // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 203 – 226; Potočnik D., Raztopnik J. The Second World War and Socialistic Yugoslavia in Slovenian Textbooks / D. Potočnik, J. Raztopnik // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 228 – 231.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

интеллектуальной традиции. Среди наиболее оригинальных и крупных литературоведов-окциденталистов в Грузинской ССР 1960 – 1980-х годов была исследовательница русского происхождения Н.К. Орловская (ნატალია ორლოვსკაია)[674], известная как автор двух крупных исследований «Грузия в литературах Западной Европы XVII – XVIII веков»[675] и «Вопросы литературных связей Грузии с Западом»[676], которые не совсем вписывались в официальный идеологический дискурс советского литературоведения. Н. Орловская полагала, что грузинский европеизм имеет не только давние исторические истоки, но и развитые культурные традиции. Начала контактов Грузии с тем, что позднее станет западным христианским миром Н. Орловская датировала периодом контактов Колхиды и Иберии с Грецией и Римом. По мнению Н. Орловской, позднее на смену грекам, которые были посредниками в отношениях Грузии с Западом, грузинские земли установили контакты непосредственно с европейскими государствами, например – с итальянскими городами[677]. Захват Константинополя турками значительно сузил круг европейских связей, но не разрушил их окончательно[678].

Важным каналом общения Грузии с Западной Европой стала деятельность на территории грузинских земель представителей католических религиозных орденов[679]. Именно католические монахи изучали грузинский язык и литературу, популяризировали в Европе (в частности – в Италии) грузинский язык и культуру, выполняли посреднические роли между грузинскими и европейскими политическими и культурными элитами. Как указывала в 1965 году Н. Орловская, грузинская проблематика в литературах Запада возникла непосредственно в результате развития «связей западноевропейских стран с Грузией»[680] без постороннего влияния, что, вероятно, воспринималось грузинскими интеллектуалами того времени как результат принадлежности Грузии к Европе. Н. Орловская подчеркивала, что на протяжении XVII – XVIII столетий «немало европейцев побывало в Грузии или сталкивалось с грузинами за пределами их родины», а сама Грузия имела устойчивые интересы на Западе[681]. В частности, по мнению советских грузинских исследователей, значительную роль в установлении, укреплении и развитии отношений Грузии с Западом сыграл во второй половине 1620-х годов посол царя Кахетии Теймураза I Николоз

---

[674] ნატალია კონსტანტინეს ასული ორლოვსკაია [Natalia Konstantines asuli Orlovskaia]

[675] საქართველო XVII – XVIII საუკუნეების დასავლეთ ევროპის ლიტერატურაში [Sakartvelos XVII – XVIII saukuneebis dasavlet evropis literaturashi]

[676] დასავლეთთან საქართველოს ლიტერატურული ურთიერთობის საკითხები [Dasavlettan sakartvelos literaturuli urtiertobis sakitkhebi]

[677] О контактах Грузии с Италией см.: თამარაშვილი მ. ისტორია კათოლიკობისა ქართველთა შორის / მ. თამარაშვილი. - ტფილსის, 1902 [Tamarashvili M. Istoria katolikobisa kartvelta shoris / M. Tamarashvili. – Tbilisi, 1902].

[678] Орловская Н.К. Грузия в литературах Западной Европы XVII – XVIII веков / Н.К. Орловская. – Тбилиси, 1965. – С.5.

[679] См. подробнее: Орловская Н.К. Грузия в литературах Западной Европы XVII – XVIII веков. – С. 166 – 167.

[680] Там же. – С. 155.

[681] Там же. – С. 165.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Ирубакидзе-Чолокашвили[682] известный так же как Никифор Ибрахи[683], который «оставил свой след в истории культурных связей Италии с Грузией»[684].

Грузинские интеллектуалы 1960-х годов полагали, что интерес грузинских деятелей культуры прошлого к Европе породил ответный интерес к Грузии на Западе, что выразилось в ранней истории европейского ориентализма и интереса к Востоку[685] в силу того, что далекая Грузия, томившаяся под гнетом мусульман, не была понята и «воображена» европейцами того времени как именно европейская страна. В связи с этим Н. Орловская, вероятно, вынужденно (в силу доминирования официального канона в советском литературоведении) констатировала, что «к рассмотрению вопроса о Грузии в западноевропейских литературах следует подходить, исходя из особенностей развития литературных связей Европы с Востоком»[686]. С другой стороны, Н. Орловская подчеркивала, что «Грузия, страна древней культуры, сохранившая свое лицо в борьбе против экспансии могущественных окружавших ее мусульманских государств, была своеобразно воспринята и представлена в литературе европейских народов»[687]. В западном культурном дискурсе XVII – XVIII веков Грузия воспринималась как борющаяся христианская страна. Н. Орловская в связи с этим подчеркивала, что «трагические события в Грузии, разоренной нашествием шаха Аббаса, героическая гибель царицы Катеван[688] произвели сильное впечатление на [европейских – М.В.] современников»[689]. Европейские авторы того времени четко не могли сформулировать цели этой борьбы, вероятно, полагая, что основной задачей Грузии было сохраниться в качестве христианской, то есть европейской (западной) страны.

Понимание и осознание Грузии на Западе как борющегося государства, по мнению Н. Орловской, повлияло и на формирование в европейских литературах такого явления как романтизм[690] в силу того, что грузинская история давала немало примеров борьба за идеалы христианства и в значительной степени мифологизированная на Западе была источником сюжетов для европейских авторов. С романтическим каноном восприятия Грузии, как полагала Н. Орловская, был связан и некий гендерный контент (но при крайне незначительном упоминании самой известной грузинской женщины – царицы Тамар[691]) в европейских описаниях Грузии, авторы которых уделяли значительное внимание грузинским женщинам – их красоте, христианской религиозности, воинственности за веру[692]. В конце XVIII – начале XIX века интерес на Западе к Грузии, по мнению грузинских интеллектуалов середины 1960-х годов, подвергся значительным трансформациям. Если в более ранний период Грузия

---

682 ნიკოლოზ ირუბაქიძე-ჩოლოკაშვილი [Nikoloz Irubakidze-Cholokashvili]
683 იბრახი [Ibrahi]
684 Орловская Н.К. Грузия в литературах Западной Европы. – С. 165.
685 Там же. – С. 15 – 17.
686 Там же. – С. 27.
687 Там же. – С. 13.
688 ქათევან [Katevan]
689 Орловская Н.К. Грузия в литературах Западной Европы. – С. 35.
690 Там же. – С. 44 – 45.
691 თამარ [Tamar]
692 Орловская Н.К. Грузия в литературах Западной Европы. – С. 44, 46.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

интересовала западных европейцев с религиозной точки зрения или интерес к ней был вызван развитием романтических трендов в западных культурах, то к началу XIX столетия ситуация изменилась. Заинтересованность европейцев стала более научной[693], хотя европейские авторы того времени страдали от нехватки источников, хотя сами названия литературных произведений на грузинском языке «Ростомиани»[694], «Висрамиани»[695], «Дареджаниани»[696] и «Тамариани»[697] были известны европейцам. Интерес к Грузии на Западе, таким образом, имел в то время главным образом религиозный бэк-граунд, основываясь на идее европейской общности как христианской семьи, противостоящей внешним религиозным (в первую очередь – исламским) вызовам.

К середине 1980-х годов окциденталистские тенденции в интеллектуальном пространстве Грузии не только не стали слабее, но и в некоторой степени усилились, о чем, в частности, свидетельствует упомянутая выше монография Н. Орловской «Вопросы литературных связей Грузии с Западом». Книга в среде корпуса подобных грузинских публикаций представляет попытку систематизации сведений о Грузии в интеллектуальном дискурсе Запада. С другой стороны, заметен и политизированный сентимент этого текста, изданного на русском языке, который вероятно состоял в попытке подчеркнуть для русского читателя западный характер грузинской культурной и интеллектуальной традиции прошлого. Н. Орловская поставила своей целью проанализировать грузинские темы и мотивы в литературах Запада. В схеме, предложенной Н. Орловской, Грузия и грузинская культурная традиция выступала не только в качестве пассивного реципиента западных идей – Грузия была западной и европейской страной, чем можно объяснить интерес к ней со стороны европейских писателей. Н. Орловская полагала, что роль грузинских мотивов в литературном дискурсе Запада была в значительной степени сходна с ролью тем, связанных с Грецией и Ромом. Именно поэтому европейские авторы помещали своих героев не только в античные греческие, но и в древнеиберийские декорации, что, например, относится к роману английского драматурга XVI века Филиппа Сидни «Аркадия»[698].

С другой стороны, Н. Орловская исходила из того, что до XIX века отношения между Грузией и Западом не отличались постоянность, а сама окциденталистская традиция в Грузии в силу этого обстоятельства не могла возникнуть. По мнению Н. Орловской, ее появление следует датировать XIX столетием – периодом, когда «в Грузию из европейских стран приезжают и подолгу живут коммерсанты и предприниматели… с 1851 года в Тифлисе выступала итальянская оперная труппа… в Грузию стало приезжать большее

---

[693] Там же. – С. 190 – 191.

[694] როსტომიანი [Rostomiani]

[695] ვისრამიანი [Visramiani]

[696] დარეჯანიანი [Daredzhaniani]

[697] თამარიანი [Tamariani]

[698] Орловская Н.К. Вопросы литературных связей Грузии с Западом / Н.К. Орловская. – Тбилиси, 1986. – С. 7 – 18.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

количество иностранцев, а грузины чаще стали выезжать в европейские страны»[699].

Кроме этого в Грузии, подобно другим регионам Российской Империи, активно развивалось национальное движение и, поэтому, местные интеллектуалы уделяли значительное внимание популяризации в Грузии западной культуры, что, например, выражалось в переводах на грузинский язык произведений европейских авторов, в том числе – и итальянских[700]. В условиях развития грузинского национального движения в XIX столетии и его более поздней активизации в интеллектуальном дискурсе Грузии возник значительный интерес к Западу, как правило, среди носителей «высокой культуры», что стало основой для формирования феномена грузинского окцидентализма, хотя некоторые элементы сознательного и направленного изучения Запада грузинскими интеллектуалами имели место и в XVIII веке, что, например, относится к деятельности Сулхан-Саба Орбелиани (სულხან-საბა ორბელიანი[701]), составившего один из первых словарей грузинского языка, уделив при этом значительное внимание европейским, итальянским, заимствованиям[702].

В развитии грузинского окцидентализма заметна определенная динамика, связанная со сменной проевропейских приоритетов грузинских интеллектуалов. Если на наиболее раннем этапе интереса к Западу в центре внимания грузинских авторов была Италия, по позднее ее место занимали соответственно Франция, Германия и Англия. Это вовсе не означает, что грузинские авторы не проявляли интереса к Европе в целом – грузинский ориентализм был сложным и многоуровневым культурно-интеллектуальным феноменом. Проявлением интереса, например, к английской культуре стали переводы произведений В. Шекспира[703], Ч. Диккенса[704] и Д. Дефо[705] на грузинский язык. В позднем советском интеллектуальном дискурсе грузинский окцидентализм представлен, например, исследованием Давида Лашкарадзе (დავით ლაშქარაძე[706]) «Проблема европеизма в грузинской литературе»[707]. Лашкарадзе полагал, что для истории грузинской литературы был характерен значительный окцидентальный тренд, а пребывание Грузии политически на Востоке было результатом исторической случайности в то время, как культурно и исторически Грузия была, по его мнению, ближе к Западу, а «европейская культурно-политическая ориентация с давних пор имела сторонников»[708]. В связи с этим утверждалось, что «…хотя в результате исторических бедствий Грузия была долгое время оторвана от европейской цивилизации и культуры, в особенности

---

[699] Орловская Н.К. Вопросы литературных связей Грузии с Западом. – С. 77.
[700] Там же. – С. 78 – 82.
[701] სულხან-საბა ორბელიანი [Sulhan-Saba Orbeliani]
[702] Орловская Н.К. Вопросы литературных связей Грузии с Западом. – С. 188 – 193.
[703] Там же. – С. 296 – 309.
[704] Там же. – С. 243 – 251.
[705] Там же. – С. 209 – 216.
[706] დავით ლაშქარაძე [Davit Lashkaradze]
[707] ევროპეიზმის პრობლემა ქართულ ლიტერატურაში [Evropeizmis problema kartul literaturashi]
[708] Лашкарадзе Д. Проблема европеизма в грузинской литературе (от Теймураза Первого до Николоза Бараташвили) / Д. Лашкарадзе. – Тбилиси, 1987. – С. 70.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

после падения Константинополя, слабые струйки этой культуры проникали… непосредственно из Европы…»[709].

Для позднего окцидентализма в Грузинской ССР был характерен значительный антивосточный контент, направленный, например, против Персии. Давид Лашкарадзе полагал, что, несмотря на то, что в рамках персидской литературы создан «ряд высокохудожественных произведений», культура исламской Персии по уровню своего развития отставала от культуры христианской (поэтому – западной) Грузии. Кроме этого персидской поэзии приписывались такие характеристики как отсутствие содержания, формализм и догматизм[710], а само персидское влияние и «эпигонское подражание персидской куртуазной поэзии»[711] было признано одной из главнейших угроз грузинской идентичности. Поэтому, преодоление восточного влияния и «внедрение европейского литературного вкуса»[712] было возведено в одну из основных задач грузинских интеллектуалов XVIII – начала XIX века[713]. В рамках этой тенденции большинство грузинских исторических деятелей объявлялось европейски образованными людьми знакомыми с достижениями культуры Запада, которые одновременно были и последовательными критиками Востока, в частности – Персии, которая, по мнению грузинских интеллектуалов, ассоциировалась в отличие от Европы с деспотизмом и, как результат, почти полным подавлением свободы, в том числе – и грузин, которые преподносились как европейцы Закавказья, ставшие жертвами коварной азиатской агрессии

Грузинские интеллектуалы второй половины 1980-х годов были склонны приписывать грузинской культуре прошлого значительную степень самостоятельности от России, не абсолютизируя прогрессивного российского влияния. В грузинской интеллектуальной традиции того времени декларировалось, что присоединение к России лишь разбудило временно дремавшие европейские и прозападные тенденции в развитии грузинской культуры и литературы[714]. Давид Лашкарадзе указывал на то, что по своей культуре и традициям грузины, в отличие от соседей-мусульман, являются европейцами. В такой ситуации предполагалось, что грузинская народная традиционная культура была «главным источником европеизма в грузинской литературе»[715]. Именно поэтому Д. Лашкарадзе полагал, что вхождение Грузии в состав России и знакомство грузинских интеллектуалов с российской культурой лишь облегчило знакомство с культурой Запада[716], не играя в отличие от собственно грузинских культурных трендов решающей исторической роли в силу того, что уже к тому времени грузины стали на «европейский путь развития»[717].

---

[709] Лашкарадзе Д. Проблема европеизма в грузинской литературе. – С. 3.
[710] Там же. – С. 9.
[711] Там же. – С. 53.
[712] Там же. – С. 54.
[713] Там же. – С. 49.
[714] Там же. – С. 14.
[715] Там же. – С. 96.
[716] Там же. – С. 7.
[717] Там же. – С. 10.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Грузинский окцидентализм в Советском Союзе был формой политического и интеллектуального протеста в условиях доминирования коммунистической идеологии, направленной, в том числе – и на разрушение национальной специфики отдельных союзных республик. Грузинская гуманитарная интеллигенция видела в этом угрозу ассимиляции и, поэтому, окцидентализм стал формой выражения политического и интеллектуального несогласия с теми догматическими нормами и канонами проведения исследования, которые доминировали в советском научном дискурсе, в том числе – и в Грузинской ССР. Вместе с тем грузинский окцидентализм был формой функционирования национализма по причине того, что дискурс национализма из сферы политики переместился в сферу культуры и науки. С другой стороны, окцидентализм, вероятно, в наименьшей степени соприкасался с этническим национализмам, пересекаясь, главным образом, с политическими противоречиями грузинских интеллектуалов с советским режимом. Этнический национализм в большей степени проявлялся в исторических исследованиях, которые были более пригодны для конструирования этнических мифов и создания образа чужого в то время, когда литературоведение оказалось благоприятной почвой для развития и культивирования политического несогласия, построенного на самопрезентации грузинских интеллектуалов как европейцев, которые были покорены неевропейскими политическими режимами.

Именно поэтому в грузинском окцидентализме был сокрыт не просто значительный интеллектуальный, но и антисоветский и антикоммунистический в политическом плане сигнал. Грузинский окцидентализм стал результатом не просто причастности Грузии к европейской культуре. Проявление окцидентальных предпочтений в гуманитарных исследованиях стимулировалось различными мотивами. Не исключено, что окцидентализм был важен для грузинских интеллектуалов как уникальный культурный феномен, как часть национальной истории и культурной традиции. Возможно, окцидентализм был интеллектуальным явлением, предназначенным на экспорт. С одной стороны, грузинское интеллектуальное сообщество недвусмысленно акцентировало внимание на своем западничестве и европеизме, предназначая этот сигнал для самого Запада. С другой стороны, этот интеллектуальный разряд был направлен и русским советским интеллектуалам, действуя как напоминание особого культурного статуса Грузинской ССР. Трудно судить о степени понимания и восприятия грузинского окцидентализма советского периода за пределами Грузии. Вероятно, он был воспринят в незначительной степени, что было вызвано его существованием и функционированием в скрытом, латентном состоянии. Но вероятно именно развитие окцидентализма в советский период стало одним из стимулов для развития европейской политики Грузии, направленной на интеграцию в европейские структуры, что стало возможно исключительно после восстановления политической независимости.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«РУССКИЕ» НАРРАТИВЫ В ГРУЗИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ

Советский Союз административно был выстроен по национальному признаку – даже автономии в составе РСФСР были созданы, исходя из национальных соображений, хотя на протяжении существования СССР границы между отдельными республиками стали чисто административными частично и в силу того, что изменился национальный состав населения. Практически все советские республики на протяжении своей истории знали приток населения русского или русскоязычного (точнее – русскоговорящего) населения, что вело к изменениям в национальных структурах населения республик. Миграция русского населения в отдельных республиках была различной – существовали регионы, где приток русскоязычных жителей существенным образом повлиял на изменение демографической структуры, но были и те, где титульная нация оставалась большинством. К числу подобных республик относилась и Грузинская ССР.

Приток русского населения, пребывание республик в составе государства, где русские составляли большинство населения, а русский язык фактически играл роль государственного, значительным образом повлиял на стратегии поведения национальных интеллигенций. Для всех национальных историографий и гуманитарных традиций, которые существовали в союзных республиках, характерны т.н. «русские» нарративы. Представители национальных интеллектуальных сообществ были вынуждены в своих исследованиях акцентировать внимание на особой роли в национальной истории русского народа и русского государства.

В такой ситуации в союзных республиках применение истории не ограничивалось только изучением прошлого[718] – история играла роль важного политического фактора. История в рамках советского политического дискурса всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний[719]. В союзных республиках история стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности[720]. В СССР в целом и в союзных республиках в частности оценки русского фактора и

---

[718] Об этой роли истории и исторического знания см. подробнее: Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Gottingen, 1999.

[719] Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // An Imperio. – 2003. – № 1. – С. 485.

[720] О месте истории в развитии национализма и национальных идентичностей см.: подробнее: Agičić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agičić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160; Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258. Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138; Antić A. Evolicija i uloga tri kompleksa istorijskih mitova u srpskom akademskom i javnom mnenju u poskednih deset godina // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 259 – 290; Kolstø P. Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima / P. Kolstø // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 11 – 38.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

влияния в местных национальных историях, как правило, должны были быть позитивными. Попытки даже незначительного отхода и отступления от официального канона написания и описания истории воспринимались как проявление «буржуазного национализма», жестко пресекаясь.

Таким образом, советский режим искусственно выстраивал интеллектуальное пространство, принудительно интегрируя республиканские исследовательские сообщества в советский идеологизированный дискурс научного исторического знания. В такой интеллектуальной ситуации грузинские историки, подобно их коллегам из Украинской, Латвийской или, например, Узбекской ССР были вынуждены значительное внимание уделять русской тематике. С другой стороны, грузинские историки в СССР позволяли себе многим более, чем их коллеги в других союзных республикам. Перефразируя слова Д. Томпсона[721], предположу, что в союзных республиках, созданных по национальному признаку, как и в национальных государствах, возникших исторически, история как наука обречена быть националистической. В дальнейшем мы попытаемся показать, что даже в школьном учебнике оценки русского влияния были далеко неоднозначны. В этом контексте следует принимать во внимание, что в Советском Союзе школьные учебники представляли один из наиболее цензурируемых жанров написания истории.

В настоящем разделе мы остановимся на том, как русские нарративы, связанные с формирование образом другого / чужого[722], были представлены в грузинской академической науке эпохи «высокого сталинизма» – в начале 1950-х годов. В центре нашего внимания – исследование академика АН Грузинской ССР Г.В. Хачапуридзе[723] «К истории Грузии первой половины XIX века»[724], которое является одним из классических текстов той эпохи, демонстрирующим общее состояние и тенденции развития историографического дискурса.

Исследование Г.В. Хачапуридзе, посвященное грузинской истории первой половины XIX века, было, призвано с одной стороны, показать силу и мощь официальной академической науки, а, с другой, продемонстрировать лояльность режиму в виду того, что писать о России и русских нелояльно в СССР было практически невозможно. Это было вызвано и тем, что для грузинских интеллектуалов начала 1950-х годов история являлась представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящем[725].

Текст Г.В. Хачапуридзе демонстрирует весьма специфическое отношение к России. Если представители других национальных историографий, выстраивая

---

[721] Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison og Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

[722] О формировании образа чужого в теоретическом плане см. подробнее: Георгиева А. Образи на другостта: Колективно несъзнавано – архетип – мит / А. Георгиева // Български фолклор. – 1994. – № 2. – С. 92 – 100; Тодоров В. «Знам ги аз тях!». Сърбия и сърбите в българската литература / В. Тодоров. – София, 2000; Тодоров В. И свой своя /не/ позна... Етюди по славянска имагинистика / В. Тодоров. – София, 1996.

[723] ხაჭაპურიძე [Hachapuridze]

[724] საქართველოს ისტორიისათვის XIX საუკუნის პირველ ნახევარში [Sakartvelos istoriisatvis XIX saukunis pirvel nahevarshi]

[725] Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

русские нарративы в своих исследованиях, руководствовались в первую очередь требованиями политической лояльности, то в грузинской историографии начала 1950-х годов заметен значительный национальный тренд. Национальная ориентация проявлялась в следующем: признавая некоторые позитивные («после присоединения Грузии к России миновала опасность физического уничтожения грузинского народа»[726]) результаты того, что грузинские земли оказались в составе России, внимание акцентировалось и на том, что подчинение Российской империи рассматривалось как присоединение военным путем, и, поэтому, осознавалось как «меньшее зло» нежели присоединение к Ирану, но прочитывалось и как потеря Грузией политической независимости.

Грузинские историки полагали, что присоединение Грузии к России было именно военным захватом, критикуя при этом попытки интерпретации вхождения грузинских земель как освобождения христианских территорий единоверной Россией. В связи с этим подчеркивалось, что «планы своей экспансии царизм старался завуалировать заботами о Грузии»[727]. Особенностью русских нарративов в национальных историографиях было и то, что местные историки были вынуждены констатировать прогрессивное влияние русской культуры на местные культурные традиции. В грузинской историографии начала 1950-х годов подчеркивалось позитивное влияние России в сфере распространения в Грузии новых политических идей. При этом грузинские интеллектуалы подчеркивали, что положительное влияние исходило вовсе не от Российской Империи, а от тех представителей российского дворянства, которые с ней боролись (в частности, внимание акцентировалось на том, что «царское правительство сослало в Грузию многих декабристов»[728]), чем подчеркивался вклад Грузии в борьбу против царизма.

В то время, как представители других национальных историографий были вынуждены писать о преимущественно прогрессивном русском влиянии на их народы, то грузинские историки, признавая, что «новые социально-экономические условия способствовали *дальнейшему развитию древней и самобытной грузинской культуры* (курсив мой – М.К.)», констатировали благотворное грузинское влияние на русских в Закавказье. Грузинская историография в этом отношении была далека от национального нигилизма научных традиций других советских республик, акцентируя внимание на том, что русские власти в Грузии были вынуждены контактировать не с диким населением, а носителями культуры, которая хронологически оказалась более древней, чем сама русская культура.

В частности, утверждалось, что в Грузии не только жил Грибоедов, но, что именно там «расцвел его гений». Творчество М.Ю. Лермонтова, по мнению грузинских интеллектуалов, сформировалось исключительно благодаря позитивному влиянию, навеянному Грузией[729]. Л.Н. Толстому приписывалось и

---

[726] Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века / Г.В. Хачапуридзе. – Тбилиси, 1950. – С. 5.
[727] Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. – С. 22.
[728] Там же. – С. 6.
[729] Там же. – С. 6.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

то, что он «соприкасался с передовой частью грузинской общественности»[730]. Акцентировалось внимание и на прогрессивном грузинском влиянии на А.С. Пушкина: «знакомство со страной и ее *древней культурой* (курсив мой – М.К.), общение с передовыми грузинскими людьми, величественная природа нашли глубокое отражение в творчестве поэта»[731]. Грузинскими интеллектуалами культивировался нарратив о прогрессивном влиянии древней и культурной Грузии на захватившую ее Российскую Империю.

Грузинские интеллектуалы в начале 1950-х годов подчеркивали, что политика Российской Империи в Грузии соответствовала исключительно интересам правящих элит, в то время как «грузинский народ задыхался под суровым национальным гнетом»[732]. Грузинские историки полагали, что Российская Империя превратила Грузию в свою колонию, где доминировала российская военная и гражданская администрация, которая «отличалась крайним невежеством, грубостью и отсутствием моральных устоев»[733], а грузины были «обречены на бесправие и подвергались всяческим притеснениями», разоряясь от «грабительской налоговой политики царизма и выполнения многочисленных повинностей в пользу помещиков»[734].

Грузинская национальная историография создала весьма непривлекательный образ Российской Империи как страны, где проводилась «политика насильственного обрусения и колонизации», «фактически везде бесконтрольно управляли русские чиновники и военнослужащие» и «благоденствовали воры и взяточники в вицмундирах, полицейские держиморды, бесчестные судьи и помещики-дармоеды»[735]. В рамках грузинского историографического дискурса утвердились весьма негативные оценки тех российских политических и военных деятелей[736], которые участвовали в присоединении грузинских территорий. В частности, генерал Тотлебен, по мнению грузинских исследователей, был мелким «авантюристом XVIII века, подвизавшимся в России» и «не отличавшимся ни умом, ни дипломатическими способностями, державшимся надменно и провокационно»[737]. Весьма негативную оценку получил и один из русских чиновников П.И. Коваленский, который, по мнению грузинских историков, «проявил себя чванливым и строптивым администратором, пренебрегавшим национальными интересами грузинского народа, не считавшимся ни с его историческим прошлым, ни с языком, ни с обычаями». Что касается успехов российской администрации, то в начале 1950-х годов они оценивались как исключительно результат союзнической помощи войск царя Иракли II. Российская Империя грузинскими интеллектуалами воспринималась как

---

[730] Там же. – С. 7.
[731] Там же. – С. 6.
[732] Там же. – С. 8.
[733] Там же. – С. 59.
[734] Там же. – С. 8 – 9.
[735] Там же. – С. 9, 57, 492.
[736] В современной российской историографии предпринимаются попытки создания вокруг них романтического и национально-патриотического ореола, который уже утвердился в националистической публицистике.
[737] Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. – С. 24.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

империя колониальная, которая намеренно проводила политику «новых территориальных захватов»[738] и национального преследования местных народов.

В рамках грузинского историографического дискурса доминировало мнение, что Российская Империя на территории Грузии намеренно и сознательно проводило политику последовательного разрушения местных национальных политических традиций. Комментируя имперскую политику России в Грузии, и акцентируя внимание на том, что политические традиции грузин имели многовековую историю, Г.А. Хачапуридзе полагал, что «разрушая веками сложившиеся порядки управления, царское правительство создавало новую, чуждую народу, бюрократическую систему», которая была им определена как «военно-оккупационный режим»[739]. Грузинские исследователи начала 1950-х годов наставили на том, что политику России в Грузии нельзя оценивать как однозначно положительную. В частности, приводились не только многочисленные примеры воровства и коррупции российской администрации, но и высказывалось мнение, что политика России была настолько безответственной и непродуманной, что многие грузины были вынуждены бежать в Турцию[740].

В ответ на подобную политику, по мнению грузинских исследователей, грузины, «питая глубокую ненависть к угнетателям»[741], могли ответить только несогласием, борьбой и попытками национального освобождения. Именно поэтому в грузинской историографии образ XIX века сформировался как столетия борьбы под национальными и социальными лозунгами. В этой ситуации перед грузинскими исследователями возникала проблема интерпретации истории грузинского национализма, что было связано с некоторыми объективными сложностями. С одной стороны, грузинские интеллектуалы были вынуждены критиковать национализм как классово чуждое явление. С другой, грузинские историки оставались именно грузинами, связанными с национальной интеллигенцией, что обязывало их выступать и в качестве защитника грузинских национальных традиций, языка и культуры.

Вместе с тем, это и осложняло изучение истории грузинского национализма. Г.В. Хачапуридзе подчеркивал, что грузинские националисты XIX века не просто выступали за отделение Грузии от России и «освобождение Грузии от власти русского царизма», восстановление независимости грузинской монархии[742], но и за ее ограничение и, как результат, развитие в соответствии с западными европейскими политическими моделями. Грузинские историки в начале 1950-х годов, анализируя проявления национализма в Грузии XIX столетия, констатировали, что его основу составляли дворяне, для многих из которых была характерна «любовь к Грузии» и несогласие с тем, что «грузинское царство лишилось независимого существования и было присоединено к России». В грузинской историографии начала 1950-х годов акцентировалось внимание на том, что часть грузинского дворянства была недовольна российской

[738] Там же. – С. 21, 58.
[739] Там же. – С. 59, 100.
[740] Там же. – С. 99.
[741] Там же. – С. 9.
[742] Там же. – С. 12 – 13, 297.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

политикой в силу того, что она вела к «деградации грузинской национальной культуры»[743].

Грузинские интеллектуалы начала 1950-х годов, анализируя грузинский национализм, исходили из убежденности в его изначальной неправильности. С другой стороны, в грузинском историографическом дискурсе того времени доминировала точка зрения, согласно которой правильным движением было то, что развивалось под лозунгами классовой борьбы с целью свержения «эксплуататорского строя и самодержавия». Доминирование подобного нарратива в грузинском историческом дискурсе было вызвано тем, что она развивался в условиях строгого идеологического диктата и цензурного контроля. Именно поэтому грузинские интеллектуалы полагали, что грузинский национализм развивался как буржуазный, что привело к его слиянию с «контрреволюционным движением российской буржуазии». Параллельно культивировался нарратив о том, что подлинным выразителем национальных чаяний угнетенной грузинской нации становится грузинский пролетариат – «один из отрядов российского рабочего класса, ставшего под знамя Ленина»[744].

Национальное движение в рамках официального историографического дискурса слилось с движением социальным и политическим, во главе которого стояли большевики. Поэтому, усилиями грузинских историков культивировался нарратив, согласно которому именно грузинский рабочий класс оказался «единственным и последовательным борцом за национальные интересы грузинского народа»[745]. Таким образом, усилиями грузинских историков культивировался особый тип национальной идентичности, который одновременно обладал как национально маркированными, так и социальными бэк-граундами, связанными с необходимостью выражения политической лояльности.

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Грузинская историография начала 1950-х годов была не просто проявлением исторического знания – историография была сферой доминирования национального воображения и поддержания национальной грузинской идентичности. С другой стороны, грузинские интеллектуалы были вынуждены считаться с особенностями политической ситуации и, поэтому, исторический нарратив был и сферой проявления лояльности. В этом контексте русские нарративы играли принципиально важную роль. Грузинские интеллектуалы в своих исследованиях могли писать о прогрессивной русской культуре и революционной традиции, подчеркивая тем самым свою лояльность и показывая свою принадлежность официальному научному и академическому дискурсу.

Кроме этого русские образы в грузинской историографии активно использовались и с другой целью. Анализируя русскую политику в Грузии, грузинские историки стремились доказать, что в ряде случаев она имела и антигрузинский характер. В этом отношении русские нарративы были наилучшей сферой для формирования образа чужого. Грузинские историки

[743] Там же. – С. 294, 296.
[744] Там же. – С. 17, 18.
[745] Там же. – С. 18.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

начала 1950-х годов не писали о чуждости русских, предпочитая указывать на неправильную политику «царизма». За столь идеологически удобными формулировками грузинские интеллектуалы стремились скрыть национальные и националистические чувства, подчеркивая, вместе с тем, и свою лояльность режиму. Для грузинской историографической традиции начала 1950-х годов и более позднего периода было характерно осторожное отношение к России. Признавая некоторое прогрессивное влияние, грузинские историки никогда не забывали и о том, что присоединение к России стало концом существования независимой Грузии, которая имела свою собственную политическую и культурную традицию. Для грузинского интеллектуального дискурса в такой ситуации был характерен умеренный антиимперский национализм, который имел преимущественно политический бэк-граунд.

Эти националистические тренды в рамках грузинской гуманистики стали, вероятно, защитной реакцией, вызванной страхом перед возможной русификацией, о чем свидетельствовал опыт других республик. Последующая радикализация грузинского национализма, его этнизация была вызвана не только политикой центра, основанной на игнорировании и ущемлении интересов национальных республик – она имела и свои интеллектуальные, в том числе – и историографические предпосылки.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В ГРУЗИНСКОЙ ССР В НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

В национальных республиках Советского Союза важную роль в социализации будущих поколений и укреплении национальной идентичности играла национальная школа, точнее – комплекс предметов, связанных с сохранением национальной идентичности. Такими предметами были, как правило, национальный язык, а так же – история и литература. Для различных республик была характерна разная динамика развития преподавания национально маркированных предметов в национальной школе, в частности – истории. В наиболее сложном положении оказались республики, где проживали народы родственные русским.

Это относится в первую очередь к Украинской и Белорусской ССР, где на протяжении советского периода число национальных школ постепенно снижалось, а население в тех или иных формах, скрытых или явных, подвергалось русификации. Кроме этих республик значительные ассимиляционные потери понесли Молдавская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР и некоторые другие союзные республики, население которых относительно поздно осознало себя в качестве наций и, поэтому, не было в состоянии эффективно противостоять ассимиляции. Несколько иная ситуация сложилась в тех союзных республиках, которые в значительной степени отличались от РСФСР, игравшей роль ядра и интегрирующего центра в советской модели федерализма.

Речь идет, в первую очередь, о трех прибалтийских республиках, а так же Грузинской и Армянской ССР, расположенных в Закавказье. Наиболее сильной и устойчивой к внешним вызовам национальная школа оказалась в Армянской и Грузинской ССР в то время, когда в советской Прибалтике преподавание большинства предметов велось на русском языке при обязательном изучении местных языков, степень овладения которыми наиболее низкой оказалась среди детей советских военных, инженеров и прочих специалистов, о чем свидетельствуют проблемы интеграции, с которыми они столкнулись после восстановления политической независимости балтийских республик.

В республиках Закавказья сложилась иная ситуация – большинство школьников получали образование на грузинском или армянском языке в национальных школах. Школы и учебники – важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее[746]. Кроме этого грузины и армяне составляли большинство населения в своих республиках, показывая значительный уровень владения родным языком, что существенно отличало их от славянских республик в большей степени подвергшихся русификации. Именно исторические концепции, как подчеркивает

[746] Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

В.А. Шнирельман, были призваны придавать уверенность доминировавшему большинству[747].

Такая ситуация способствовала и некоторой ассимиляции местных русских, вынуждая их учить грузинский или армянский язык, а так же грузинскую и армянскую историю. Для успешной интеграции русских, например, в грузинское общество грузинские интеллектуалы предпринимали немалые усилия, направленные на издание учебной литературы на русском языке, рассчитанной на тех русских, которые еще не освоили грузинский язык. Русскоязычные учебники по грузинской истории для грузинской школы в СССР, которые к настоящему времени стали своеобразным местом социальной и исторической памяти, были не просто средством социализации русских в Грузинской ССР, но были и тем средством, которое использовалось грузинскими интеллектуалами для защиты и популяризации грузинской идентичности, создания позитивного образа Грузии как страны с великой историей, славным и древним прошлым[748].

Настоящий раздел будет посвящен анализу именно одного из подобных текстов – учебника по грузинской истории для 8 – 10 классов средней школы, изданном в 1960 году. В то время когда учебники по истории СССР, предназначенные для советской школы как таковой, выходили из недр структур, связанных с Министерством образования, а в их создании принимали участие как чиновники, так и историки-профессионалы, то в Грузинской ССР начала 1960-х годов написание учебников по грузинской истории было монополизировано Институтом истории имени А.И. Джавахишвили при Академии Наук Грузинской ССР. Авторами учебника «История Грузии. Учебник для 8 – 10 классов средней школы»[749] («საქართველოს ისტორია. სახელმძღვანელო VIII – X კლასებითვის»[750]) о котором речь пойдет ниже, были известные в то время грузинские историки В. Дондуа[751], М. Думбадзе[752], Ю. Качарава[753], Г. Меликишвили[754], Ш. Месхиа[755], П. Ратиани[756]. Редактором выступил Н.

---

[747] Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 11.

[748] О месте национализма в развитии грузинской историографии в Грузинской ССР см. монографию «Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье» В.А. Шнирельмана – фундаментальное, но, к сожалению, единственное исследование подобного плана и масштаба на русском языке. См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. О связи исторических исследований и национализма см. так же: Hutchinson J. Archaeology and Irish Rediscovery of Geltic Past / J. Hutchinson // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – No 4. – P. 505 – 519.

[749] История Грузии. Учебник для VIII – X классов / ред. Н. Бердзенишвили. – Тбилиси: «Цодна», 1960.

[750] საქართველოს ისტორია სახელმძღვანელო VIII – X კლასებისთვის [Sakartvelos istoria sahelmdzgvanelo VIII – X klasebistvis]

[751] დონდუა [Dondua]

[752] დუმბაძე [Dumbadze]

[753] კაჭარავა [Kacharava]

[754] მელიქაშვილი [Melikashvili]

[755] მესხია [Mes'hia]

[756] რატიანა [Ratiani]

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Бердзенишвили[757]. Таким образом, среди авторов были одни грузины, не было ни одного русского, что обеспечивало некоторую самостоятельность суждений и выводов, а также господство национально ориентированной парадигмы описания и интерпретации событий грузинской истории.

Поэтому, в некоторых национальных республиках, в том числе – и в Грузинской ССР, учебники по национальной истории были качественно выше в научном отношении и в изложении материала, чем учебники по истории СССР, предназначенные для всей советской школы в целом. Анализируя эту проблему, следует принимать во внимание и то, что историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. В связи с этим Энтони Смит подчеркивает, что именно историки «внесли весомый вклад в развитие национализма… они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах»[758].

Комментируя роль националистов в написании и описании истории К. Калхун указывает на то, что у национализма очень непростые отношения с историей при том, что именно национализм поддерживает создание исторических описаний нации, а современная историческая наука сформирована традицией создания национальных историй, призванных наделить читателей коллективной идентичностью. Националисты почти всегда склонны писать истории под себя[759]. Составление линейных исторических повествований и утверждение примордиализма часто идут рука об руку. Обращение к истории и примордиальной этничности, как полагает К. Калхун, является ответом на проблемы современных притязаний на статус нации. В подобной ситуации националистическая версия истории является и проектом конструирования / создания нации. С другой стороны, не следует забывать, что история активно используется для формирования коллективных идентичностей и слома локального идентитета, отличного от тех концепций, что предлагаются националистическим большинством. Поэтому, К. Калхун подчеркивает, что «написание истории – это не только вопрос памяти о каждом. Это также вопрос стирания тех разногласий, который способны ослабить нацию»[760].

Обратимся непосредственно к тексту учебника по истории, который предназначался для русскоязычных жителей Грузинской ССР.

---

[757] ბერძენიშვილი [Berdzenishvili]

[758] См. подробнее: Смит Э.Д. Национализм и историки / Э. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

[759] Об этом в теоретическом плане см.: Brunnbauer U. Drevna nacionalnost i vjekovna borba za državnost: historiografski mitovi u Respublici Makedoniji / U. Brunnbauer // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 291 – 305; Džaja S.M. Bosanska povijesna stvarnost i njezini mitološki odrazi / S.M. Džaja // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 39 – 66; Kamberović H. “Turci“ i “kmetovi“ – mit o vlasnicima Bosanske zemlje / H. Kamberović // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 67 – 84; Kværne J. Da lije Bosni i Hercegovini potrebno stvaranje novih povijsnih mitova? / J. Kværne // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 85 – 108; Perica V. Uloga crkava u konstrukciji državotvornih mitova Hrvatse i Srbije / V. Perica // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 203 – 224; Žanić I. Simbolični identitet hrvatske u trokutu Raskrižje-Predziđe-Most / I. Žanić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 161 – 202.

[760] См. подробнее: Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 113 – 126.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Для этого учебника характерна традиционная для советских учебных исторических изданий структура, связанная с попытками описания истории по хронологическому признаку в связи с принятой в то время в советской историографии теорией формаций. Именно в эти формации выписывалась история Грузии. Поэтому, учебник открывался разделом, посвященным первобытно-общинному строю в Грузии, затем следовали части, где речь шла о рабовладельческих отношениях, феодализме, капитализме. Учебник завершался разделом, посвященным советской Грузии. Таким образом, история Грузии интегрировалась в принятую в советской историографии схему периодизации исторического процесса.

Для грузинской историографии начала 1960-х годов было характерно стремление доказать то, что картвелы-грузины были не просто автохтонным население региона, но и то, что территория Грузии была одним из центров антропогенеза. Поэтому, учебник открывался категоричным утверждением того, что «на территории Грузии человек жил с древнейших времен… Кавказ является одной из стран, где шел процесс очеловечивания обезьяны»[761]. Относительно племен, обитавших на территории Грузии в период каменного и бронзового века авторы акцентировали внимание на том, что они достигли более высокого уровня развития, чем их соседи[762], а культура региона отличалась значительным своеобразием и оригинальностью[763].

Появление собственно грузин связывалось грузинскими историками с глубокой древностью, что, вероятно, было проявление доминирования этноцентризма в интерпретациях прошлого и отличительной особенностью развития «интеллектуального пространства»[764] в Грузинской ССР. В частности, подчеркивалось, что «примерно три тысячи лет назад далекие предки грузинского народа уже имели свой собственный облик. По языку и культуре они существенно отличались от других племен»[765]. Комментируя подобные конецпции В.А. Шнирельман указывает на то, что «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности»[766]. По мнению В.А. Шнирельмана, грузинские историки нередко выстраивали концепции, в рамках которых «современная этничность искусственно навязывается глубокой древности»[767]. Несмотря на столь очевидный этноцентризм в интерпретации прошлого,

---

[761] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 3.
[762] Там же. – С. 6 – 8.
[763] Там же. – С. 13.
[764] О термине подробнее см.: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 222.
[765] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 16.
[766] Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 18.
[767] Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 18.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

следование выработанным схемам и нормам исторического исследования[768], грузинские авторы все же признавали, что на территории Грузии «с древнейших пор проживали и другие племена», но вместе с тем подчеркивалось и их незначительное проникновение на исторические грузинские земли[769]. Поэтому, соседи грузинских племен локализовались грузинскими историками «по соседству с Грузией»[770].

Согласно грузинской историографии начала 1960-х годов основной причиной проблем для грузинских государств древности, например, для Эгриси[771], были соседи – например, Ахеменидская Персия, которая в VI веке до н.э. покорила грузин, но те, несмотря на гнет персов, вскоре (V век до н.э.) освободились от зависимости[772]. Грузинские историки полагали, что древнегрузинские племена и государства (например, Колхида) поддерживали различные связи с греками. При этом подчеркивалось, что греческие города в этом регионе не играли самостоятельной роли, а среди городского населения росло число представителей грузинских племен. Кроме этого, указывалось, что значительная часть грузинских племен, которые контактировали с греками, не уступала последним по уровню своего развития[773]. Значительное внимание уделялось Картлийскому царству, существовавшему в III веке до н.э. Подчеркивалось, что это было сильное политическое образование, в котором активно шел процесс формирования грузинского народа в форме «быстрого сплочения происходивших от одного корня грузинских племен»[774].

С другой стороны, акцентировалось внимание на том, что Картлийское царство имело отношения и соседними народами, стоявшими на более низкой ступени развития и говорившими на бацбийско-кистинских и абхазо-адыгских языках, которые в начале 1960-х годов определялись грузинскими историками как «родственные грузинам»[775]. Анализируя проблемы восприятия истории Древней Грузии в советском грузинском интеллектуальном дискурсе В.А. Шнирельман подчеркивает, что «наличие собственной древней государственности – это едва ли не центральная часть грузинского историософского мифа, за-

---

[768] Американские исследователи Л. Хэйн и М. Сэкдэн полагают, что «национальные нарративы, как и сами учебники, представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и реинтерпретации» (Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3). Развитие грузинской историографии в СССР демонстрирует, вероятно, доминирование обратного – исторического консерватизма и преемственности раннее выработанным, национально ориентированным и этноцентристским, пониманиям и интерпретациям истории.

[769] О концепте «земля» в рамках националистического дискурса см.: Penrose J. Nations, States and Homelands: territory and territoriality in nationalist thaught / J. Penrose // Nations and Nationalism. – 2002. – Vol. 8. – No 3. – P. 277 – 297.

[770] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 16.

[771] ეგრისი [Egrisi]

[772] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 21.

[773] Там же. – С. 23 – 24.

[774] Там же. – С. 28.

[775] Там же. – С. 28.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

трагивающего глубочайшие пласты грузинского самосознания»[776]. Усиление Картлийского царства, как полагали, грузинские историки вело к постепенному ухудшению отношений с соседями, среди которых в грузинских учебниках фигурировали и армяне. В начале 1960-х годов армяне изображались как опасные соперники, которые «теснили Картлийское царство, отогнув от него большую часть территории Нижней Картли[777] и Месхети[778]… армянские правители теснили Картлийское царство не только с юга, но и с востока: они захватили Камбечовани[779]… правителям западного Армянского государства удалось завладеть некоторыми грузинскими областями…»[780]. Но грузинские историки признавали и то, что порой грузины и армяне выступали как союзники – например, в борьбе с Римом. Подчеркивалось, что именно грузины составляли основу армянского войска: «армянский царь возлагал большие надежды на грузинских копьеносцев как опытных и отважных воинов»[781].

Грузинская историография начала 1960-х годов развивалась в условиях доминирования именно национальной парадигмы и прмордиальных интерпретаций истории Грузии. Поэтому, анализируя советскую грузинскую историографию В.А. Шнирельман подчеркивает, что советская наука была не в состоянии вырваться из замкнутого круга примордиалистских концепций, а политические требования местных интеллектуалов обосновывались ссылками на древнюю историю. В этой ситуации потребителям исторической продукции «навязывалась идентичность, основанную на языке и территории»[782]. Грузинские авторы считали необходимым уделять больше внимания тому, как картвелы-грузины противостояли соседним, некартвельским, группам – например, армянам. Именно в контексте противостояния с армянами в грузинском школьном учебнике начала 1960-х годов появляются аланы – предки современных осетин. Грузинские историки признавали алано-осетинский континуитет, полагая, что аланы-осетины на территории Грузии, в том числе – Шида-Картли, не являются автохтонным населением. В грузинской историографии начала 1960-х годов история появления алан в том, что позднее станет Южной Осетией выглядела так: в I веке н.э. обострились отношения Картлийского царства с армянами и поэтому «картлийскими властями с Северного Кавказа были пропущены осетины»[783]. Таким образом, грузинская историография, которая развивалась в условиях этноцентристской модели, была готова признать статус автохтонного населения в Закавказье только за грузинами, хотя в некоторых случаях автохтонностью наделялись и армяне. С другой стороны, грузинские авторы полагали, что осетины пребывали под

---

[776] См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье. – С. 347.
[777] ქართლი [Kartli]
[778] მესხეთი [Mes'heti]
[779] კამბეჩოვანი [Kambechovani]; позднее: კიზიკი-შირაკი [Kiziki-Shiraki]
[780] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 31 – 32.
[781] Там же. – С. 34.
[782] См. подробнее: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье. – С. 28, 37, 76.
[783] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 37.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

грузинским влиянием, особенно – в сфере культуры, что проявлялось в том, что они использовали грузинскую письменность[784].

Другим историческим врагом Грузии были объявлены арабы, из которых, по мнению грузинских историков, исходила не просто политическая, но и культурно-религиозная опасность, так как арабское завоевание Грузии было связано с попытками разрушения христианской идентичности путем распространения ислама[785]. Христианство в этом контексте интерпретировалось как безусловно позитивное явление, которое способствовало росту национального самосознания в деле борьбы за независимость[786]. Но наилучшим образом на роль главных исторических врагов Грузии подходили Османская Империя и Персия, которые в одинаковой степени были чужды грузинам в этническом, религиозном, культурном и политическом плане. Анализируя османское господство в Грузии, грузинские историки предпочитали писать о сопротивлении туркам, о народных восстаниях и неспособности турок подчинить страну.

В связи с этим в учебниках истории доминировал национальный нарратив, в рамках которого утверждалось, что грузины «героически сопротивлялись османским ассимиляторам, которые всячески пытались отуречить турецкое население». С другой стороны, признавалось, что определенная часть грузин (особенно – в Аджарии) вынужденно приняла в ислам, сохранив при этом «родную грузинскую культуру», что дало им возможность «избавиться от угрозы национального перерождения»[787]. Значительное внимание в рамках школьного учебника по грузинской истории уделялось развитию культуры, которая позиционировалась в качестве одной из наиболее важнейших основ развития и функционирования идентичности.

В этом контексте принципиально важной была проблема возникновения и развития грузинской письменности, которая на протяжении истории не только отличала грузин от их соседей, но и была одним из тех факторов, которые обеспечивали уникальность грузинской культуры, будучи интегрирующим фактором и непреодолимым препятствием в деле ассимиляции грузин их историческими противниками и соперниками. В начале 1960-х годов в грузинской историографической традиции признавалось определенное влияние на грузинскую письменность со стороны арамейского письма, но при этом грузинские историки подчеркивали и то, что некоторые буквы, применяемые грузинами, имеют более древние истоки[788], что свидетельствовало о самостоятельном возникновении и развитии письменности без определяющего иноземного культурного влияния.

С другой стороны, грузинские историки начала 1960-х не могли отрицать и того, что значительное влияние на развитие Грузии оказало принятие христианства и, несмотря на общесоюзную тенденцию к критике религии с позиций научного атеизма, грузинские исследователи полагали, что христианство сыграло позитивную роль в истории средневековой Грузии,

---

[784] Там же. – С. 77.
[785] Там же. – С. 68 – 69.
[786] Там же. – С. 70.
[787] Там же. – С. 146 – 147.
[788] Там же. – С. 47.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

будучи проявлением западной ориентации грузинской государственности[789]. Предполагалось, что христианизация в значительной степени способствовала национальной консолидации грузин, размывая различия между горными местностями и равниной, которые в «культурно-религиозном отношении делались однородными»[790].

Грузинские авторы позиционировали христианство как национальную религию, полагая, что «с утверждением христианства в богослужении внедрялся грузинский язык, что обеспечивало быстрое огрузинивание негрузинских элементов»[791]. Учебник по грузинской истории был важным средством для формирования национального пантеона – комплекса отцов нации, которые имел символическое значение в деле воспроизводства национальной идентичности. И хотя учебник упоминал несколько имен правителей Древней Грузии, в этом контексте основное внимание уделялось средневековым грузинским правителям.

Поэтому безусловным лидером грузинского национального исторического пантеона в начале 1960-х годов объявлялся Давид Строитель (Давид Агмашенебели – დავით აგმაშენებელი[792]), с которым грузинские интеллектуалы связывали славное прошлое грузинской нации, ассоциируя с его правлением подъем и укрепление грузинской средневековой государственности, а так же трансформацию Грузии из региональной страны в державу европейского уровня. В этом контексте подчеркивались связи и отношения Давида с европейскими государями и причастность к крестоносному движению[793]. Второй символической фигурой в грузинской национальной историографии начала 1960-х годов была царица Тамар, при изучении наследия которой внимание акцентировалось и на некотором усилении Грузии и на связях (без излишнего подобострастия и заискивания перед братским русским народом) с Суздальской Русью[794]. Из других фигур в грузинский национальный пантеон был интегрирован и царь Дмитрий Тавдадебули[795] (Самопожертвователь), который боролся против монголов и был ими казнен[796]. Но на фоне последующих политических неурядиц средневековая Грузия Давида Строителя и царицы Тамар казалась едва ли не счастливой исторической случайностью. С другой стороны, политический опыт средневековой Грузии активно изучался в рамках грузинской историографии дабы подчеркнуть независимые политические традиции грузинской государственности несмотря на возможные обвинения в буржуазном национализме.

Значительное внимание грузинские историки были вынуждены уделять России и русскому фактору в истории Грузии. Факт вхождения грузинских земель в состав Российской Империи оценивался как присоединение, которое отвечало исключительно политическим интересам России. Результаты

---

[789] Там же. – С. 53.
[790] Там же. – С. 54.
[791] Там же. – С. 55.
[792] დავით აღმაშენებელი [Davit Agmashenebeli]
[793] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 93 – 95.
[794] Там же. – С. 108 – 111.
[795] თავდადებული [Tavdadebuli]
[796] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 127 – 128.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

схождения в состав России интерпретировались следующим образом: «царизм лишил Грузию независимой государственной жизни, навяз ей свой политический режим»[797], принеся и «национально-колониальный гнет», что проявлялось в проведении политики направленной на угнетение грузинского населения и его русификацию[798]. Грузинские историки, в работах которых доминировал национальный нарратив, противопоставляя российскую стратегию политике Ирана (сохранявшего в Грузии некоторые элементы государственности и независимости), подчеркивали, что «грузинское государство, имеющее многовековую историю, прекратило свое существование. Царская Россия уничтожила грузинское национальное управление и вместо него установило свой военно-бюрократический режим»[799].

Грузинские историки приводили и многочисленные эпизоды антигрузинской политики Российской Империи, указывая, в частности, и на тяжесть присутствия для грузин российских войск и представителей офицерского и чиновничьего корпуса, которые «совершали всевозможные преступления… запрягали в ярмо вместо волов женщин»[800], что вызывало протестные действия со стороны местного населения. С другой стороны, внимание акцентировалось на том, что Россия пребывала на более высоком уровне развития, чем «отсталые и агрессивные» Османская Империя и Персия[801]. В связи с этим грузинскими историками подчеркивалось, что присоединение к России было своеобразным возвращением Грузии в Европу, откуда она была насильственно оторвана азиатскими соседями-мусульманами.

Кроме этого грузинские историки предпочитали акцентировать внимание на связи грузинских деятелей с российским оппозиционным движением. Поэтому, подчеркивалась солидарность грузинских политиков с восстанием декабристов, с польскими национальным движением. Анализируя грузинское национальное движение, имевшее контакты с российскими антицарскими кружками, грузинские историки полагали, что его основной задачей было именно национальное освобождение и создание на территории Грузии государства европейского типа – республики или конституционной монархии.

Некоторое внимание грузинские историки были вынуждены уделить и негрузинским народам, которые проживали на территории Грузии. Что касается осетин, то грузинские историки однозначно отказывали им в автохтонном статусе, полагая, что осетинские племена переселились на грузинские земли лишь в XIII веке[802], что привело к началу осетино-грузинского сближения. Предполагалось, что немногочисленные просвещенные осетины действовали в рамках исключительно грузинской культуры, а использование грузинского алфавита для издания осетинских книг оценивалось как однозначно прогрессивное явление[803].

---

[797] Там же. – С. 181.
[798] Там же. – С. 182, 203.
[799] Там же. – С. 188.
[800] Там же. – С. 190.
[801] Там же. – С. 182.
[802] Там же. – С. 205.
[803] Там же. – С. 223.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Грузинские историки были вынуждены интегрировать многие процессы грузинской истории в советский идеологический контекст, отличительной чертой которого было принятие схемы развития наций от буржуазных к социалистическим. В эту догматическую концепцию грузинские интеллектуалы начала 1960-х годов стремились интегрировать и историю развития грузинской нации, связывая грузинский политический термин «ერი» с советским определением нации, ассоциируемым с И. Сталиным, в центре которого лежит признание наличия территориальной, культурной и языковой общности. Формирование грузинской буржуазной нации датировалось 1850 – 1870-ми годами[804] и связывалось с подъемом национального движения представленного «თერგდალეულები» (тергдаулеулеби[805]), представителями грузинской национальной интеллигенции, направленного против русификаторской политики царизма, который к тому времени «стал на путь уничтожения грузинской самобытности и культуры»[806].

Но, будучи интегрированными в советский историографический канон, грузинские историки связывали возможность подлинного освобождения грузинской нации не с национальными буржуазными, а с рабочим и социалистическим (позднее – большевистским) движением[807]. Поэтому период существования независимой Грузинской Республики (1918 – 1921) описывался в сугубо негативных тонах, позиционируясь как время проведения «контрреволюционной политики грузинскими меньшевиками» и упадка «народного хозяйства и культуры»[808].

С другой стороны, установление советской власти, включение Грузии в состав СССР и создание поздней Грузинской ССР позиционировались в советском историографическом дискурсе как важнейшие события, сравнимые по исторической значимости с успехами средневековой грузинской государственности. Описание советской истории служило и делу формирования не только политической лояльности, но и новой идентичности «грузинской социалистической нации»[809]. Заключительные разделы в учебники по истории Грузии, изданном в 1960 году, были посвящены Грузинской ССР на послевоенном этапе развития. На последних страницах Грузия почти не упоминалась, а речь шла о строительстве в СССР социалистического общества. Учебник, разделы которого, посвященные средневековой и новой истории Грузии, отличались явным национальным уклоном, заканчивался сугубо идеологически и денационально – утверждением того, что «советская страна вступила в период развернутого коммунистического строительства»[810]. Подводя итоги рассмотрения советского учебного текста, следует уделить внимание нескольким аспектам.

---

[804] Там же. – С. 244.
[805] თერგდალეულები [tergdaleulebi]
[806] История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 245.
[807] Там же. – С. 264.
[808] Там же. – С. 308 – 310.
[809] Там же. – С. 345.
[810] Там же. – С. 382.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

История как наука и история как вид гуманитарного знания в Грузинской ССР начала 1960-х годов в значительной степени оказывали влияние на развитие национализма, националистического движения, существование, функционирование и трансформацию идентичностей – культурных, политических, национальных. История в Грузинской ССР принадлежала к числу тех наук, которые не просто отличались своим особым статусом и междисциплинарным характером, но и требовали от национально ориентированных грузинских интеллектуалов постоянной работы исторической памяти и исторического воображения.

Поэтому в Грузинской ССР история нередко использовалась для обоснования прав того или иного сообщества на существование, для легитимации исторических процессов, для придания легитимного статуса состоявшимся политическим изменениям. Историческое мифотворчество, рано или поздно, подвергается деконструкции. На смену событийной и национально ориентированной историографии, которая играла на чувствах патриотизма и национализма, должна была прийти новая историческая наука, в основе методологического инструментария которой лежали идеи, почерпнутые из западной, англо-американской и французской, гуманистики. Подобные процессы затронули и позднюю советскую историографию, но историографический канон закавказских республик, в том числе – и Грузинской ССР, остался почти неизменным, развиваясь в условиях доминирования национальной / националистической и этноцентичной парадигмы написания / описания истории.

В начале 1960-х годов о деконструкции советского официального исторического нарратива (тем более в учебной литературе для средней школы) не могло быть и речи, но грузинская советская историография, словно оппозиционируя себя советскому канону, проявляла значительный национализм в описании и интерпретации прошлого. Эта национальная парадигма, доминировавшая в учебнике созданном Институтом истории, в еще большей степени проявлялась в академической научной литературе, круг потребителей которой был не так широк. Обучение истории в средней школе, выдержанной в духе национализма, разумеется, влияло и на воспроизводство национальной парадигмы в университетской и академической исторической науки Грузинской ССР. Не исключено, что интерес к грузинской истории у будущих историков 1970-х годов возник именно под влиянием подобной учебной продукции.

Доминирование национального нарратива и этноцентризма в школьных учебниках влекло и доминирование подобной парадигмы в университетских учебниках. Фундаментальные многотомные издания по грузинской истории, разумеется, так же были написаны в условиях преобладания своеобразного историографического национализма. Это обеспечивало преемственность в развитии исторических исследований и интерпретаций, выдержанных в национальных тонах вплоть до распада СССР и восстановления политической независимости Грузии, историография которой развивается под несомненным влиянием со стороны национального / националистического дискурса.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Европейские национализмы, возникшие в XIX столетии, нередко основывались на идее родства и общности. Сама эта идея в европейском националистическом дискурсе имела несколько уровней, значения которых в зависимости от ситуации, а так же исторической и политической обстановки могли различаться. Идея родства была осознана в первую очередь местными интеллектуалами, которые из разрозненных отдельных сообществ выстраивали нацию. В данном случае идея родства выступала как консолидирующий и интегрирующий фактор, призванный сформировать нацию, отделив ее от уже существующих или так же формирующихся наций, противопоставив им.

Именно такое прочтение самого понятия «родство» способствовало формированию восточных и центральных европейских наций – украинцев, литовцев, латышей, эстонцев, венгров, хорватов, словаков, чехов и прочих. С другой стороны, наряду с этим узким локальным и / или национальным понятием родства в среде европейских национализм возникают новые идеологические тренды, направленные не на формирование новых наций, а на объединение нескольких родственных наций в рамках одного государственного объединения. Кроме этого, подобные националистические тренды в ряде случаев могли быть лишены политического характера, будучи преимущественно интеллектуальными течениями, направленными на изучение историй, языков, литератур и культур родственных народов или на искусственное создание общего языка для родственных наций.

К идеологическим трендам подобного плана относятся панславизм, пангерманизм и другие националистические тренды, связанные, например, с развитием и культивированием идеи романской, скандинавской или финно-угорской общности. Подобный националистический проект, как мы констатировали, имел не самую аттрактивную сторону, связанную, например, с амбициями Империи Романовых и русификацией славян, или, что было характерно для Германской империи с воинствующим национализмом и милитаризмом. Но ограничивать подобные националистические идеологии исключительно негативными политическими трендами было бы ошибкой. Не исключено, что доминирующим и принципиально важным для сторонников подобного национализма был культурный контент движения, связанный с изучением языков и культур родственных наций, а их трагедия состояла в том, что эти идеи активно использовались ради политических целей националистами в России и Германии, которые были связаны с правящими элитами.

В отличие от Центральной и Восточной Европы нации в Закавказье, которое входило в состав Российской Империи, сформировались позднее. Доминирующей идеей в развитии грузинского и армянского национализма, вероятно, была идея национальной консолидации, создания собственно армянской и грузинской нации, но позднее армянские и грузинские националистически ориентированные интеллектуалы, подобно националистам в Германии и Австро-Венгрии, подобно финским, эстонским и венгерским националистам, озаботились идеей поиска этнически и культурно близких родственников.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Но в этом направлении грузинские и армянские националисты столкнулись с некоторыми трудностями. Армянские националисты сравнительно быстро осознали обособленный и изолированный статус армянского языка среди других индоевропейских языков. Армянским националистам, для которых одними из центральных националистических ценностей были христианские, вовсе не прельщала идея видеть в качестве своих этнических родственников персов-шиитов, которые, подобно армянам, относились к индоевропейской языковой семье. В некоторой степени к армянам были близки осетины, но по сравнению с развитой армянской культурной, исторической и религиозной традиции, осетины были самыми неподходящими кандидатами для того, чтобы выстраивать идею этнического родства. Некоторой заменой для этнически близких наций стала армянская диаспора, фактор которой активно использовался армянскими националистами.

В Грузии ситуация была более сложной. На территориях, которые позднее образовали независимую Грузию, проживало несколько этнически близких групп, говорящих на схожих диалектах. Речь идет о сванах и мингрелах, которые в XX веке были интегрированы в состав грузинской политической нации и в настоящее время обладают не национальными, а региональными идентичностями. Сохранив свои языки, эти сообщества не смогли довести их до уровня подобному грузинскому. В такой ситуации именно ქართული ენა стал национальным языком и основным средством этнической консолидации.

В Грузинской ССР грузинские интеллектуалы, интегрировав родственные и близкие группы в состав политической нации, смогли озаботиться решением двух задач – поиском великих предков и поиском великих родственников. Решением первой задачи занималась грузинская национальная историография, усилиями которой был создан канон описания и написания национальной истории. Поиском великих родственников были озабочены в первую очередь исследователи языка, которые занялись поиском родственных картвельских народов за пределами Кавказа 1930-е годы. К концу 1940-х годов усилиями грузинских лингвистов и историков, в частности – И. Джавахишвили[811], А. Чикобавой[812] и Мисидзе[813], был выработан своеобразный канон изучения картвельских или иберийско-кавказских языков[814], хотя некоторые принципиально важные работы появились во второй половине 1930-х[815], а так же конце 1930-х – начале 1940-х годов[816].

---

[811] ჯავახიშვილი [Dzhavahishvili]

[812] ჩიქობავა [Chikobava]

[813] მისიძე [Misidze]

[814] См. подробнее: Чикобава А. Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик / А. Чикобава // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1948. – Вып. 2; Чикобава А. О лингвистических чертах картвельских языков / А. Чикобава // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1948. – Т. 7. – Вып. 1.

[815] ჯავახიშვილი ი. ქართული და კავკასიური ენების თავდაპირველი ბუნება და ნათესაობა / ი. ჯავახიშვილი. - თბილისი, 1937 (Dzhavahishvili I. Kartuli da kavkasiuri enebis tavdapirveli buneba da natesaoba / I. Dzhavahishvili. – Tbilisi, 1937).

[816] მისიძე. ჭანურ-მეგრულ-ქართული შედარებითი ლექსიკონი / მისიძე. – თბილისი, 1938 (Misidze. Ch’anur-megrul-kartuli shedarebiti leksikoni / Misidze. – Tbilisi, 1938); მისიძე. სვანური

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Наилучшими кандидатами на роль таких родственников оказались баски в силу того, что они были европейцами, а их происхождение было дискуссионной проблемой. В силу этого в грузинской гуманистике в СССР возник комплекс смежных дисциплин, занятых в сфере изучения языка, истории и культуры басков. На родство с басками претендовали и соседи грузин по СССР – армяне, но в советский период грузинские интеллектуалы пресекали попытки армянских коллег заявить о своем родстве с басками, монополизировав родственный статус с этим изолированным в языковом отношении народом, проживавшем на территории Испании.

К середине 1970-х годов одним из крупнейших специалистов по проблемам истории басков и баскского языка стал Шота Дзидзигури[817], который сделал первые шаги в изучении баскской проблематики во второй половине 1930-х годов[818]. В 1978 году на грузинском языке выходит книга «Баски и грузины»[819], где в систематизированном виде специально подобранных цитат из источников и исследований, сопровождаемых авторским комментарием, представлены основные положения популярного в националистическом дискурсе нарратива о грузино-баскском этническом, языковом и культурном родстве.

Для исследований Ш. Дзидзигури был характерен мощный примордиалистский тренд, что проявлялось в интерпретации проблем этногенеза и ранней истории грузин. Дзидзигури (без ссылки ни на источник, ни на исследования предшественников) полагал, что «на рубеже II – I тысячелетий до н.э. на исторической арене появились мушки, которых считают *грузинами по происхождению* [курсив мой – М.В.]»[820]. Относительно мушков / месхов / мосхов Ш. Дзидзигури констатировал, что они являлись «грузинской этнической единицей»[821]. По мнению Ш. Дзидзигури, предки современных грузин были именно *грузинские* [курсив мой – М.В.] племена, которые постепенно объединились и создали *грузинскую* [курсив мой – М.В.] государственность[822].

Шота Дзидзигури, подобно большинству грузинских историков того времени[823], интерпретировал этногенез грузин в примордиалистском духе: не

მოთხრობითის ერთი ვარიანტი და სახელთა ბრუნების ორფუძიანობი ზოგ კავკასიურ ენაში / მისიძე // სტალინის სახელობის სახ. უნივერსიტეტის შრომები. – 1941. – ტ. 18 (Misidze. Svanuri mot'hrobitis erti varianti da sahelta brunebis orp'udzianobi zog kavkasiur enashi / Misidze // Stalinis sahelobis sah. universitetis shromebi. – 1941. – t. 18).

[817] შოთა ძიძიგური [Shota Dzidziguri]

[818] მნატობი. – 1937. – № 3.

[819] ძიძიგური შ. ბასკები და ქართველები / შ. ძიძიგური. – თბილისი, 1978 [Dzidziguri Sh. Baskebi da kartvelebi / Sh. Dzidziguri. – Tbilisi, 1978].

[820] Дзидзигури Ш. Баски и грузины / Ш. Дзидзигури. – Тбилиси, 1979. – С. 21.

[821] Там же. – С. 21. Комментируя подобные тенденции в интерпретации прошлого В.А. Шнирельман, полагает неверным отождествлять мушков и мосхов: «на самом деле мушки были народом родственным фригийцам… мосхи были носителями протогрузинского языка, но никакого отношения к мушками не имели». См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 327.

[822] Там же. – С. 7.

[823] См. подробнее раздел «"Похождения" древних грузин в Малой Азии» в исследовании В.А. Шнирельмана 2003 года. См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 293 – 318. Вероятно, в классическом виде модель написания истории Грузии, которая включает в себя объявление предками грузин пле-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

вдаваясь в подробности, он полагал, что население Грузии, то есть «грузинские племена» сначала назывались урартами (в связи с этим, Дзидзигури указывал на то, что «многие явления в области спряжения глагола свидетельствует о поразительном сходстве урартского с картвельским… а вся система урартского склонения имен… обнаруживает исключительную близость к картвельским языкам»[824]), потом иберами, но позднее сменили название на картлийцев, а «картлийское наречие стало литературным языком грузинского народа»[825], что подразумевало наличие развитой письменности и литературы у иберов.

Аргументируя эту национальную метаморфозу, Ш. Дзидзигури указывал на то, что «к основе **ибер (ивер)** сводятся многие вариантные разновидности древнейших наименований картвельских племен»[826]. С другой стороны, Ш. Дзидзигури полагал, что картвельские племена были объединены «национальной идеей», которая «давно объединяла их в национальном и культурном отношениях… а так же физически»[827]. Это привело к тому, что «подтачивались основы существовавшего издревле партикуляризма», после чего, по терминологии Ш. Дзидзигури, возникли условия для «образования общегрузинского национального организма»[828]. Интерпретируя древнюю историю того, что позднее стало Грузией, Ш. Дзидзигури писал о Восточной и Западной Грузии в то время, как исторические названия этих территорий, Эгриси (ეგრისი[829]), Месхети (მესხეთი[830]) и Картли (ქართლი[831]), имели для него второстепенное значение. Примечательно, что само понятия «Абхазия» для Ш. Дзидзигури было исключительно географическим названием одной из исторически грузинских территорий[832], лишенным этнического, негрузинского, бэк-граунда.

Параллельно внимание акцентировалось на том, что в древности грузины / грузинские племена занимали более обширные территории, чем современная для Ш. Дзидзигури Грузинская ССР[833]. Шота Дзидзигури полагал, что античные

мена картвельского неиндоевропейского происхождения, представлена в работах И. Джавахишвили, а так же в учебной литературе для грузинских школ и университетов в ГССР. См.: Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа / И. Джавахишвили. – Тбилиси, 1950. – Кн. 1 (Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока); История Грузии / Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. – Тбилиси, 1950. – Т. 1 (С древнейших времен до начала XIX века). Критику подобного этноориентированного подхода см.: Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории / И.М. Дьяконов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / ред. М.С. Азимов. – М., 1981. – С. 90 – 100; Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки / И.М. Дьяконов, С.А. Старостин // Древний Восток: этнокультурные связи / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. – М., 1988.

[824] Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 122.
[825] Там же. – С. 15.
[826] Там же. – С. 45.
[827] Там же. – С. 23.
[828] Там же. – С. 28.
[829] ეგრისი [Egrisi]
[830] მესხეთი [Mes'heti]
[831] ქართლი [Kartli]
[832] Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 13.
[833] Там же. – С. 10.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

авторы так же писали именно о грузинских племенах. Для Ш. Дзидзигури было характерно романтическое стремление удревнить историю грузин, ввести их в один ряд с народами древности. Именно поэтому он полагал, что «картвельские (грузинские) племена» халибов и халидзонов принимали участие в Троянской войне[834]. Далеким предкам грузин, халибам, Ш. Дзидзигури приписывал особую цивилизаторскую роль, полагая, что они добились больших успехов в обработке металла, чем их соседи, а «слава древнейших грузинских племен мусков дошла даже до евреев»[835].

Кроме этого Ш. Дзидзигури констатировал, что «большое значение для истории грузинской нации имеет то, что в первой половине V века до н.э. из четырех величайших народов (персы, мидийцы, саспейры и колхи) проживавших на территории Передней Азии, два народа – колхи и саспейры – были картвельского происхождения»[836]. Собственно грузинам Шота Дзидзигури приписывал цивилизаторскую роль на Кавказе, что проявилось, по его мнению, в картлизации – расширении ареала использования и доминирования картлийского (грузинского) языка. Ш. Дзидзигури полагал, что под сильное влияние грузин попали и горцы Кавказа, некоторые из которых «полностью огрузинились», а грузинский язык «глубоко проник в жизнь населения горных районов»[837]. Подобное усиление грузинского языка связывалась не просто с его особенностями, но и менталитетом носителей.

Именно в этом контексте и возникает баскская перспектива, связанная с идеей особой древности и особой исторической миссии грузин и басков. Шота Дзидзигури полагал, что иберы, обитавшие на территории Испании, были не только родственным народом для иберов / картлийцев будущей Грузии, но и «древнейшим народом Западной Европы». Таким образом, в грузинском интеллектуальном дискурсе популяризировалась идея, что грузины были не только европейцами, но и древнейшей европейской общностью, возникшей до прихода индоевропейцев. Современные баски, как полагал Ш. Дзидзигури, были прямыми потомками древних иберов и, как результат, родственниками современных грузин[838]. Иными словами, в грузинской историографии культивировалась идея о том, что древняя доиндоевропейская Европа была территорией, где доминировали родственные иберийско-кавказские языки.

Отдаленным предкам грузин и басков Ш. Дзидзигури приписывал мессианскую роль в истории, полагая, что они населяли обширные территории от Северной Америки до Испании, от Англии до Сицилии. Дзидзигури утверждал, что иберы, как предки грузин, были создателями огромной империи, являясь историческими конкурентами египтян и финикийцев[839]. В подобной интерпретации история грузин получала значительную в хронологическом плане предысторию, а грузины и родственные им баски превращались в древнейшие народы. Анализируя историю басков, Шота Дзидзигури переносил на нее

---

[834] Там же. – С. 7.
[835] Там же. – С. 8, 9.
[836] Там же. – С. 44.
[837] Там же. – С. 23 – 24.
[838] Там же. – С. 46 – 47.
[839] Там же. – С. 48.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

приемы исторического описания, выработанные грузинской историографией для написания истории Грузии.

Согласно этой схеме, история басков выглядела следующим образом: баски не были индоевропейцами, а были родственным картвелам народом, который, подобно грузинам был вынужден жить в окружении агрессивных индоевропейских соседей, которые периодически завоевывали басков. Баски, подобно грузинам, становились жертвами коварных соседей-завоевателей, которые пытались их ассимилировать. «Некогда могучая Иберия рухнула. В Европе “осиротевшие” остатки старого племени истекали кровью, стремясь сохранить национальную самобытность»[840], – писал Шота Дзидзигури, комментируя историю басков, используя методологические приемы, выработанные при описании истории самих грузин.

С другой стороны, Ш. Дзидзигури был склонен проводить параллели между развитием грузинских и баскских культурных традиций, доказывая тем самым их историческую и генетическую близость. Общие черты Ш. Дзидзигури искал в фольклоре басков и грузин, видя сходство грузинских народных песен «ურმული»[841], «ოროველა»[842] и «კალოური»[843] с некоторыми образцами баскской народной музыки, ритуала боя быков, общие элементы которого характерны для басков и грузин[844]. Наибольшее количество параллелей Ш. Дзидзигури проводил между грузинским и баскским языком, полагая, что «грузинский и баскский языки очень похожи с точки зрения сохранности архаичных элементов»[845].

Подводя итоги этого раздела, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Сама идея поиска великих предков и не менее великих родственных народов развивалась в рамках примордиалистского тренда написания и описания истории, который доминировал в Грузинской ССР. Примордиальное прочтение истории вело к мифологизации исторического прошлого, что в значительной степени способствовало размыванию сугубо академического научного дискурса в историческом знании. На смену ему приходил национально ориентированный канон конструирования исторического прошлого и сознательного «населения» этого прошлого великими предками, которым приписывалась мессианская и культуртрегерская роль в отношении других народов.

Сама идея родства была в этом контексте принципиально важна для националистически и / или национально ориентированных грузинских интеллектуалов. С одной стороны, грузинские интеллектуалы нашли для грузин «дальнего родственника» с такой же героической как у самих грузин историей. С другой, сама отдаленность этнических родственников имела принципиально важное значение в силу возможных интерпретаций истории басков. Грузинские интеллектуалы, осознавая этническое и языковое родство с басками, и пользуясь недостаточно разработкой в то время проблем, связанных с историей Древней

---

[840] Там же. – С. 52.
[841] ურმული [Urmuli]
[842] ოროველა [Orovela]
[843] კალოური [Kalouri]
[844] Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 95 – 96, 97.
[845] Там же. – С. 111.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Европы – Европы до прихода индоевропейцев – пытались провести своеобразную картвелизацию европейского региона. Дальнейшее развитие этой темы, ее последовательная мифологизация, могли в перспективе обеспечить грузин статусом древнейшего в мире народа, создав имидж предшественников европейской цивилизации.

Однако сюжеты, связанные с баскским родством и единой доиндоевропейской Европой, в грузинском гуманитарном дискурсе конца 1970-х – 1980-х годов не получили серьезного развития, пребывая на границе академических исследований с популярными этноцентристскими интерпретациями истории. Это было связано, вероятно, с тем, что сама перспектива обретения новых великих предков и казалась привлекательной для грузинских националистов, но грузинский национализм в ГССР столкнулся с вызовами со стороны региональных историографий: абхазские и южноосетинские историки и интеллектуалы начинают все более активно оспаривать выводы своих грузинских коллег, полемизируя с ними.

В такой ситуации грузинские историки были вынуждены отойти от разработки иберийско-баскской темы, пойдя по пути конфронтации с историографиями автономий в составе Грузинской ССР. Исторические претензии реально существующих соседей оказались более важными, чем великие предки и великие «дальние родственники».

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ГРУЗИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Грузинское интеллектуальное сообщество в СССР развивалось в условиях сосуществования различных идентичностных трендов и проектов, авторами которых были грузинские интеллектуалы, нередко склонные позиционировать себя как европейцев, а Грузию – как европейскую страну в историческом и культурном плане. Подобные интеллектуальные тренды, известные как окцидентализм[846], получили особое развитие во второй половине 1980-х годов – в период перестройки и значительной активизации грузинского национального движения, которое предлагало альтернативные проекты и модели развития грузинской идентичности. Центральной темой этих альтернативных проектов была идея восстановления национальной независимости и государственного суверенитета Грузии. На этом фоне особую роль начинают играть грузинские ученые-гуманитарии, которые занимались проблемами грузинской политической и культурной истории. Исследования, посвященные истории грузинской культуры и литературе, политической истории оказались особо востребованы в силу того, что демонстрировали политический, государственный и исторический опыт Грузии в прошлом. Нередко эти исследования были выдержаны в традициях окцидентализма, будучи сознательной попыткой реанимации европейских трендов в грузинской национальной идентичности, значительно ослабленных несколькими десятилетиями существования советской власти.

Культурный окцидентализм доминировал в исследованиях Н.К. Орловской[847] и Д. Лашкарадзе[848], о которых речь шла в одном из предыдущих разделов настоящего исследования[849]. Мощный окциденталистский тренд в грузинском интеллектуальном дискурсе был связан не только с идей принадлежности грузинской культуре к Европе, но и отношениями Грузии с государством, которое, по мнению грузинских интеллектуалов, было одной из основ европейской христианской цивилизации. Речь идет о Византийской Империи. С другой стороны, не все интеллектуалы Восточной Европы были склонны видеть в Византии часть европейского культурного пространства. Например, в болгарской интеллектуальной традиции Болгария воспринималась как Окцидент, а лучшими кандидатами на статус Ориента и соответственно – исторического оппонента, врага и противника, были не соседние Сербия и Румыния[850], а Османская Империя (позднее – Турция) и ее исторически-

---

[846] Об окцидентализме как культурном, интеллектуальном и политическом феномене и его месте в развитии национализма см. подробнее: Carrier J.G. Occidentalism: Images of the West / J.G. Carrier. – NY., 1995.

[847] Орловская Н.К. Вопросы литературных связей Грузии с Западом / Н.К. Орловская. – Тбилиси, 1986.

[848] Лашкарадзе Д. Проблема европеизма в грузинской литературе (от Теймураза Первого до Николоза Бараташвили) / Д. Лашкарадзе. – Тбилиси, 1987.

[849] См. раздел «Окцидентализм в Грузинской ССР как форма политического национализма и интеллектуального протеста» настоящего исследования.

[850] См.: Мишкова Д. Приспособяване на свободата. Модерност - легитимност в Сърбия и Румъния през XIX в. / Д. Мишкова. – София, 2001.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

пространственный предшественник – Византия / Греция[851]. Отрицательное отношение к грекам стимулировалось исторической памятью и активностью болгарских националистически ориентированных интеллектуалов.

В частности, П. Славейков создал весьма негативные и непривлекательные образы греков: «…цар Василий Византиец, царя-българоубиец…де кого сварят, убиват, градове палят и грабят, а села пленят и харат…»[852]. Негативное отношение к Греции проявилось в период первой мировой войны,[853] когда болгарские интеллектуалы приложили значительные усилия для ментальной ориентализации соседней, православной страны[854]. В 1918 году С. Бобчев читает доклад с весьма показательным названием «Ориентализация Византии и ее влияние на южных славян» («Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни»[855]). Вероятно, С. Бобчев не был первым форматором образа Византии как восточной страны. Примечательно, что еще один из крупнейших деятелей болгарского националистического движения Л. Каравелов писал о «турецко-византийской цивилизации» («турско-византийската цивилизация»[856]), а основные расхождения между Западом и Востоком болгарскими интеллектуалами связывались с религиозной[857], исламской или христианской, принадлежностью. Это, в частности, относится к болгарской интеллектуальной традиции, для окцидентализма которой был характерен мощный антивизантийский тренд[858]. На фоне подобной интеллектуальной рефлексии восприятие

---

[851] Об ориентализме в греческом дискусре см.: Велкова С. Самоидентификация между Изтока и Запада: гръцките характеристики на балканския феномен в края на XIX и първата половина на XX в. / В. Велкова // http://bulgc18.com/occidentalism/velkova.htm

[852] Славейков П. Кракра Пернишки // Съчинения. – София, 1978. – Т. 1. – С. 28.

[853] См.: Димитрова Сн. «Моята земя», «моята сцена», «моето пробуждане»: фигуративните преживявания на природата по време на Голямата война (1914–1918) и българската модерност / Сн. Димитрова // Критика и хуманизъм. – 2000. – № 2; Русев Л. Войната като влечение към смъртта и сродяване с ужаса / Л. Русев // Философски преглед. – 1935. – № 5.

[854] Участие болгарских интеллектуалов в первой мировой войне привело к появлению значительного количестве нарративных источников, которые способствовали формированию образа врага, в том числе и греческого, как восточного. См.: Митов Г. На война с 28-и пехотен Стремски полк. Страници от дневник / Г. Митов. – София, 1930; Мусаков Вл. Кървави петна / Вл. Мусаков. – София, 1921; Милев Н. Под стените на Одрин. Дневник / Н. Милев. – София, 1927. См. так же: Конева Р. Съседът между мира и войната / Р. Конева // Балкански идентичности. – София, 2001. – Т. 2. – С. 243 – 272; Кирчанов М.В. Множество и разнообразие националистического опыта в Большой Восточной Европе / М.В. Кирчанов // Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований. – Воронеж, 2008. – С. 11 – 19 (PDF версия доступна по адресу http://ejournals.pp.net.ua).

[855] Бобчев С. Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни / С. Бобчев // Списание на Българската академия на науките. – 1921. – Т. 11. – С. 187 – 238.

[856] См.: Чернокожев Н. Залези и Запади или окцидентализъм vs ориентализъм / Н. Чернокожев // http://bulgc18.com/occidentalism/Chernokgev_BG.htm

[857] Македонское восприятие проблемы соотношения Ориента и Окцидента представлено в ряде работ. См.: Мојсиева-Гушева J. Occident vs Orient / J. Мојсиева-Гушева // http://bulgc18.com/occidentalism/guseva.htm Классический труд Э. Саида «Ориентализм» переведен на македонский язык. См.: Саид Е. Ориентализам / Е. Саид. – Скопје, 2003.

[858] Подробнее см.: Кирчанов М.В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2008 (раздел «“Между Изтока и Запада”: болгарские маршруты балканской воображаемой географии, или интеллектуальное бегство с Ориента»).

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Византии в контексте окцидентализма в Грузии второй половины 1980-х годов – явление в значительной степени уникальное.

Грузинское интеллектуальное сообщество не было отягощено опытом столь неоднозначных и противоречивых отношений с Византийской Империей, имея других кандидатов на негативную канонизацию в образе врага, наделенного всеми атрибутами чуждости и враждебности. Грузинских интеллектуалов, которые занимались изучением Византийской Империи, интересовали в первую очередь грузино-византийские отношения и то, как через посредничество Византии средневековая Грузия контактировала с Западом, частью которого грузинскими авторами признавалась и сама Византия. В настоящем разделе мы остановимся на том, какое место в интеллектуальной истории Грузии конца 1980-х годов занимает восприятие Византии[859] как православного Запада. Своеобразный синтез и итог развития византийских нарративов в грузинском дискурсе мы можем наблюдать в исследовании Э.Г. Хинтибидзе (ელგუჯა ხინთიბიძე[860]) «Грузинско-византийские литературные взаимоотношения»[861] («ქართულ-ბიზანტიური ლიტერატურული ურთიერთობანი»[862]), представляющим собой в значительной степени обобщение предыдущих исследований Византийской Империи, проводимых в Грузинской ССР. Обратимся непосредственно к тексту, которые демонстрирует некоторые важнейшие перемены, связанные с существованием и функционирование европеистского интеллектуального дискурса в позднесоветской Грузии.

Для грузинской гуманистики конца 1980-х годов, в рамках которой национальное чувство играла одну из ведущих ролей[863], было характерно

---

[859] В этом разделе автор сознательно избегает событийной стороны, связанной с историей грузино-византийских политических контактов и литературных отношений в силу того, что его интересует грузинский византизм (под которым понимается интерес к Византии – византийской истории, культуре и литературе) как форма грузинского окцидентализма. О событийной стороне грузино-византийских отношений см.: ხინთიბიძე ე. ქართულ-ბიზანტიური ლიტერატურული ურთიერთობანი / ე. ხინთიბიძე. – თბილისი, 1969. Русская версия этой книги была опубликована двадцать лет спустя после издания оригинальной версии на грузинском языке.

[860] ელგუჯა ხინთიბიძე [Elgudzha Hintibidze]

[861] Хинтибидзе Э.Г. Грузинско-византийские литературные взаимоотношения / Э.Г. Хинтибидзе. – Тбилиси, 1989.

[862] ქართულ-ბიზანტიური ლიტერატურული ურთიერთობანი [Kartul-bizantiuri literaturuli urtiertobani].

[863] О связи гуманитарного (исторического) знания и национализма в теоретической преспективе см.: Alstadt A.L. Rewriting Turkic History in Gorbachev Era / A.L. Alstadt // Journal of Soviet Nationalities. – 1991. – Vol. II. – No 2. – P. 73 – 90; McCormack G. The Japanease Movement ro “Correct History“ / G. McCormack // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73; Gerow A. Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan / A. Gerow // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 74 – 95; Kazuhiko K. The Continuing Legacy of Japanese Colonialism: the Japan-South Korea Joint Study Group on History Textbooks / K. Kazuhiko // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 203 – 225; Loewen J.W. Vietnam War in High School American History / J.W. Loewen // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan,

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

своеобразное восприятие Византии, которая рассматривалась грузинскими авторами не просто как одна из крупнейших для своего времени империй, но как неотъемлемая часть европейской цивилизации – ее христианского восточноевропейского сегмента. Поэтому, отношения между Грузией и Византией в Средние Века, по мнению грузинских интеллектуалов позднего СССР, были отношениями двух христианских народов, которые в перспективе могли перерасти в равноправные, а грузинский язык мог по своему статусу и значению приблизиться к греческому в силу того, что само развитие Грузии протекало в рамках «греко-византийского культурного процесса»[864]. Э. Хинтибидзе полагал, что грузинская и византийская культурная традиция опирались на в значительной степени сходный культурный фундамент, связанный с восприятием античного наследия[865]. Именно поэтому особо подчеркивалось, что средневековые грузинские книжники участвовали в реализации амбициозного культурного проекта, связанного с попыткой «в кратчайший срок перевести все то из византийской литературы, чего на грузинском языке до тех пор не было»[866]. Грузинские интеллектуалы 1980-х годов акцентировали внимание на том, что благодаря деятельности грузинских книжников византийская культура получила ряд важных христианских текстов, которые до этого не были известны в греческих переводах[867]. С другой стороны, предполагалось, что средневековые грузинские деятели стремились к тому, чтобы «грузинская вера и грузинская культура не слились с греческой верой и культурой, а заняли достойное место рядом с ними»[868].

Кроме этого, в грузинском интеллектуальном дискурсе получил развитие нарратив о грузинах как активных участниках развития византийской литературы и Церкви: внимание акцентировалось на том, что грузины имели свой монастырь на Афоне, активно помогали греческим монастырям, купили и помогли построить на Афоне и католический монастырь[869]. Именно поэтому в позднесоветской грузинской историографии утвердился нарратив о средневековой грузинской культуре как национальной, проникнутой идеями грузинской национальной идентичности и уникальных культурных ценностей[870]. Акцентируя внимание на том, что грузинская средневековая культурная традиция не уступала Западу и Византии, Э. Хинтибидзе полагал, что «грузинская культура и грузинская литература всерьез готовились к тому, чтобы

Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 150 – 172; Soysal Y.N. Identity and Transnationalization in German School Textbooks / Y.N. Soysal // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 127 – 149; Yoshiko N., Hiromitsu I. Japanese Education, Nationalism and Ienago Saboro's Textbook Lawsuits / N. Yoshiko, I. Hiromitsu // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 96 – 126.

[864] Хинтибидзе Э.Г. Грузинско-византийские литературные взаимоотношения. – С. 9.

[865] Там же. – С. 19.

[866] Там же. – С. 16.

[867] Там же. – С. 14.

[868] Там же. – С. 13.

[869] Там же. – С. 15.

[870] Там же. – С. 13 – 14.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

сказать веское слово в истории мировой христианской мысли»[871]. Отношения с Византией для грузинских интеллектуалов имели символически важное значение, так как демонстрировали грузинский вклад в развитие культуры средневекового христианского Запада. По мнению грузинских авторов конца 1980-х годов, Грузия была органической частью европейского культурного и религиозного ландшафта в силу того, что «древнегрузинская литература не была оторвана от культурного процесса других передовых народов, что было обусловлено политико-экономической жизнью Грузии, находившейся в тесных контактах с Западом»[872]. Грузинские исследователи исходили из того, что процесс культурного обмена между Византией и Грузией носил подлинно двусторонний характер, в силу чего христианская традиция Византии заимствовала ряд культурных и религиозных достижений средневековой грузинской культуры.

Поэтому, Грузия через Византию не только поддерживала отношения с Западом, но и влияла на развитие западной культурной традиции, чем оказала влияние на формирование истоков Европейского Возрождения[873]. Грузинские авторы второй половины 1980-х годов акцентировали внимание на том, что среди представителей культурной и религиозной элиты Византии было немало грузин и деятелей грузинского происхождения. В связи с этим, Э. Хинтибидзе подчеркивал, что Василий Великий, Григорий Нисский, Евагрий Понтийский могли быть по происхождению грузинами[874]. Не вызывала сомнения грузинская идентичность и Петра Ивера, жившего с 437 по 491 год в Палестине. В связи с этим подчеркивалось, что Петр Ивер не просто был одной из центральных фигур в церковной жизни Палестины того времени, но и оказал существенное интеллектуальное воздействие на формирование и развитие религиозного мировоззрения средневековой Европы и Запада эпохи Ренессанса[875]. Историческая трагедия средневековой Грузии, как полагал Э. Хинтибидзе, состояла в монгольском нашествии, которое не дало реализоваться культурному потенциалу и стать грузинской культуре частью европейского Возрождения[876]. Поэтому, грузинские авторы второй половины 1980-х годов полагали, что кризис европейской модели развития грузинской средневековой культуры не был связан со внутренними факторами, но стал результатом принудительной ориентализации в результате завоевания носителями азиатских культурных традиций, что в целом все же не могло повлиять на европейский характер грузинской культуры.

По мнению грузинских интеллектуалов второй половины 1980-х годов, влияние средневековой Грузии на генезис европейского Возрождения было естественно в силу того, что сам процесс развития грузинской и европейских литератур протекал в значительной степени похоже, а грузинских книжников интересовали те же сюжеты, которые находились в центре внимания

---

[871] Там же. – С. 17.
[872] Там же. – С. 11.
[873] Там же. – С. 10.
[874] Там же. – С. 11, 29 – 31.
[875] Там же. – С. 12.
[876] Там же. – С. 22.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

европейских авторов[877]. Комментируя этот процесс Э. Хинтибидзе подчеркивал, что грузинские произведения XII века «Висрамиани»[878] и «Амирандареджаниани»[879] были в значительной степени структурно, идейно и содержательно близки к светской литературе Запада XIII столетия[880]. Именно поэтому, «Витязь в тигровой шкуре» позиционировался грузинскими интеллектуалами как не просто явление грузинской культуры, но как произведение европейского масштаба[881].

В заключение настоящего раздела следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. В грузинском интеллектуальном дискурсе восприятие Византии было лишено политического контекста, что отличает его от других перцепций Византии, в частности – от болгарской, о которой речь шла выше. В силу отсутствия политического бэк-граунда сложились условия для возникновения научной традиции изучения и интерпретации истории грузино-византийских отношений. Дискурс восприятия Византии в Грузинской ССР второй половины 1980-х годов был связан с мощным окцидентальным трендом развития грузинской гуманистики. Византия и Грузия позиционировались как древнейшие европейские христианские державы, исторически связанные с античной культурной традицией. Именно античное историческое значение играло принципиально важную роль для грузинских интеллектуалов в силу того, что его восприятия в Грузии на более раннем этапе чем в Европе доказывало то, что грузинская культурная традиция наряду с византийской сыграла значительную роль в развитии на Западе интереса к античности и, как результат, в генезисе культурных и интеллектуальных истоков западного Ренессанса. Кроме этого изучение византийской истории и грузино-византийских отношений в Грузинской ССР имело принципиально важное значение для осознания Грузии грузинскими интеллектуалами как части европейского культурного пространства, насильственно оторванного в силу исторических обстоятельств от Западной Европы и христианского мира.

Принудительная ориентализация Грузии, вызванная арабскими, персидскими и турецкими завоеваниями, крах Византии под ударами турок у грузинской интеллектуальной традиции позиционировались как исчезновение с политической карты европейского пространства принципиально важных в культурном и религиозном отношении стран. Вероятно, на протяжении XX столетия своеобразной реакцией на принудительную ориентализацию было, с одной стороны, развитие грузинского культурного и интеллектуального окцидентализма при параллельном конструировании, с другой, негативного образа Ориента.

---

[877] Там же. – С. 20.
[878] ვისრამიანი [Visramiani]
[879] ამირანდარეჯანიანი [Amirandarezhaniani]
[880] Хинтибидзе Э.Г. Грузинско-византийские литературные взаимоотношения. – С. 21.
[881] Там же. – С. 22.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
(ПЕРИФЕРИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ)

В политическом, интеллектуальном и социальном плане история Македонии и Грузии XX века – это история модернизации, связанной с утверждением принципов национализма – в большей степени политического и гражданского и в меньшей – радикального этнического. Модернизация стала тем обществоформирующим процессом, который в этих регионах, расположенных на периферии Европы, пришел на смену традиционным нормам, обычаям и тем институтам, которые формировали традиционное общество, гарантируя и обеспечивая его существование, функционирование и воспроизводство. Исторические процессы на территории Македонии и Грузии, которые в период Средних Веков, развивались как часть европейской христианской цивилизации, привели к тому, что они были вырваны из Европы соседями, которые исповедовали ислам, принудительно подвергнув Грузию и Македонию значительной ориентализации, на несколько столетий приблизив их в Востоку, оторвав и отдалив от Европы и, тем самым, превратив в европейскую периферию.

Традиционное общество в Македонии и Грузии существовало на протяжении нескольких столетий. Поэтому, оно отличалось немалым адаптивным потенциалом. С другой стороны, особенности традиционализма, среди которых значительная статичность, крайне слабая восприимчивость к новациям и изменениям, а так же внешним влиянием, предопределили поражение балканского и закавказского вариантов традиционализма в противостоянии с национализмом. Модернизация и традиция, таким образом, перманентные исторические конкуренты. В противостоянии местных традиционализмов, как устойчивых, но локальных, явлений и феноменов традиция оказалась не в состоянии противостоять национализму, который предлагал политические идеи, претендовавшие на историческую универсальность.

Не исключено, что отмирание традиционности, исчезновение традиционных институтов и отношений в Македонии и Грузии под напором принципов политического и гражданского национализма имело исключительно позитивный характер. По чисто внешним показателям вытеснение старых архаичных и домодерных форм организации новыми типами социальной, культурной и политической коммуникации было явлением сугубо прогрессивное. Отмирание старых идентичностей осложнялось в Македонии и Грузии тем, что идентичность в этих регионах развивалась как множественный феномен. Политическая модернизация, проведенная в рамках авторитарной модели, привела к ломке традиционных идентичностей, но вовсе не означала однозначной победы одного идентичностного проекта над другими. Создание модерновых наций в Македонии и Грузии было осложнено, точнее – отягощено, наличием множественного националистического опыта, за которым стояли различные идентичности, связанные как с идей политической нации, так и нации как этнически гомогенного сообщества. Не следует преувеличивать прогрессивное значение модернизации на территории европейских периферий в виду того, что процесс строительства нации и формирования националистического дискурса оказался далеким от своего завершения. Это выразилось в сосуществовании разных идентичностей, отличных

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

идентичностных проектов и конкуренции этнически и политически ориентированного националистического опыта. Политические ориентиры ведут к триумфу гражданского (либерального, умеренного и не столь опасного) национализма. Примат этничности неизбежно выливается в радикализацию националистического дискурса, что ведет к его постепенной маргинализации. История македонского и грузинского национализмов наполнена как политическими, так и этническими дискурсами.

Феномен националистической модернизации Македонии и Грузии связан с попытками территориально институционализации самой модернизации, что было связано со стремлением элит доминировавшего центра локализовать и ограничить модернизацию в рамках национально-региональных автономий. В СССР для грузинской нации роль подобной автономии играла Грузинская ССР, для македонцев в СФРЮ – СР Македония. В этом контексте модернизация и национализм стали мощнейшими факторами для развития националистического воображения, националистической рефлексии и спекуляции. Географическое воображение развивалось в Грузинской ССР и СР Македонии как сознательное конструирование пространства специально для себя и под себя. Триумф грузинского и македонского национализмов привел к тому, что локальные архаичные институты и политические отношения были в значительной степени разрушены и / или трансформированы, а сама периферия интегрировалась в новый государственно-политический контекст авторитарной государственности.

Модернизация в Македонии и Грузии стала важнейшим и мощнейшим двигателем и стимулом для социальных изменений, социальных перемен, которые в первую очередь затрагивали традиционные типы идентичности, радикально меняя и перестраивая их, разрушая традиционные формы социальной и культурной коммуникации. Эти процессы, протекающие в рамках грузинской и македонской модернизаций, обретали крайне разнообразные формы, проявляясь в националистической рефлексии и спекуляции относительно языка и истории, в конструировании образа «чужого». Модернизация в Македонии и Грузии, проведенная в рамках националистического проекта, развивалась и как разрушающая сила, которая вела к маргинализации альтернативных идентичностных проектов. В Македонии маргинализации подвергся альтернативный проект, основанный на интеграции македонской идентичности в «большую» болгарскую политическую нацию, где Македонии был уготован статус периферии, от которого так стремились избавиться македонские интеллектуалы-националисты. В Грузии в значительной степени были маргинализированы локальные националистические дискурсы.

Модернизация в Грузии и Македонии, протекавшая в рамках авторитарных режимов, вела к разрушению традиционных отношений и представлений грузинского и македонского крестьянина и горожанина о себе. Модернизация разрушила традиционные для них системы социальных связей, трансформировав их потомком их просто крестьян и горожан с грузин и македонцев, для которых основу самоидентификации составили не связи со своей социальной и локальной группой, но представления о единой истории, идентичности и языке. Македонцы и грузины как нации являются порождением модернизации. Именно в результате модернизационных проектов, предлагаемых интеллектуалами-националистами,

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

возникли те идентичности, которые определяют современный политический облик двух некогда европейских периферий – Грузии и Македонии.

Став нациями, эти регионы утратили свой периферийный статус. Триумф политического национализма стал и победой культурного оксидентализма. Европа расширила свои границы, приняв некогда периферийные регионы в качестве европейских наций. Грузия и Македония «пришли» в Европу со значительным опозданием. Современные Балканы и Кавказ напоминают Европу периода активной национализации и утверждения принципов национализма. Поэтому, политические, этнические, интеллектуальные и конфессиональные конфликты (македоно-болгарский, македоно-греческий, македоно-албанский, грузино-осетинский, грузино-абхазский) далеки от разрешения, хотя и македонские и грузинские политические элиты и интеллектуальные сообщества активно культивируют имидж своих политических наций и государств как важной и неотъемлемой части европейского культурного, интеллектуального и политического пространства.

Опыт политической интеграции Запада, который оказался в состоянии отказаться от националистической риторики, сменив воображение националистическое культивированием европейской политической и культурной идентичности, свидетельствует о возможности решения столь сложных конфликтов. Примирению Запада после завершения второй мировой войны понадобилось несколько десятилетий, чтобы выстроить систему известную как Европейский Союз, в который стремятся политические и интеллектуальные элиты Македонии и Грузии. Открытым остается вопрос, каким временным потенциалом располагают элиты стран, возникших в результате триумфа национализма. Ситуация осложняется и тем, что этот национализм был не только гражданским и политическим.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

БИБЛИОГРАФИЯ

Нарративные источники:

1. Абашидзе И. Колокол из тридцатых годов. Воспоминания. Стихотворения / И. Абашидзе / пер. с грузинского Э. Джалиашвили. – СПб., 2005.
2. Јаневски С. Село за седумте јасени / С. Јаневски. – Скопје, 1952.
3. Јаневски С. Пруга на младоста / С. Јаневски. – Скопје, 1947.
4. Јаневски С. Егејска барутна бајка / С. Јаневски. – Скопје, 1949.
5. Јаневски С. Песни / С. Јаневски. – Скопје, 1948 (1950).
6. Јаневски С. Лирика / С. Јаневски. – Скопје, 1952.
7. Јаневски С. Леб и камен / С. Јаневски. – Скопје, 1957.
8. Ивановски Г. За ноќата пролет. На Ацо Караманов, ученик поет, загинат в народно-ослободителната борба / Г. Ивановски // Македонска лирика. – Скопје, 1950.
9. Конески Б. Мостот / Б. Конески. – Скопје, 1945.
10. Тодоровски Г. Нашиот Сандански. На клеветниците од Радио – Софија / Г. Тодоровски // Македонска лирика. – Скопје, 1950. – С. 19 – 20.
11. Тодоровски Г. Во утрините / Г. Тодоровски. – Скопје, 1951.
12. Тодоровски Г. Тревожни звуци / Г. Тодоровски. – Скопје, 1953.
13. Тодоровски Г. Спокоен чекор / Г. Тодоровски. – Скопје, 1956.
14. Тодоровски Г. Божилак / Г. Тодоровски. – Скопје, 1956.
15. Тодоровски Г. Апотеоза на делникот / Г. Тодоровски. – Скопје, 1964.
16. Тодоровски Г. Горчливи голтки на премол / Г. Тодоровски. – Скопје, 1970.
17. Тодоровски Г. Снеубавен ден / Г. Тодоровски. – Скопје, 1974.
18. Шопов А. На Грамос / А. Шопов. – Скопје, 1950.
19. Шопов А. Со наши раце / А. Шопов. – Скопје, 1950.
20. Шопов А. Стихови за маката и радоста / А. Шопов. – Скопје, 1951.
21. Шопов А. Слеј се со тишината / А. Шопов. – Скопје, 1955.
22. Шопов А. Ветрот носи убаво време / А. Шопов. – Скопје. 1957.

Исследования:

На македонском языке:

1. Абаџиев Ѓ. Македонски патриот и публицист Димитрија Чуповски / Ѓ. Абаџиев // Нова Македонија. – 1958. – 16 новембри.
2. Абаџиев Ѓ. Македонски револуционери / Ѓ. Абаџиев. – Скопје, 1950.
3. Андерсон Б. Замислени заедници / Б. Андерсон. – Скопје, 1998.
4. Андонов-Полјански Х. Историја на македонскиот народ / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1969.
5. Андонов-Полјански Х. Македонија и Словенија / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1978.
6. Андонов-Полјански Х. Гоце Делчев и неговото време / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1978.
7. Андоновски Х. Крсте Мисириков / Х. Андоновски // Културен живот. – 1961. – 6 октомври. – С. 25 – 26.
8. Андоновски Х. Вистината на Егејска Македонија / Х. Андоновски. – Скопје, 1971.
9. Антоляк Ст. Самуиловата држава / Ст. Антоляк. – Скопје, 1969.
10. Апостолов А. Колонизацијата на Македонија во стара Југославија / А. Апостолов. – Скопје, 1966.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

11. Апостолски В. На великобугарски националистички позиции / В. Апостолски. – Скопје, 1979.
12. Апостолски В. Современите аспекти на великобугарскиот национализам / В. Апостолски // Нова Македонија. – 1980. – 15 – 27 мај.
13. Ачкоска В. Некои демографски движенија и етнички промени во Република Македонија по втората светска војна / В. Ачкоска // Македонците и словенците во Југославија / упоред. Н. Велјановски, Б. Давитковски. – Скопје – Љубљана, 1999. – С. 113 – 127.
14. Беличанец Т. Политичките идеи на Димитрија Павле Чуповски за слободата и државноста на македонскиот народ / Т. Беличанец // Годишник на Правниот факултет во Скопје. – 1973. – Т. 17. – С. 505 – 522.
15. Битоски К. Македонија и Кнежество Бугарија (1893 – 1903) / К. Битоски. – Скопје, 1977.
16. Битоски Кр. Континуитетот на Македонските националнослободителни борби во XIX и почетокот на XX век / Кр. Битовски. – Скопје, 1998.
17. Битоски Кр. Грчката «Македонска борба», 1904-1908 / Кр. Битоски. – Скопје, 2001.
18. Битоски Кр. Дејноста на Пелангониската Митрополија (1878 – 1912). Грчки религиозно-просветни и вооружени акции / Кр. Битоски. – Скопје, 1968.
19. Вангели А. Теорија на граѓанскиот идентитет / А. Вангели // Политичка Мисла. – 2006. – № 16. – С. 39 – 50.
20. Видоески Б., Димитровски Т., Конески Б., Угринова-Скаловска Р. Правопис на македонскиот литературен јазик со правописен речник. – Скопје,1969.
21. Видоески Б. Северните македонски говори / Б. Видоески // Македонски јазик. – 1954. – Т. V. – № 1. – С. 1 – 30.
22. Видоески Б. Основни дијалектни групи во Македонија // Македонски јазик. – 1960 – 1961. – Т. XI – XII. – № 1 – 2. – С. 13 – 31.
23. Весковиќ-Вангели В. Борбата за независна Македонска република од Илинден до АСНОМ / В. Весковиќ-Вангели. – Скопје, 1995.
24. Влахов Д. Мемоари / Д. Влахов. – Скопје, 1970.
25. Гелнер Е. Нациите и национализмот / Е. Гелнер. – Скопје, 2001.
26. Георигиевски К. Македонскиот роман 1952 – 1982 / К. Георгиевски. – Скопје, 1983.
27. Гешев Ев. Нашата кауза / Ев. Гешев. – Скопје, 1994.
28. Голомб З. Два македонски говори (на Сухо и Висока во Солунска). Јазична обработка / З. Голомб // Македонски јазик. – 1960 – 1961. – Т. XI – XII. – № 1 – 2. – С. 113 – 182; 1962 – 1963. – Т. XIII – XIV. – № 1 – 2. – С. 173 – 276.
29. Голомб З. За «механизмот» на словенско-романските односи Балканскиот Полуостров / З. Голомб // Македонски јазик. – 1970. – Т. XXI. – С. 5 – 18.
30. Гоце Делчев во шест тома / ред. Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1972.
31. Гоце Делчев. 1872 - 1972. – Скопје, 1973.
32. Ѓорче Петров и Пере Тошев (Симпозиум, Прилеп, 1971). – Скопје, 1974.
33. Данопулос К. Односите меѓу црквата и државата, националниот идентитет и безбедноста во Грција по студената војна / К. Данопулос // New Balkan Politics. – 2002. – № 4 – 5.
34. Димевски С. Црковна историја на македонскиот народ / С. Димевски. – Скопје, 1965.
35. Додовска И. Будењето на македонскиот национален идентитет во XIX век, преку митот за Филип и Александар Македонски / И. Додовска // Политичка Мисла. – 2006. – № 16. – С. 29 – 39.
36. Додовска И. Исток – Запад и повторно Исток. Причините кои го условуваат меѓурелигискиот дијалог / И. Додовска // Политичка Мисла. – 2008. – № 6. – С. 39 – 44.
37. Доклестиќ Љ. Српско-македонските односи во 19 век / Љ. Доклестиќ. – Скопје, 1973.
38. Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. – Скопје, 1981. – Т. 1 – 2.
39. Јане Сандански и македонското национаљноосвободителното движење (Симпозиум, Струмица), 1975. – Скопје, 1976.
40. Јанакиевски Т. Прилог кон прашањето на убикацијата на античката населба Nicea – станица на Via Egnatia // Т. Јанакиевски // Macedoniae Acta Archeologica. – 1979. – № 2.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

41. Јаштар-Настева О. Влијанието на македонскиот јазик врз албанските и турските говори во Македонија / О. Јаштар-Настева // Македонски јазик. – 1957. – Т. VIII. – № 2. – С. 147 – 164.
42. Јелевиќ Б. Историја на Балканот (18 – 19 век) / Б. Јелевиќ. – Скопје, 1999.
43. Јовановиќ М. Востанијата на македонскиот народ во XI век / М. Јовановиќ. – Скопје, 1963.
44. Јотевски В. Националната афирмација на македонците во Пиринскиот дел на Македонија / В. Јотевски. – Скопје, 1996.
45. Зборник на документи за создање на македонската државност (1893 - 1944) / ред. А. Христов. – Скопје, 1970.
46. Егејска Македонија во нашата национална историја. – Скопје, 1951.
47. За македонскиот јазик / ред. Т. Димитровски, Б. Конески, Т. Стаматовски. – Скопје, 1978.
48. Иваноски О. Македонските словени од VI до IX век / О. Иваноски. – Скопје, 1962. – С. 5.
49. Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1960. – Т. 1 – 2.
50. Картов В. Македонскиот народ и правото на самоопределлување, 1918 – 1941 / В. Картов. – Скопје, 1987.
51. Катарџиев И. Историја на македонскиот народ / И. Катарџиев. – Скопје, 1969.
52. Катарџиев И. Борба за развој на македонската нација / И. Катарџиев. – Скопје, 1981.
53. Катарџиев И. Сто години од формирањето на ВМРО / И. Катарџиев. – Скопје, 1993.
54. Катарџиев И. Соседите и Македонија. Вчера, денес, утре / И. Катарџиев. – Скопје, 1998.
55. Керамидчиев А. Римската монетарница во Стоби / А. Керамидчиев // Зборник на Археолошкиот Музеј на Македонија. – Скопје, 1966. – Т. IV – V.
56. Кимлика В. Мултикултурно граѓанство / В. Кимлика. – Скопје, 2004.
57. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952.
58. Конески Б. За македонскио литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952.
59. Конески Б. Кон македонска преродба. Македонските учебници од 19 век / Б. Конески. – Скопје, 1959.
60. Конески Б. Македонскиот јазик во развојот на славенските литературни јазици / Б. Конески. – Скопје, 1968.
61. Конески Б. Од историјата на јазикот на словенската писменост во Македонија / Б. Конески. – Скопје, 1975.
62. Конески Б. Историја на македонскиот јазик / Б. Конески. – Скопје, 1986.
63. Конески Б. Македонската литература во 19 век / Б. Конески. – Скопје, 1952.
64. Конески Б., Тошев К. Македонски правопис со правописен речник / Б. Конески, К. Тошев. – Скопје, 1950.
65. Корубин Б. Јазикот на Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1956.
66. Корубин Б. Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1966.
67. Крсте Мисириков. Научен собир посветен на 40-годишнината од смртта, Скопје 24 - 25 јуни 1966. – Скопје, 1966.
68. Крсте Мисириков и национално-културниот развој на македонскиот народ от Ослобувањето. Реферати на симпозиумот во Скопје, 22 и 23 април 1975. – Скопје, 1976.
69. Лахтов В. Нови натписи од Охрид и Охридско / В. Лахтов // Жива Антика. – 1956. – № 1.
70. Соколовска В. Ликовни представи на Кибела / В. Соколовска // Macedoniae Acta Archeologica. – 1986. – № 9.
71. Тупурковски В. Историја на Македонија. Од древнина до смртта на Александар Македонски / В. Тупурковски. – Скопје, 1993.
72. Македонска лирика. – Скопје, 1950.
73. Македонски правопис. Изработен от комисијата за јазик и правопис при Министерството на народната просвета. – Скопје, 1945.
74. Македонија во XVI и XVII век. Документи от Царигородските архиви (1557 - 1664) / ред. Д. Шопова. – Скопје, 1955.
75. Македонија како природна и економска целина. – Скопје, 1978.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

76. Македонски текстови 10 - 20 век / сост. Б. Конески, О. Јашар-Настева. – Скопје, 1956.
77. Маленко В. Две статуетки на Изида во Охрид / В. Маленко // Macedoniae Acta Archeologica. – 1976. – № 2.
78. Мазовер М. Балканот (кратка историја) / М. Мазовер. – Скопје, 2003.
79. Малковски Г. Профашистичките и колаборационистичките организации и групи во Македонија. 1941 – 1944 година / Г. Малковски. – Скопје, 1995.
80. Мамуровски Т. Квислиншки и националистички организации во егејскиот дел на Македонија во втората светска војна / Т. Мамуровски. – Скопје, 2001.
81. Микулчиќ И. Старо Скопје со околните тврдини / И. Микулчиќ. – Скопје, 1982.
82. Милославлевски С. Социологија на македонската национална свест / С. Милославлевски. – Скопје, 1995.
83. Мисириков К. За македонцките работи / К. Мисириков. – Скопје, 1946, 1953.
84. Митрев Д. БКП и Пиринска Македонија / Д. Митрев. – Скопје, 1960.
85. Мојсов Л. Околу прашањето на македонското национално малцинство во Грција / Л. Мојсов. – Скопје, 1954.
86. Панов Б. Охрид во крајот на XI и почетокот на XII век во светлината на писмата на Теофелакт Охридски / Б. Панов // Зборник посветен на Димче Коцо. – Скопје. 1975.
87. Пандевски М. Националното прашање во македонското ослободително движење / М. Пандевски. – Скопје, 1974.
88. Пандевски М. Илинденското восстание во Македонија 1903 / М. Пандевски. – Скопје, 1978.
89. Пандевски М. Македонското ослободително дело во XIX и XX век / М. Пандевски. – Скопје, 1987.
90. Панов Б. Охрид и Охридската област во првите векови по словенската колонизација / Б. Панов // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. – 1978. – Кн. 4.
91. Папазоглу Ф. Македонски градови у римско доба / Ф. Папазоглу. – Скопје, 1957.
92. Поплазаров Р. Грчката политика спрема Македонија во втората полвина на XIX и почетокот на XX век / Р. Поплазаров. – Скопје, 1973.
93. Поповски В. Македонското национално-освободителното движење до ТМРО / В. Поповски. – Скопје, 1989.
94. Прилеп и Прилепско низ историјата. – Прилеп, 1971. – Кн. 1.
95. Пулевски Ѓ. Славјано-маќедонска општа историја / Ѓ. Пулевски. – Скопје, 2003.
96. Ристовски Б. Крсте Мисириков / Б. Ристовски. – Скопје, 1966.
97. Ристовски Б. Македонската национална мисла / Б. Ристовски. – Скопје, 1966.
98. Ристовски Б. «Лозарите» во розвитокот на македонската национална мисла / Б. Ристовски. – Скопје, 1968.
99. Ристовски Б. Наце Димов / Б. Ристовски. – Скопје, 1973.
100. Ристовски Б. Димитрија Чуповски (1878 - 1940) / Б. Ристовски. – Скопје, 1978.
101. Ристовски Б. Македонија и македонската нација / Б. Ристовски. – Скопје, 1995.
102. Ристевски С. Судени за Македонија / С. Ристевски. – Скопје, 1993.
103. Развиток на државноста на македонскиот народ. – Скопје, 1966.
104. Саид Е. Ориентализам / Е. Саид. – Скопје, 2003.
105. Симовски Т. Населени места во Егејска Македонија / Т. Симовски. – Скопје, 1978.
106. Соколовска В. Античка скулптура во СР Македонија / В. Соколовска. – Скопје, 1987.
107. Сто години од основањето на ВМРО и 90 години от Илинденското востание / упоред. К. Богоев. – Скопје, 1993.
108. 100 години ВМРО. Златна книга / упоред. А. Тројановски. – Скопје, 1993.
109. Стојанов П. Историја на македонскиот народ / П. Стојанов. – Скопје, 1969.
110. Ташковски Д. Роѓањето на македонската нација / Д. Ташковски. – Скопје, 1966.
111. Ташковски Д. Етногенезата на македонскиот народ / Д. Ташковски. – Скопје, 1974.
112. Ташковски Д. За македонската нација / Д. Ташковски. – Скопје, 1975.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

113. Тодорова М. Замислувајќи го Балканот / М. Тодорова. – Скопје, 2001.
114. Тодоровски Г. Окупацијата на западна Македонија / Г. Тодоровски. – Скопје, 1992.
115. Тодоровски З. ВМРО, 1924 – 1934 / З. Тодоровски. – Скопје, 1997.
116. Трајаноски Ж. Соочи се со националноста / Ж. Трајаноски // Дневник. – 2006. – Јануари 14.
117. Хобсбаум Е. Нациите и национализмот по 1780 / Е. Хобсбаум. – Скопје, 1993.
118. Христов А. ВМРО и македонската државност / А. Христов. – Скопје, 1993.
119. Шнапер Д. Заедница на граѓани / Д. Шнапер. – Скопје, 2003.

На русском языке:

120. Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007.
121. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
122. Андонов-Полянски Хр. Сан-Стефанская Болгария. Ненаучное объяснение македонской истории / Хр. Андонов-Полянски // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970.
123. Антоляк Ст. Приход славян на Балканский полуостров / Ст. Антоляк // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970.
124. Апостолски М. Манифест Главного штаба НОВ и ПОМ / М. Апостолски // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970.
125. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. Краткий очерк / А. Барамидзе, Ш. Радиани, В. Жгенти. – М., 1952.
126. Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V – XII веков / Ф. Бегиашвили. – Тбилиси, 1949.
127. Биллинг М. Нации и языки / М. Биллинг // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С.44 – 70.
128. Булгаков В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс. 2006.
129. Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон / И. Бусыгина, А. Захаров. – М., 2006.
130. Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // Ab Imperio. – 2003. – No 1.
131. Викс Т. Мы или они? Белорусы и официальная Россия, 1863 – 1914 / Т. Викс // Российская Империя в зарубежной историографии / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005. – С. 589 – 609.
132. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.
133. Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // Ab Imperio. – 2003. – No 2.
134. Гришашвили И. Литературная богема старого Тбилиси / И. Гришашвили / пер. с грузинского Н. Тархнишвили, ред. Г.Ш. Цицишвили. – Тбилиси, 1989.
135. Дзидзигури Ш. Баски и грузины / Ш. Дзидзигури. – Тбилиси, 1979.
136. Дикман К. Уэльс: внутренняя колония или барышник? / К. Дикман // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001.
137. Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. Краткий курс / Д.А. Джавахия. – Тбилиси, 1965.
138. Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа / И. Джавахишвили. – Тбилиси, 1950. – Кн. 1 (Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока).

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

139. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора. Чьи места? Чья память? / Т. Джадт // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 44–71.
140. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Дж. Джозеф // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание).
141. Долбилов М.Д. Конструирование образа мятежа. Политика М.Н. Муравьева в Львовско-Белорусском крае в 1863 – 1865 гг. как объект историко-антропологического анализа / М.Д. Долбилов // Actio Nova. – М., 2000. – С. 338 – 409.
142. Долбилов М.Д. Культурная идиома возрождения Россия как фактор имперской политики в Северо-Западном Крае в 1863 – 1865 гг. / М.Д. Долбилов // Ab Imperio. – 2001. – № 1 – 2. – С. 227 – 268.
143. Долбилов М.Д. Превратности кириллизации. Запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве в 1864 – 1882 гг. / М.Д. Долбилов // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 255 – 296.
144. Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории / И.М. Дьяконов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / ред. М.С. Азимов. – М., 1981. – С. 90 – 100.
145. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки / И.М. Дьяконов, С.А. Старостин // Древний Восток: этнокультурные связи / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. – М., 1988.
146. Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001.
147. Есть ли у империи «память»? Приглашение в дискуссии // Ab Imperio. – 2004. – No 1.
148. Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970.
149. История Грузии. Учебник для VIII – X классов / ред. Н. Бердзенишвили. – Тбилиси: «Цодна», 1960.
150. История Грузии / Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. – Тбилиси, 1950. – Т. 1 (С древнейших времен до начала XIX века).
151. История македонского народа / ред. М. Апостолски (пред), Д. Зографски, А. Стояновски, Г. Тодоровски. пер. с макед. А. Губанов. – Скопье, 1975.
152. Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.
153. Катаржиев И. Создание и деятельность ВМРО / И. Катарджив // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 119 – 138.
154. Кирчанов М.В. Политическая модернизация. Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – 256 с.
155. Кирчанов М.В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – 295 с.
156. Кирчанов М.В. Болгарская национальная идентичность в условиях послевоенной трансформации общества (Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Вып. 14) / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – 13 с.
157. Кирчанов М.В. Македонская историческая память в СФРЮ (Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Вып. 5) / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2006. – 16 с.
158. Кирчанов М.В. Национальная парадигма и язык написания истории (болгаризируя историю Македонии) / М.В. Кирчанов // Отечественная и зарубежная история: проблемы, мнения, подходы (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории). – Пятигорск, 2006. – Вып. 6. – С. 273–287.
159. Кирчанов М.В. Болгаро-македонская полемика в 1990-е годы: к проблеме болгарской перцепции прошлого Македонии и интеграции македонской истории в болгарский контекст / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – 22 с.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

160. Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917 – 1937 гг. / К.И. Куликов. – Ижевск, 1993.
161. Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // An Imperio. – 2003. – № 1.
162. Кутявин А.Н. Удмуртское национальное движение в контексте этнокультурной и политической истории народов Волго-Камья в конце XIX – первой четверти XX века / А.Н. Кутявин // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 64 – 77.
163. Лаврентьев В. Попытка Србика с помощью исторических понятий обосновать австрийскую идентичность как часть имперской // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1. – М. – Ставрополь, 2004. – С. 233 – 246.
164. Лаллукка С. Формирование национальных движений на окраинах империй / С. Лаллукка // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 5 – 13.
165. Ларюэль М., Пейруз С. Русские на Алтае: историческая память и национальное самосознание в Казахстане / М. Ларюэль, С. Пейруз // Ab Imperio. – 2004. – No 1.
166. Лашкарадзе Д. Проблема европеизма в грузинской литературе (от Теймураза Первого до Николоза Бараташвили) / Д. Лашкарадзе. – Тбилиси, 1987.
167. Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 72–84.
168. Луутонен Й. Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературных яхыках в начале XX века / Й. Луутонен // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 21 – 42.
169. Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь / Д. Лэнг / пер. с англ. С. Федорова. – М., 2004.
170. Македония и македонцы в прошлом. – Скопье, 1970.
171. Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентрические конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5.
172. Мисириков К. О македонских делах / К. Мисириков. – Скопье, 1974.
173. Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания / А.С. Мыльников. – СПб., 1997.
174. Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен / И. Нарский // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 85–88.
175. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М., 2004.
176. Мустеацэ С. Преподавание истории в Республике Молдова в последние десять лет // Ab Imperio. – 2003. – No 1. – С. 467 – 484.
177. Никитина Т.В., Петрунина О.В. Идея нации и национальное сознание в Греции / Т.В. Никитина, О.В. Петрунина // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. – М., 2005. – С. 459 – 495.
178. Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии / Х.-Ю. Нитц // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001.
179. Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001.
180. Орловская Н.К. Грузия в литературах Западной Европы XVII – XVIII веков / Н.К. Орловская. – Тбилиси, 1965.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

181. Орловская Н.К. Вопросы литературных связей Грузии с Западом / Н.К. Орловская. – Тбилиси, 1986.
182. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.
183. Поленакович Х. Славянские просветители Кирилл и Мефодий / Х. Поленакович // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970. – С. 27 – 50.
184. Реми Й. Проблемы неполной национальной мобилизации: национальные движения украинцев и белорусов в сравнительном анализе / Й. Реми // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 14 – 20.
185. Романенко С.А. Монархия Габсбургов, Средняя Европа и обретение Хорватией независимости // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1. – М. – Ставрополь, 2004. – С. 247 – 261.
186. Сильверстейн М. Уорфианство и лингвистическое воображение нации / М. Сильверстейн // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С.71 – 115.
187. Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002.
188. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004.
189. Стоянов П. Разделение Македонии на три части / П. Стоянов // Из прошлости македонского народа / ред. М. Апостолски, А. Алексиев, И. Катарджиев, Б. Михов, Л. Исаиев. – Скопье, 1970.
190. Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878 – 1912 / А.Ю. Тимофеев. – СПб., 2007.
191. Улунян А.А. Модернизация по-гречески: между переворотами и революциями, монархией и республикой / А.А. Улунян // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX века) / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004.
192. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3.
193. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни / Дж. Фишман // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 116 – 124.
194. Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? / Э. Франсуа // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 29–43.
195. Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века / Г.В. Хачапуридзе. – Тбилиси, 1950.
196. Хинтибидзе Э.Г. Грузинско-византийские литературные взаимоотношения / Э.Г. Хинтибидзе. – Тбилиси, 1989.
197. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.
198. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание).
199. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8.
200. Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // Ab Imperio. – 2003. – No 2.
201. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности / ред. Р.П. Гришина. – СПб., 2004.
202. Чикобава А. Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик / А. Чикобава // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1948. – Вып. 2.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

203. Чикобава А. О лингвистических чертах картвельских языков / А. Чикобава // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1948. – Т. 7. – Вып. 1.
204. Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы / С. Чилая / пер. с грузинского Б. Абуладзе, В. Татишвили. – Тбилиси, 1960.
205. Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. Доклад на III съезде советских писателей Грузии 9 сентября 1946 года / П.А. Шария. – Тбилиси, 1946.
206. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003.
207. Шнирельман В.А.Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006.
208. Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000.

На болгарском языке:

209. Айзакс Х. Идоли на племето: Групова идентичност и политическа промяна / Х. Айзакс. – София, 1997.
210. Ангелов Д. Образуване на българската народност / Д. Ангелов. – София, 1981.
211. Андерсън Б. Въобразените общности: Размишления върху произхода и разпространението на национализма / Б. Андерсън / прев. Я. Генова. – София, 1998.
212. Андреева Р. Нация и национализъм в българската история / Р. Андреева. – София, 1998.
213. Аретов Н. Българското възраждане и Европа / Н. Аретов. – София, 1995.
214. Аретов Н. Национална митология национална литература / Н. Аретов. – София, 2006.
215. Балканите като метафора: между глобализадията и фрагментацията / състав. Душан Биелич и Обрад Савич. София, 2004.
216. Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха XIX–XX в. / състав. Н. Аретов, Н. Чернокожев. – София, 2001 – 2003. – Т. 1 – 4.
217. Бърк П. Народната култура в зората на модерна Европа / П. Бърк. – София, 1997.
218. Бобчев С. Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни / С. Бобчев // Списание на Българската академия на науките. – 1921. – Т. 11. – С. 187 – 238.
219. Божинова В. Жертвено поколение / В. Божинова. – София, 1996.
220. Велкова С. «Славянският съсед» и гръцкият национален «образ аз» / С. Велкова. – София, 2002.
221. Войнов М. Към въпроса на българската народност в Македония / М. Войнов // Исторически прегдед. – 1966. – № 5.
222. Гелнър Ъ. Нации и национализъм / Ъ. Гелнър / прев. Ив. Ватова и Алб. Знеполска. – София, 1999.
223. Гелнър Ъ. Срещи с национализма / Ъ. Гелнър / прев. Ивелина Ватова. – София, 2002.
224. Гелнер Ъ. Условията на свободата: Гражданското общество и неговите съперници / Ъ. Гелнър / прев. от англ. Л. Шведова. – София, 1996.
225. Георгиев В., Трифонов С. Грецката и сръбската пропаганди в Македония / В. Георгиев, С. Трифонов. – София, 1995.
226. Георгиева А. Образи на другостта: Колективно несъзнавано – архетип – мит / А. Георгиева // Български фолклор. – 1994. – № 2. – С. 92 – 100.
227. Голдсуърди В. Измислянето на Руритания. Империализмът на въображението / В. Голдсуърси. – София, 2004.
228. Гоцев Д. Новата национално-освободителна борба във Вардарска Македония 1944 – 1991 / Д. Горцев. – София: Македонски научен институт, 1998.
229. Гоцев С. Борби на българското население в Македония срещу чиждите аспирации и пропаганда / С. Гоцев. – София, 1991.
230. Григоров Г. Македония – люлка българщината / Г. Григоров. – София, 2004.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

231. Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми от XIX век / Н. Данова. – София, 1980.
232. Данова Н. Българите в гръцката книжнина през XVIII и началото на XIX век / Н. Данова // Балканистика. – 1986. – Т. 1. – С. 252 – 271.
233. Димитров П. Рекрутиране и функциониране на българската администрация в Скопска и Битолска област (1941 – 1944 г.) / П. Димитров // Втората световна война и Балканите. – София, 2002. – С. 186 – 203.
234. Димитрова Сн. «Моята земя», «моята сцена», «моето пробуждане»: фигуративните преживявания на природата по време на Голямата война (1914–1918) и българската модерност / Сн. Димитрова // Критика и хуманизъм. – 2000. – № 2.
235. Дичев И. От принадлежност към идентичност. Политика на образа / И. Дичев. – София, 2002.
236. Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. – София, 1998.
237. Иванов Й. Северна Македония. Исторически издирвания / Й. Иванов. – София, 1906.
238. Иванов Й. Български старини из Македония / Й. Иванов. – София, 1908 (1931, 1970).
239. Ивановъ Й. Българитъ въ Македония. Издирвания и документи за тъхното потекло, езикъ и народность съ етнографска карта и статистика. Второ допълнено издание / Й. Ивановъ. – София: Царска придворна печатница, 1917.
240. Иванов Й. Българските диалекти в Северна Македония / Й. Иванов. – София, 1909.
241. Иванов Й. Българите в Македония / Й. Иванов / под ред. на В. Божинов, Й. Заимов. – София, 1986.
242. Илиев А. Зовът на родината / А. Илиев // Изток. – 1926. – № 40.
243. Илиев А. Конфликтът между родното и чуждото / А. Илиев // Изток. – 1926. – № 49.
244. Илиев А. Процепи в народната ни психика (Културно-исторически очерк) / А. Илиев // Училищен преглед. – 1939. – № 1. – С. 48 – 61.
245. Илиев А. Конфликтът между родното и чуждото / А. Илиев // Изток. Литературен сборник. – София, 1926.
246. Илиев С. Из спомените ми / С. Илиев. – София, 1993.
247. Иширков А. Влиянието на културата върху слабокултурните народи / А. Иширков // Училищен преглед. – 1926. – № 1–2. – С. 139–149.
248. Ичевска Т. Митичното в българската литература – светове и форми / Т. Ичевска. – Пловдив, 2000.
249. Заимов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров / Й. Заимов // Проучване на жителските имена в българската топонимия. – София, 1967.
250. Китромилидис П.М. От кръста към флага: Аспекти на християнството и национализма на Балканите / П.М. Китромилидис / състав. Върбан Тодоров. – София, 1999.
251. Конева Р. Съседът между мира и войната. Българската литература за своя съседът в края на XIX – началото на XX в. / Р. Конева // Балкански идентичности. – София, 2001. – Т. 2. – С. 243 – 272.
252. Кожухарова-Велкова С. Славянският съсед и гръцкият национален “образ аз” (1912-1941) / С. Кожухарова-Велкова. – София, 2002.
253. Кочев И., Александров И. Документи за съчиняването на македонски книжовен език / И. Кочев, И. Александров // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. - София: Македонски научен институт, 1998.
254. Кратка история на България. – София, 1958.
255. Кратка история на България. – София. 1962.
256. Кронщайнер О. Разпадането на Югославия и бъдещето на македонския книжовен език / О. Кронщайнер // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. – София: Македонски научен институт, 1998.
257. Македония като природно и стопанско цяло. – София: Македонски научен институт, 1945
258. Манафова Р. Култура и политика. България в навечерието на Балканската война / Р. Манафова. – София, 1987.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

259. Марковски В. Кръвта вода не става (моят отговор на фалшификаторите на истината за България) / В. Марковски. – София, 1981.
260. Митов Г. На война с 28-и пехотен Стремски полк. Страници от дневник / Г. Митов. – София, 1930.
261. Милев Н. Под стените на Одрин. Дневник / Н. Милев. – София, 1927.
262. Мишкова Д. Приспособяване на свободата. Модерност - легитимност в Сърбия и Румъния през XIX в. / Д. Мишкова. – София, 2001.
263. Молов Т. Мит – Епос – История. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992 – 1092 – 1492) / Т. Молов. – Варна, 2002.
264. Мусаков Вл. Кървави петна / Вл. Мусаков. – София, 1921.
265. Панайотов И. Из дипломатическата история на Сан-Стефанския договор / И. Панайотов // Исторически преглед. – 1966. – № 5.
266. Петров П. Научна експедиция в Средна Македония през 1943 година / П. Петров // Военноисторически сборник. – 1992. – Кн. 1. – С. 95–105.
267. Поклоннически слова за Македония. – София: Военноиздателски комплекс «Св. Георги Победоносец», 1993.
268. Представата за “Другия” на Балканите: Сборник на докладите от интердисциплинарна конференция, София, 1992 г. / ред. кол. Надя Данова, В. Димова, М. Калицин. – София, 1995.
269. Райнова М. Спомените на фелдфебел Борис Райнов за Македония и боевете с германците в Прилеп, на р. Черна и Бабуна планина (9-23 септември 1944 година) / М. Райнова // Военноисторически сборник. – 1996. – Кн. 3. – С. 114–131.
270. Русев Л. Войната като влечение към смъртта и сродяване с ужаса / Л. Русев // Философски преглед. – 1935. – № 5.
271. Русева В. Конструираната идентичност / В. Русева // Култура и критика / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. – Варна, 2003. – Т. 3 (Краят на модерността?). – С. 111 – 118.
272. Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. – София: Македонски научен институт, 1998.
273. Силяновъ Хр. Освободитилнитъ борби на Македония / Хр. Силяновъ. – София: Държавна печатница, 1933. – Томъ 1 (Илинденското възстание).
274. Силяновъ Хр. Освободитилнитъ борби на Македония / Хр. Силяновъ. – София: Държавна печатница, 1943. – Томъ 2 (Следъ Илинденското възстание).
275. Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония / Хр. Силянов / ред. Л. Панайотов. – София, 1983. – Т. 1 (Илинденското възстание).
276. Силянов Хр. Освободитилните борби на Македония / Хр. Силянов / ред. Л. Панайотов. – София, 1983. – Т. 2 (След Илинденското възстание).
277. Смит А. Националната идентичност / А. Смит / прев. Н. Аретов. – София, 2000.
278. Стоянски Хр. Кажи кога да умра / Хр. Стоянски. – София, 2007.
279. Тодоров В. Етнос, нация, национализъм: Аспекти на теорията и практиката. – София, 2000.
280. Тодорова М. Балкани. Балканизъм / прев. от англ. П. Йосифова-Хеберле. – София, 1999.
281. Тодоров В. И свой своя /не/ позна... Етюди по славянска имагинистика / В. Тодоров. – София, 1996.
282. Тодоров В. «Знам ги аз тях!». Сърбия и сърбите в българската литература / В. Тодоров. – София, 2000 (Варна, 2002).
283. Хобсбом Е. Нации и национализъм от 1780 до днес: Програма, мит, реалност / прев. от англ. М. Пипева и Е. Георгиев. – София, 1996.
284. Църнушанов К. Македонизмът и съпратива на Македония срещу него / К. Църнушанов. – София, 1992.
285. Църнушанов К. Многократните изяви на националното самоопределение на македонските българи / К. Църнушанов. – София, 1992.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

На английском языке:

286. Alstadt A.L. Rewriting Turkic History in Gorbachev Era / A.L. Alstadt // Journal of Soviet Nationalities. – 1991. – Vol. II. – No 2. – P. 73 – 90.
287. Anagnostopoulou S. “Tyranny” and “Despotism” as National and Historical Terms in Greek Historiography / S. Anagnostopoulou // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 81 – 90.
288. Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983.
289. Armstrong J. Nations before Nationalism / J. Armstrong. – Chapel Hill, 1982.
290. Art D. The Organizational Origins of the Contemporary Radical Right: The Case of Belgium / D. Art // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 4.
291. Beer S.H. The Comparative Method and the Study of British Politics / S.H. Beer // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.
292. Bell J. The Bulgarian Communist Party from Blagoev to Tzivilov / J. Bell. – Stanford, 1985.
293. Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.
294. Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975.
295. Bossche G. van der, Is there Nationalism after Ernest Gellner? An exploration of methodological choices / G. van der Bossche // Nations and Nationalism. – 2003. – Vol. 9. – No 4. – P. 491 – 509.
296. Bourdieu P. Language and Symbolic Power / P. Bourdier. – Cambridge, 1991.
297. Brennan G. Language and Nationality: the role of police toward Geltic language in the consolidation of Tudor Power / G. Brennan // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – No 3. – P. 317 – 338.
298. Breuilly J. Nationalism and State / J. Breuille. – Manchester, 1982.
299. Carrier J.G. Occidentalism: Images of the West / J.G. Carrier. – NY., 1995.
300. Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000.
301. Comparing Communist Nations / ed. Chalmers Johnson. – Stanford, 1970.
302. Czudnowski M. Sociocultural Variables and Legislative Recruitment: Some Theoretical Variations and a Case Study / M. Czudnowski // Journal of Comparative Politics. – 1972. – Vol. 4. – No 4.
303. Duchacek I.D. National Constitutions: A Functional Approach / I.D. Duchacek // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.
304. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.
305. Engström J. The Power of Perception: The Impact of the Macedonian Question on Inter-ethnic Relations in the Republic of Macedonia / J. Engström // The Global Review of Ethnopolitics. – 2002. – Vol. 1. – No 3. – P. 3 – 17.
306. Fishman J. Language and Nationalism / J. Fishman. – Rowley, 1973.
307. Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1.
308. Fotini Ch. Following the Money: Muslim versus Muslim in Bosnia's Civil War / Ch. Fotini // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 4.
309. Gavrila B. The Political Discourse of National-Communism 1971-1979 / B. Gavrila. – Budapest, 2004 (Master Thesis).
310. Giuliano E. Who Determines the Self in the Politics of Self-Determination? Identity and Preference Formation in Tatarstan's Nationalist Mobilization / E. Giuliano // Journal of Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No 2.
311. Gerow A. Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan / A. Gerow // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 74 – 95.
312. Haav K. What are the repercussions of using language as a political tool by nationalist elites? / K. Haav. – Budapest, 2006 (Master Thesis).

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

313. Hale H.E. The Double-Edged Sword of Ethnofederalism: Ukraine and the USSR in Comparative Perspective / H.E. Hale // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 3.
314. Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3 – 52.
315. Herzfeld M Ours Once More: Folklore, Ideology, and the Making of Modern Greece New York: Pella Publishing Company / M. Herzfeld. – NY., 1985.
316. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780 / E. Hobsbawm. – NY., 1990.
317. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.
318. Hroch M. The Social Interpretation of Linguistic Demands in European National Movements / M. Hroch. – Florence, 1994.
319. Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Directions: Post-Soviet Ukraine / Y. Hrytsak // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 229 - 254.
320. Hutton C.M. Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue, Fascism, Race and the Science of Language / C.M. Hutton. – L. – NY., 1999.
321. Jilge W. Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991 / W. Jilge // European History: Challenge for a Common Future / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134.
322. Jordanovski N. Medieval and Modern Macedonia as Part of a National “Grand Narrative” / N. Jordanovski // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 109 – 117.
323. Jordanovski N. The Common Yugoslav History and the Republic of Macedonia / N. Jordanovski // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 254 – 260.
324. Jordanovski N. Between the Necessity and the Impossibility of a “National History” / N. Jordanovski // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 265 – 275.
325. Joseph J.E. Eloquence and Power: the Rise of Language Standards and Standard Languages / J.E. Joseph. – L. – NY., 1987.
326. Joseph J.E. Language as Fiction: Writing the Text of Linguistic Identity in Scotland / J.E. Joseph // English Literatures in International Context / eds. H. Autor, K. Stierstorfer. – Heidelberg, 2000. – P. 77 – 84.
327. Kalionski A. Ottoman Macedonia in Bulgarian History Textbooks for Secondary School / A. Kalionski // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 276 – 280.
328. Kalionski A., Kolev V. Multiethnic Empires, National Rivalry and Religion Bulgarian History Textbooks / A. Kalionski, V. Kolev // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 117 – 132.
329. Kamusella T. Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe / T. Kamusella // Nations and Nationalism. – 2001. – Vol. 7. – No 2. – P. 235 – 251.
330. Kautsky J. Revolutionary and Managerial Elites in Modernizing Regimes / J. Kautsky // Journal of Comparative Politics. – 1969. – Vol. 1. – No 4.
331. Kazuhiko K. The Continuing Legacy of Japanese Colonialism: the Japan-South Korea Joint Study Group on History Textbooks / K. Kazuhiko // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 203 – 225.
332. Karakatsani K. The Macedonian Question in Greek History Textbooks / K. Karakatsani // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 289 – 293.
333. Karge H. Between Euphoria, Sober Realisation and Isolation. “Europe” in the History Textbooks of Former Yugoslavian Countries / H. Karge // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 203 – 226.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

334. Klid B. The Struggle over Mykhailo Hrushevs'ky: recent Soviet Polemics / B. Klid // Canadian Slavonic Papers. – 1991. – Vol. 33. – No 1. – P. 32 – 45.
335. Kochanek I. Perspectives on the Study of Revolution and Social Change / I. Kochanek // Journal of Comparative Politics. – 1973. – Vol. 5. – No 3.
336. Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z.E. Kohut // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / ed. S.F. Starr. – NY., 1994. – P. 123 – 145.
337. Kohut Z.E. A Study of History in independent Ukraine // Forum. 1998. – No 98. – P. 26 – 28.
338. Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine. – Saskatchewan, 2001.
339. Korbonski A. Comparing Liberalization Processes in Eastern Europe: A Preliminary Analysis / A. Korbonski // Journal of Comparative Politics. – 1972. – Vol. 4. – No 2.
340. Kojouharov A. Bulgarian "Macedonian" Nationalism: A Conceptual Overview / A. Kojouharov // Journal of Peace and Conflict Resolution. – 2004. – Fall.
341. Koren S. Hungarians and Hungarian History in Croatian History Textbooks / S. Koren // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 168 – 190.
342. Koren S. Yugoslavia: a Look in the Broken Mirror. Who is the "Other"? / S. Koren // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 193 – 202.
343. The Invention of Tradition / eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge, 1983.
344. Lang D.M. The Last Years of Gergian Monarchy, 1658 – 1832 / D.M. Lang. – NY., 1957.
345. Lang D.M. A Modern History of Georgia / D.M. Lang. – L., 1962.
346. Lang D.M. The Gergians / D.M. Lang. – NY., 1966.
347. Lang D.M. Lives and Legends of the Gergian Saints / D.M. Lang. – NY., 1976.
348. O'Leary B. Ernest Gellner's diagnoses of nationalism: a critical overview, or, what is living and what is dead in Ernest Gellner's philosophy of nationalism? / B. O'Leary // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / ed. J. Hall. – Cambridge, 1998. – P. 40 – 88.
349. Lasswell H.D. The Future of the Comparative Method / H.D. Lasswell // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.
350. Le Caire H. New States, Old Identities? The Czech Republic, Slovakia and Historical Understanding of Statehood / H. Le Caire // Nationalities Papers. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.
351. Loewen J.W. Vietnam War in High School American History / J.W. Loewen // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 150 – 172.
352. Lucero J.A. On Feuds, Tumults, and Turns: Politics and Culture in Social Movement Theory / J.A. Lucero // Journal of Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No 2.
353. Macridis R.C.Comparative Politics and the Study of Government: The Search for Focus / R.C. Macridis // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.
354. McCormack G. The Japanease Movement ro "Correct History" / G. McCormack // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73.
355. Macedonia and its Relations with Greece / eds. G. Stardelov, C. Grozdanov, B. Ristovski – Skopje, 1993.
356. The Macedonian Question: Culture, Historiography, Politics / ed. V. Roudometof. – Boulder, 2000.
357. Misirikov K. On Macedonian Matters / K. Misirikov. – Skopje, 1974.
358. Motyl A. Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires / A. Motyl. – NY., 2001.
359. Motyl A. Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities / A. Motyl. – NY., 1999.
360. Motyl A. Thinking about Empire / A. Motyl // After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building / eds. K. Barley, M. von Hagen. – Boulder, 1997. – P. 19 – 29.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

361. Motyl A. Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective / A. Motyl // Comparative Politics. – 1999. – Vol. 31. – P. 127 – 145.
362. Murchu N. Split Labor Markets and Ethnic Violence after World War I: A Comparison of Belfast, Chicago, and Johannesburg / N. Murshu // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 4.
363. Nairn T. The curse of rurality: limits of modernisation theory / T. Nairn // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / ed. J. Hall. – Cambridge, 1998. – P. 107 – 134.
364. Nation and Narration / ed. Homi K. Bhabha. – NY., 1990.
365. Nikolayenko O. The Revolt of the Post-Soviet Generation: Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine / O. Nikolayenko // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 2.
366. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire / P. Nora // Representations. – 1989. – No 26.
367. Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past / P. Nora. – NY., 1996.
368. Nuhoglu Soysal Y., Antoniou V. A Common Regional Past? Portrayals of the Byzantine and Ottoman Heritages from Within and Without / Y. Nuhoglu Soysal, V. Antoniou // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 53 – 72.
369. Ohloblyn O. Ukrainian Historiography. 1917 – 1956 / O. Ohloblyn // Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. – 1957. – Vol. 6 – 7. – No 4. – P. 307 – 435.
370. Palombara J. Macrotheories and Microapplications in Comparative Politics: A Widening Chasm / J. La Palombara // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.
371. Penrose J. Nations, States and Homelands: territory and territoriality in nationalist thaught / J. Penrose // Nations and Nationalism. – 2002. – Vol. 8. – No 3. – P. 277 – 297.
372. Pollard S. Marginal Areas. Do they have a common History / S. Pollard // Towards an International Economic and Social History. – Genf, 1995. – P. 121 – 136.
373. Potočnik D., Raztopnik J. The Second World War and Socialistic Yugoslavia in Slovenian Textbooks / D. Potočnik, J. Raztopnik // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 228 – 231.
374. Pundeff M.V. Bulgarian Nationalism / M.V. Pundeff // Nationalism in Eastern Europe / ed. P.F. Sugar, I.J. Lederer. – Washington, 1994.
375. Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic traditions in Modern Italy / R.D. Putnam. – Princeton, 1993.
376. Ristovski B. Macedonian and Macedonian People / B. Ristivski. – Skopje, 1999.
377. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // Ab Imperio. – 2004. – No 1.
378. Ruparelia S. Rethinking Institutional Theories of Political Moderation: The Case of Hindu Nationalism in India, 1996-2004 / S. Ruparelia // Journal of Comparative Politics. – 2006. – Vol. 38. – No 3.
379. Rustow D. Modernization and Comparative Politics: Prospects in Research and Theory / D. Rustow // Journal of Comparative Politics. – 1968. – Vol. 1. – No 1.
380. Siaroff A. The Fate of Centrifugal Democracies: Lessons from Consociational Theory and System Performance / A. Siaroff // Journal of Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No 2.
381. Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986.
382. Smith A. Nationalist Identity / A. Smith. – L., 1991.
383. Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History / A. Smith. – Oxford, 2000.
384. Snyder R., Mahoney J. The Missing Variable: Institutions and the Study of Regime Change / R. Snyder, J. Mahoney // Journal of Comparative Politics. – 1999. – Vol. 32. – No 1.
385. Shea J. Macedonia and Greece: The Struggle to Define a New Balkan Nation / J. Shea. – L., 1997.
386. Soysal Y.N. Identity and Transnationalization in German School Textbooks / Y.N. Soysal // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 127 – 149.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

387. Stathi P. Dealing with Ottoman past in Greek Chronicles / P. Stathi // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 73 – 80.
388. Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historiography and the Non-Russian Nationalities / L. Tillet. – Chapel Hill, 1969.
389. Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison og Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6.
390. Troebst S. "We are Transnistrians". Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // Ab Imperio. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.
391. Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.
392. Valenzuela J.S., Scully T.R., Somma N. The Enduring Presence of Religion in Chilean Ideological Positionings and Voter Options / J.S. Valenzuela, T.R. Scully, N. Somma // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 1.
393. Verdery K. National Ideology Under Socialism – Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania / K. Verdery. – Berkeley, 1995.
394. Vlassidis V. School Celebrations in Greek Macedonia / V. Vlassidis // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessalonoki, 2002. – P. 286 – 288.
395. Vujačić V. Elites, Narratives, and Nationalist Mobilization in the Former Yugoslavia / V. Vujačić // Journal of Comparative Politics. – 2007. – Vol. 39. – No 1.
396. Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.
397. Wynar L.R. Mykhailo Hrushevsky: Ukrainian-Russian Confrontation in Historiography / L.R. Wynar. – NY., 1988.
398. Yoshiko N., Hiromitsu I. Japanese Education, Nationalism and Ienago Saboro's Textbook Lawsuits / N. Yoshiko, I. Hiromitsu // Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 96 – 126.
399. Zehavi A. The Faith-Based Initiative in Comparative Perspective: Making Use of Religious Providers in Britain and the United States / A. Zehavi // Journal of Comparative Politics. – 2008. – Vol. 40. – No 3.

На хорватском языке:

400. Agičić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agičić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160.
401. Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258.
402. Antić A. Evolicija i uloga tri kompleksa istorijskih mitova u srpskom akademskom i javnom mnenju u poskednih deset godina // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 259 – 290.
403. Brunnbauer U. Drevna nacionalnost i vjekovna borba za državnost: historiografski mitovi u Respublici Makedoniji // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 291 – 305.
404. Gellner E. Uvijeti slobode. Civilno društvo i njogovi suparnici / E. Gellner. – Zagreb, 2001.
405. Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138.
406. Grjak Z. Politička djelatnost vrhbosansskog nadbiskupa Josipa Stadlera / Z. Grjak. – Zagreb, 2001.
407. Džaja S.M. Bosanska povijesna stvarnost i njezini mitološki odrazi // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 39 – 66.
408. Đurčinov M. Nova makedonska književnost 1945 – 1980 / M. Đurčinov. – Beograd, 1988.
409. Kamberović H. "Turci" i "kmetovi" – mit o vlasnicima Bosanske zemlje // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 67 – 84.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

410. Katunarić V. Sporna zajednica: Novije teorije o naciji i nacionalizmu / V. Katunarić. – Zagreb, 2003.
411. Kolstø P. Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima / P. Kolstø // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 11 – 38.
412. Koreni velikobugarskog šovinizma u odnosu na Socijalističku Republiku Makedoniju. – Skopje, 1968.
413. Krišto J. Prešučena povijest. Katolička Crkva i hrvatska politika, 1850-1918 / J. Krišto. – Zagreb, 1994.
414. Krišto J. Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj / J. Krišto. – Zagreb, 2001.
415. Krišto J. Hrvatski katolički pokret / J. Krišto. – Zagreb, 2004.
416. Kværne J. Da lije Bosni i Hercegovini potrebno stvaranje novih povijsnih mitova? // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 85 – 108.
417. Perica V. Uloga crkava u konstrukciji državotvornih mitova Hrvatse i Srbije // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 203 – 224.
418. Hobsbaum E. Nacije i nacionalizam od 1780 / E. Hobsbaum. – Zagreb, 1993.
419. Žanić I. Simbolični identitet hrvatske u trokutu Raskrižje-Predziđe-Most // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. – Sarajevo, 2003. – S. 161 – 202.

На сербском языке:

420. Војводић М. Србија и македонско питање / М. Војводић // Историјски гласник. – 1990. – № 1 – 2.
421. Ивановић Р. Портрети македонских писаца / Р. Ивановић. – Цетиње, 1975.
422. Спасов А. Послератна македонска поезија / А. Спасов // Македонска књижевност. – Београд, 1961.
423. Стојанчевић В. Срби и Бугари: 1804-1878: чланци и расправе / В. Стојанчевић. – Нови Сад, 1995.
424. Џамбозовски К. Руски дипломати о великобугарском национализму / К. Џамбозовски // Политика. – 1968. – фебруари 18.

На грузинском языке:

425. ძიძიგური შ. ბასკები და ქართველები / შ. ძიძიგური. – თბილისი, 1978
426. ჯავახიშვილი ი. ქართული და კავკასიური ენების თავდაპირველი ბუნება და ნათესაობა / ი. ჯავახიშვილი. - თბილისი, 1937
427. მისიძე. ჭანურ-მეგრულ-ქართული შედარებითი ლექსიკონი / მისიძე. – თბილისი, 1938
428. მისიძე. სვანური მოთხრობითის ერთი ვარიანტი და სახელთა ბრუნების ორფუძიანობი ზოგ კავკასიურ ენაში / მისიძე // სტალინის სახელობის სახ. უნივერსიტეტის შრომები. – 1941. – ტ. 18
429. ხინთიბიძე ე. ქართულ-ბიზანტიური ლიტერატურული ურთიერთობანი / ე. ხინთიბიძე. – თბილისი, 1969.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Научное издание

Кирчанов Максим Валерьевич

Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий

Монография

На русском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 18.03.2009 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8, ауд. 105, 107
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

---

Maksym W. Kyrchanoff

NATIONALISTIC MODEL OF POLITICAL MODERNIZATION AND TRANSFORMATION IN EUROPEAN PERIPHERIES

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com